

Альберт Карышев

ФИЛОСОФИЯ
КРУТЫХ
СТУПЕНЕЙ

Альберт Иванович Карышев

Философия крутых ступеней, или Детство и юность Насти Чугуновой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8688767

Альберт Карышев. Философия крутых ступеней или Детство и юность Насти Чугуновой. Роман.: «Российский писатель»; Москва; 2013

ISBN 978-5-91642-115-6

Аннотация

Эта книга, как сама жизнь – простая и сложная, смешная и грустная, добрая и не очень, наполненная светлой радостью и омрачаемая горем. Главная героиня романа Альберта Карышева – Настя Чугунова – растёт, закаляется в пору новой русской смуты. У неё с колыбели отнята родительская забота, но ей многое дано, в первую очередь от природы. Да и опекают её любящие родственники, а при случае поддерживают и чужие добрые люди.

Изображая в своем романе жизнь такую, какая она есть, Альберт Карышев сложившейся в русской литературе за последние четверть века пораженческой традиции противопоставляет философию выживания в условиях теперь уже глобальных вызовов «маленькому человеку».

Содержание

Книга первая	6
1	6
2	13
3	23
4	31
5	37
6	44
7	53
8	62
9	68
10	76
11	84
12	91
13	98
14	101
15	106
16	114
17	120
18	124
19	131
20	136
21	142
22	148

Книга вторая	151
1	151
2	157
3	165
4	171
5	181
6	185
7	189
8	194
9	199
10	208
11	214
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Альберт Карышев Философия крутых ступеней или Детство и юность Насти Чугуновой

© Карышев А., 2013 г.

© «Российский писатель», 2013 г.

Книга первая

1

– Вставай, малышка, вставай! Вставай, Настенька!

Бабушка в ореховых очках, присев на стул у детской кровати в комнате внучки, гладила Настю по голове, щекотала ей мягкие пятки. Минуту назад, пока бабушка осторожно трясла её за плечо, Настя хныкала и сучила ногами, а тут замерла от удовольствия и улыбнулась со смеженными веками. Но бабушка перестала ласкать, прикрыла одеялом внучкины ноги и, прищёпнув по ним ладонью, поднялась со стула.

– Ну-ка, вставай!

– Бабуленька! Миленькая! – пропищал ребёнок, зарываясь лицом в подушку. – Пожалей свою бедную внученьку! Можно я посплю ещё чуть-чуть? Только одну минутку!

– Я в третий раз тебя бужу, – ответила бабушка, не очень успешно напуская на себя строгость. – Вставай, вставай, артистка! А то на занятия опоздаешь!

– Ещё одну минутку! – прихныкивая, молил ребёнок. – Какая ты безжалостная! Так спать хочется!

– Хватит, хватит лицедействовать! Хорошо. Даю ещё три минуты, но не больше.

Величавая, немного дородная Вера Валерьяновна, подвзя-

занная кухонным фартуком поверх домашнего халата, уплыла белым лебедем в кухню; но возле Насти появился дед Андрей Иванович, усатый, поседелый, коротко стриженный, чисто выбритый и по-военному подтянутый. Он без лишних слов ухватил внучку под мышки и поставил на пол в суконные тапочки с цветными рыбками на передках.

– Ступай умыться, соня! – Дед слегка поддал внучке рукой под зад. – Завтрак стынет.

Настя повернулась к нему и закричала, отбиваясь руками и ногами:

– Уходи! Плохой! Злой! Не люблю тебя!

Размахнувшись одной ногой, потом другой, сбросив с ног тапочки так, что первая чуть не угодила в окно, а вторая попала в чёрное пианино напротив кровати, девочка снова полезла на постель под одеяло, отвернулась от деда и сердито запыхтела.

– Не внучка, а какая-то психопатка, – сказал Чугунов и тоже ушёл в кухню.

Они сидели с женой у окна за обеденным столом. На улице тянулась долгая декабрьская ночь. Оконные стёкла выглядели отшлифованными срезами чёрного камня, в них отражалась матовая луковица висячей лампы с участком потолка, а сквозь прозрачный чёрный камень смутно виднелся городской пейзаж: серая проезжая дорога, белый снег по сторонам её, домики на взгорье, электрические огни. Края стёкол обросли бугристой наледью, наружные в двойной раме подра-

гивали от нажимов ветра. Дед уже оделся в тёмно-синий костюм, а под пиджак поддел джемпер. Он собрался вести Настю в музыкальную школу. «Как пойдём? – думал Чугунов. – На дворе темень, и метёт. А идти надо».

– Вроде откуда-то поддувает, – сказала Вера Валерьяновна, ёжась и оглядываясь. – Кофту схожу наброшу.

– Тянет из вентиляционной решётки, – сказал Андрей Иванович, когда жена вернулась в вязаной кофте.

– Может быть, занавесить её тряпкой? – спросила она.

– Сейчас.

Он встал с оклеенной пластиком потёртой фирменной табуретки, тоже вышел из кухни и принёс лист писчей бумаги. Приподнявшись на носках, дед Чугунов обеими руками закрыл листом вентиляционную решётку, и бумага прижалась к ней атмосферным давлением.

– Жалко спозаранку будить внученьку, такую маленькую, – сказала Вера Валерьяновна.

Андрей Иванович кивнул и добавил:

– А на будущий год ещё и в обычную школу водить её придётся. Как будет совмещать две школы?.. В школу она могла бы пойти в Москве, по месту прописки. Надо поговорить с московскими стариками. Мы бы с тобой отдохнули.

– Поговори. Если они согласятся, ты первый затоскуешь по внучке, станешь плакать горькими слезами...

Бабушка вернулась к ребёнку.

– Так и знала! Спит! Совесть потеряла! Ты думаешь идти

на занятия? Думаешь или нет?

Решительнее, чем пять минут назад, Вера Валерьяновна пошевелила Настю за плечо, стянула с неё ватное одеяльце в пододеяльнике. Девочка сжалась в комок, подобрав колени к подбородку, и не проснулась.

– Что, скажи, с тобой делать? Ведь опоздаешь! Не хочешь учиться музыке, так и скажи! И тогда спи до полудня! Последний раз бужу, больше не стану! Ну-ка!..

Бабушка потянула из-под головы внучки подушку. Настя очнулась, вцепилась в подушку обеими руками и поползла вниз головой на пол с железной пружинной кровати, не ограждённой сеткой или бортиком; бабушка успела подхватить её. Вырвав у бабули подушку, внучка дрыгнула ногой и заорала:

– Спать хочу! Спать! Не понимаешь, что ли? Зачем разбудила? Не держи меня! Отпусти! Свет потуши, глазки режет! К маме с папой от вас уеду!..

Она бросила подушку на пол и стала устраиваться спать на полу у кровати, на красном шерстяном коврике; но бабушка не позволила. Дед кашлянул в кухне.

– Хорошо. Собирайся, Настенька, – спокойно произнесла Вера Валерьяновна.

Внучка ещё покуксилась, но скоро утихла, встала на ноги, обула тапочки и пошла умываться, держась за руку бабушки, семена в длинной спальной рубашке, как японка в кимоно. «Не простыла бы», – привычно обеспокоилась Вера Валерья-

новна: детская подогревалась электрическим калорифером; но дальше в квартире было свежо, так как водяные батареи этой зимой изо дня в день грели слабо.

Пока Настя чистила зубы, плескалась в ванной комнате, Андрей Иванович спешно застелил её постель и накрыл тканевым покрывалом, чтобы девочка, вернувшись после умывания, не забралась под одеяло...

Заспанная, бледная сидела она за столом, на лбу её и на щеках алели диатезные пятнышки, похожие на знаки ветряной оспы. Непривлекательной показалась бы малышка чужому человеку, но для родных стариков прекраснее её не было ребёнка на свете. Она брала манную кашу на кончик десертной ложки и долго нехотя слизывала. Кашу Вера Валерьяновна сварила на водянистом молоке, на цельном варить пока остерегалась: оно вызывало у Насти диатез. Многие продукты обостряли её недуг, не сразу дед с бабушкой их выяснили. Стоило, бывало, съесть внучке что-нибудь пожирнее, послаще, покислее, и готово: она температурила, покрывалась мокрыми болячками, расчёсывала их и плакала. Показывали старики Настю медикам, пичкали лекарствами и по утрам для закаливания обтирали холодной водой; но противные красные пятна всё же возникали на малокровном лице и теле ребёнка, и кашу бабушка варила на жидком молоке, а то и вовсе на воде.

— Больше не хочу.

Внучка бросила на стол ложку и отпихнула тарелку.

– Но ты не поела! – сказала Вера Валерьяновна.

– Наелась я. Невкусно.

– Почему же – «невкусно»? Я пробовала!..

«А разве вкусно?» – подумала бабушка.

– Оставь. Не хочет – не принуждай. Дай ей леденец. Пей, Настасья, чаёк, и пойдём.

Придерживая пальцем крышку на фарфоровом чайнике, дед налил ребёнку немного заварки, а себе дочерна. Бабушка взяла с газовой плиты никелированный чайник и подлила в чашки подостывшей кипячёной воды.

– Нельзя Насте конфетку, – сказала Вера Валерьяновна. – Ты знаешь.

– Нет, дай. Ничего с ней от леденца не случится.

– Не стоило бы. Плохо кашу ела, – ворчливо произнесла бабушка, но, открыв посудный шкаф, покопалась в каких-то его тайных углах и протянула Насте леденец в обёртке, а другой незаметно от внучки опустила себе в карман фартука. Девочка с ловкостью обезьянки схватила конфету, быстро её развернула и кинула в рот.

– Спасибо, бабуля! Люблю тебя! Ты самая хорошая!

Она взяла из стеклянной вазы кружок подсолённого печенья и, смачивая его в чае, съела. На этом её чаепитие закончилось.

Дед вынес в прихожую скрипочку в чёрном футляре и свою походную спортивную сумку с музыкальными учебниками и нотами внучки. Настя обула валенки с галошами, за-

пихивая в голенища складки тёплых шаровар, натянула на голову вязаную шапочку с помпоном, а поверх красивой рубахи с начёсом, украшенной на груди Микки-Маусом, надела дублёнку с капюшоном – бабушка подала, терпеливо постояв с развёрнутой шубкой, как домашняя прислуга. Быстро оделся моложавый дед, который до преклонного возраста носил не полноценное зимнее пальто, а легкомысленную заграничную куртку на «рыбьем меху», с застёжкой-молнией. Захватив скрипку и за ремень повесив сумку на плечо, дед посмотрел в настенное зеркало, висевшее в прихожей, поправил на шее шарф, на голове меховую шапку и тронул усы.

– Пошли, – сказал он и первым шагнул за порог в раскрытую хозяйкой дверь.

Настя замешкалась, обнимаясь с бабушкой. Вера Валерьяновна достала из кармана фартука и сунула ей в руку леденец.

– Пушиночка ты моя! – девочка припрыгнула от восторга. – Вот вырасту большая, я тебе много-много конфет куплю!

– А мне? – сказал дед за порогом. – Это я выклянчиваю для тебя леденцы.

– И тебе! И тебе!

– Хорошая у нас внучка.

Андрей Иванович взял Настю за руку и повёл.

– За что нам такое счастье? – умилённо сказала бабушка.

Можно было поехать на автобусе длинным кружным путём; но дед с внучкой любили пешие прогулки до музыкальной школы по узкой малолюдной улице, похожей на деревенскую.

Ветер дул не так сильно, как казалось из дома, но мороз градусов под двадцать пощипывал нос и щёки. На занятия следовало явиться к восьми; Андрей Иванович глянул под фонарём на ручные часы: было полвосьмого, времени ещё хватало. Фонари на деревянных столбах озаряли расчищенный от снега тротуар, прилежавший к частным домам окраины. Лёгкая пороша на тротуаре в электрическом свете посверкивала бриллиантиками и, как ворсистый ковёр смягчала шаги.

Город Григорьевск – старинный город. В нём с царских времён сохранилось много церквей, оборонительный вал с крепостной стеной, торговые ряды, казённые палаты и несколько окраинных улочек, подобных той, что вела деда с внучкой в музыкальную школу, составленных из избушек с подворьями, садами и огородами. За заборами тут лаяли на цепи собаки, а иные бегали в ошейниках на свободе; летом пели петухи и хрюкали поросята, а из некоторых дворов хозяева выводили пастись на лужок за огородами мелкую рогатую скотину: коз и овец. При советской власти на-

чалство Григорьевска не успело перестроить улицу на современный городской лад; но её патриархальный облик ныне резко менялся. Шёл девяносто второй год. В стране спешно рушился социализм, наступала частная собственность, и на старых городских окраинах, самых тихих, уютных, зелёных, не запylённых и не загазованных, рядом с избушками росли немыслимые каменные терема, возмущая граждан обыкновенного достатка нахальным видом и тёмной сущностью. «Сколько стоят такие хоромы? – думали люди. – Откуда у их владельцев бешеные деньги? И почему милиция этим не интересуется?» Маленькой девочке Насте «повезло» расти в самую смутную пору, на «изломе истории» родной страны. Слово «перестройка» она слышала от взрослых, но про «излом» ничего не знала...

Она дёрнула деда за руку.

– Скажи, я сирота или нет?

– Что-что? – откликнулся Чугунов.

– Ну, сиротка я или не сиротка?

– Почему же?.. – заговорил Андрей Иванович в некоторой растерянности. – У тебя папа с мамой есть, и мы с бабушкой. Какая ты сирота? Ничего подобного!

– А вы меня в детдом не отдадите?

– Конечно, нет! Кто тебе внушил эту глупость? Дети во дворе?

– Ага, дети. Люда из нашего подъезда говорит, что, раз ко мне папа и мама не едут, значит, я сиротка, и вы с бабушкой

отдадите меня в детский дом.

– Ой, дура! Ой, дрянь! – сказал дед. – Это Люда, что с первого этажа? Модная такая, с серёжками?.. Старше тебя, красива, а неразумна. В следующий раз, если будет щипать, скажи ей, что она глупая. Нет, лучше ничего такого не говори, просто ответь, что она неправа. Папа с мамой очень заняты, но, как освободятся, сразу приедут. Поняла?

– Поняла.

Не то, чтобы по-настоящему светало, но серая полоса расширялась от горизонта по небу, высвечивая сплошные облака и приглушая свет фонарей на земле. Снег похрустывал под башмаками деда и валеночками Насти, и ручка футляра с музыкальным инструментом мерно скрипела в руке Андрея Ивановича. «Знаю я эту Люду, – думал Чугунов. – Несчастливый ребёнок. Любит отца, а он, говорят, навсегда ушёл из семьи. Слышал я, как Люда в подъезде кричала на мать, что-то требовала. Жалко девчонку, однако нельзя же быть такой озлобленной и жестокой».

Настя тоненько запела:

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветёт...

– Закрой рот, – сказал дед. – Наглотаешься холодного воздуха, и горло заболит. В капюшон дыши. Погрей нос варежкой, а то отморозишь.

– Не холодно мне, – ответила девочка. – Не мешай.

– Ну, пой. Только осторожно. Какие теперь яблони? Мороз на дворе. Но поёшь ты хорошо.

С этой старой доброй песни, подумал Чугунов, начиналось приобщение Насти к музыке, её музыкальное воспитание. В квартире у него был свой закуток, «кабинет» у окна за книжным шкафом, развёрнутым поперёк большой комнаты. В закутке Андрей Иванович писал романы, повести, рассказы, статьи и, отвлекаясь от дела, нередко снимал гитару с гвоздика на боковине шкафа, подыгрывал себе и что-нибудь напевал или насвистывал. Острым музыкальным слухом он мог бы похвастать. Настю, в то время совсем ещё маленькую, едва начавшую говорить, в закуток к деду-писателю не пускали; но однажды, когда он заиграл на гитаре, малышка прорвалась, залезла на письменный стол и села против деда, лицом к лицу. «Пой!» – потребовала она. «Что?» – «Пой!» Чтобы дитя скорее отвязалось, Андрей Иванович и пропел: «Лучше нету того цвету...», – и Настя, в такт музыке с боку на бок качая головой, подпичкала ему так чисто, мелодично и проникновенно, что дед изумился. Изумился он и живой картинной мимике, которой внучка сопровождала исполнение. «Бабушка! – крикнул Чугунов. – Иди послушай!» Они с Настей повторили выступление для бабушки, так её растрогав, что она прослезилась. «Пой!» – дальше настаивала внучка. «Да ведь мне, милая, делами нужно заниматься, – сказал Андрей Иванович, вешая гитару за верёвочку на

гвоздик, — книгу дописывать. Ты мне мешаешь». «Пой!» — «Ну, знаешь ли, голубушка!.. Это нахальство! Ты распоясываешься!» Он взял её и понёс из комнаты. Внучка, как схваченный за бока лягушонок, дрыгала лапками, плыла по воздуху и кричала: «Сидеть с тобой хочу! Петь хочу!» Она вырвалась, пробежалась, села опять на край его стола и вздорно дёрнула плечиком. «Пой!» В угодую ей дед спел ещё какие-то песни, но больше всего ей понравилась эта, которую она выводила сейчас на морозе:

Как увижу, как услышу —
Всё во мне заговорит.
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит...

Ей тогда было хорошо, а он испортил себе настроение, не смог писать книгу и пошёл гулять по городу...

Потом дошло до скрипки. Выявив у Насти тонкий слух, старики, конечно, подумали о том, чтобы отдать её в музыкальную школу, но они бы ещё повременили, если бы внучка не увидела красивый смычковый инструмент, не подержала его в руках, не услышала, как он звучит. Однажды соседский мальчик Вася, Насти немного старше, пригласил её на свой день рождения и там достал скрипочку и поводил смычком по струнам — мама наказала выступить перед гостями. С тех пор Настя стала просить, настойчиво, как она умела, у деда с бабушкой скрипку. Ей не терпелось заиграть на ней. Узнав

из местных газет о наборе малых детей в специализированную музыкальную школу, открытую несколько лет назад при музыкальном училище, Чугуновы повели внучку на прослушивание. В пятилетнем возрасте она предстала перед педагогами-музыкантами и вдруг начудила тут, сконфузила деда с бабушкой.

Один из педагогов, женственный, с длинными светлыми волосами, балетной поступью приблизился к фортепьяно и стоя проиграл одной рукой короткую простую мелодию. «Ну-ка, пропой», – сказал он Насте. «А кому это надо?» – ответила она и своенравно повела головой. Педагог растерялся немного, а потом нажал на девочку: «Подожди. Ты пришла поступать, да?.. Значит, мы должны проверить, насколько ты способна к музыке. Тут школа непростая, наши выпускники идут в музыкальное училище, а потом в консерваторию и становятся профессиональными музыкантами. Может быть, ты нам не подойдёшь. Делай скорее то, о чём прошу». «Не хочу». – «Ладно, не желаешь петь, повтори ритм. – Педагог достал из пиджака шариковую ручку и постучал ею по корпусу фортепьяно. – На, стучи». «Не буду. – Настя спрятала руки за спину. – Ещё не хватало!» Музыканты переглянулись. Старики Чугуновы заёрзали на стульях; у Веры Валерьяновны загорелись щёки, у Андрея Ивановича уши. «Где только слов таких набралась!» – подумал Чугунов. «Что ж, – сказал пианист. – Придётся...» Но вмешалась высокая худошавая женщина, с бледноватым усталым лицом: «Отойди-ка, На-

стя, к окну, посмотри, как сидят на проводах воробушки». Тонкими длинными пальцами она взяла на фортепьяно мелодичный аккорд и спросила девочку: «Сколько слышишь звуков?». – «Три» – «А сейчас? Подожди, не поворачивайся». – «А сейчас четыре». – «Ты в самом деле слышишь четыре звука?» – «Да. Раз, два, три, четыре. Я умею считать до ста». – «Молодец, Настя! Умница! Ну, давай петь ноты и стучать карандашом. Наверно, ты всё умеешь делать великолепно». Настя выполнила задания, и экзаменаторша сказала коллегам, из-за стола с любопытством глядевшим на чудную девочку: «Возможно, слух абсолютный. Я возьму её в свою группу сольфеджио». «А как вас зовут?» – спросила маленькая Чугунова. «Натальей Анатольевной меня зовут. Петь по нотам, Настя, ты будешь учиться у меня».

За Настей, заметили дед с бабушкой, внимательно наблюдал тщедушный человек, одетый в костюм с галстуком. Когда обсуждать девочку перестали, он медленно подошёл к ней, хромая на одну ногу и опираясь на палочку с загнутой рукояткой. «Покажи пальцы». Настя подала ему руки. Он взял их за запястья и осторожно встряхнул маленькие кисти. Помяв ещё детские прозрачные пальчики и проверив на гибкость, педагог сказал: «Как у Паганини. На редкость длинные и пластичные». «Ей очень хочется на скрипке играть», – сказала Вера Валерьяновна. «Хорошо. Пусть учится игре на скрипке, данные у неё подходящие. Я тут главный скрипач, заведу струнно-смычковым отделением. Фа-

милія моя Кругляков, а имя Валерій Николаевич. Но внучка ваша должна ещё будет учиться игре на фортепьяно, в меньшем объёме, чем на скрипке. Два инструмента ей положены. У вас хоть один из них есть?» «Нет», – ответил Андрей Иванович. «Тогда приобретайте... Мы тебя, Настя, прикрепим к опытному педагогу, и с первого сентября начнёте с ним заниматься». «А можно я вам песенку спою?» – спросила Настя. «Можно». И она ангельским голосом, светлым, тонким, как серебряная ниточка, запела всё ту же, любимую...

Андрей Иванович снял тогда со сберкнижки остатки писательских гонораров, обесцененных перестроечной инфляцией и, прочитав объявление в вестибюле музыкальной школы, купил у родителей одного подростка юного музыканта скрипку-«четвертинку». Приобрести фортепьяно было труднее. На его покупку дед с бабушкой копили пенсии, которые, впрочем, иногда не выплачивались старикам по полгода и сами собой копились. (В безденежье пенсионеры выживали как придётся. Вера Валерьяновна некоторое время мыла в подъезде своего дома полы и лестничные марши.) Отдали Чугуновы за фортепьяно меньше, чем готовились отдать, так как его хозяйка, спеша уехать за границу, наскоро распродала недвижимое имущество, о чём поместила объявление в газете. Им достался старинный инструмент фирмы «Беккер», очень звучный, «богатый обертонами» – по словам настройщика. Грузчики осторожно подняли его в квартиру Чу-

гуновых и поставили в комнате Насти...

На улице ни человека, ни машины. Казалось, кроме Чугуновых на ней никого нет. При минус двадцати градусах Настино пение звучало упруго, не рассеиваясь в открытом пространстве, словно музыка и слова на лету замерзали и где-то падали округлыми ледышками. Перестав петь, Настя спросила деда:

– А Новый год скоро наступит?

– Уже скоро.

– Вы с бабушкой ёлочку мне нарядите?

– Обязательно.

– А ты, когда был маленький, танцевал польку-бабочку?

– Хм, – сказал Андрей Иванович, соображая, что ответить ребёнку; но внимание Насти уже переключилось. Она бросила деда и пошла к серой кошечке, осторожно пролезавшей на улицу в щель забора. За забором кошечка провалилась в снег, подняла лапку и потрясла ею. Сделав шажок, она подняла другую лапку и огляделась. С поднятой лапкой мурка задержалась и несколько не встревожилась, когда возле неё присела на корточки девочка.

– Я её поглажу, – сказала Настя.

– Гладь. Только скорее. Варезку-то не снимай!

Непуганая домашняя кошка ластилась к ребёнку, выгибала спинку и вертела головой, потираясь о руку Насти макушкой, шейкой, ухом.

– Бедняжка, – сказала девочка. – Холодно лапкам? Зачем

вышла разутая? Ищешь непослушных детей?

«Наверно, все кошки и собаки ей на улице знакомы, — подумалось деду. — Окликает их, гладит, тискает». Когда внучка, бывало, приветствовала здоровенных псов с горящими глазами, с клыкастой оскаленной пастью, когда потчевала их булочкой с руки, нежно приговаривая: «Маленький! Несчастненький!», — Андрей Иванович цепенел от страха. Но ни одна собака ни разу не огрызнулась на Настю, они перед ней виляли хвостами, ложились на живот и меняли свирепый оскал на подобие человеческой улыбки. И дед при внучке оказывался под её надёжной защитой от бродячих псов...

Чугунов оторвал девочку от кошки и повёл дальше, ускоряя шаг. Из-за поворота показалась современная улица и на ней завиднелась приземистая длинная музыкальная школа, отступившая от проезжей дороги за линию высотных домов. Под широким каменным навесом школы, совмещённой с училищем, дед и внучка постучали в бетонную плиту ногами, стряхивая с обуви снег, и вошли в дверь с тяжёлым пружинящим створом.

К их возвращению бабушка варила обед. Тридцать лет она добросовестно работала учительницей физики и математики, а выйдя на пенсию, лишь то и делала, что служила внучке и мужу. У Андрея Ивановича сохранялись писательские амбиции. Вера Валерьяновна никаких амбиций за жизнь не приобрела, а может быть, умалила их в себе ради благополучия семьи. Муж считал её самой красивой, волевой и умной женщиной на свете. Нынче ум, волю и прочие свои замечательные качества она проявляла только в заботе о семье. Благодаря долготерпению жены, её жизненной стойкости, расчётливости, хозяйственности, умению решительно заходить в чиновничьи кабинеты и отстаивать права близких Андрей Иванович мог с головой погружаться в литературное творчество, в свои писательские заботы, а теперь вот и много времени занимался внучкой.

Похлопотав в кухне, хозяйка скинула с себя фартук, ушла в комнату и села отдохнуть на диван. Сидеть просто так Вера Валерьяновна не умела. Она взялась было штопать мужнины носки, но отложила эту работу и, приподнявшись, достала из серванта, вдоль стены приставленного к дивану, альбом фотографий, посвящённых Насте. Она раскрыла альбом. Вот малютка лежит в коляске, в развёрнутых пелёнках и, как велосипедистка, работает ножками. На другом снимке она с

ложечки принимает витамин А, но терпеть его не может и потому горько скривилась. На третьем фото чуть подросшая девочка сидит на шее деда, как в конном седле, и смеётся. На четвёртом – сидит на полу и ревёт. На пятом уже водит смычком по струнам скрипочки... Много Настиных фотографий сделал Андрей Иванович. Не всё мог запечатлеть объектив; но каждая фотография восстанавливала в памяти Чугуновых подробности того, как внучка росла при их неустанной заботе.

Бывало, то дед, то бабушка ходили в пункт детского питания за бесплатным кефиром или молоком для грудников. Когда выяснилось, что молочные продукты вредны внучке, старики сами выпивали содержимое мерных бутылочек. Вместе они прогуливали ребёнка, возя его в коляске по улицам микрорайона, в котором стоял их пятиэтажный кирпичный дом. Летом Вера Валерьяновна одевала ребёнка в светлые ползунки, лёгкую рубашку и повязывала платочком. Настя переворачивалась со спины на живот и так припрыгивала в коляске, весело помахивая ручонкой прохожим. На солнце она быстро смуглела. Зимой в ясные и не очень морозные дни Чугуновы тоже устраивали Настю загорать, ставя коляску в безветренных уютных местах и поворачивая так, чтобы солнечные лучи падали на лицо спящего ребёнка, закутанного в стёганое одеяло...

Свалилась на малышку страшная напасть – диатез. По указанию врача бабушка смазывала Настины болячки гу-

стым лекарством, на время снимавшим зуд, похожим на малярные белила, и лицо «цвело», разукрашенное белым крапом. Настя успела переболеть корью, ветрянкой, свинкой, отитом и конъюнктивитом. И от рождения слабая, не знавшая живительного материнского молока, она заболела очень легко, но лечить её было трудно: девочка скандалила, выплёвывала таблетки, порошки и микстуры. Если она и соглашалась проглотить лекарство, то за свой подвиг требовала конфетку; но давать Насте конфеты, особенно шоколадные, врач строго-настрого запретил. Сколько ночей старики, сменяя друг друга, просидели на стуле, простояли на коленях возле детской постели, протянув к внучке руку, потому что, больная, она спала тревожно и пробуждалась, стоило ей перестать чувствовать руку деда или бабушки! Она и здоровая засыпала плохо, а утром еле приходила в себя; к ночи же с трудом, под бесконечные уговоры ложилась в кровать и часами не успокаивалась. Если в соседних квартирах что-то заколачивали или сверлили, внучка истошно кричала, звала стариков и долго вздрагивала и всхлипывала в их объятиях. Позднее дед с бабушкой узнали, что Настины родители, пока она была с ними, лишь только малышка начинала капризничать, оставляли её в спаленке одну и таинственно постукивали в стену, отвлекая таким образом ребёнка от каприза по какой-то новейшей педагогической системе...

Ещё и разные напасти Настю преследовали. Однажды на неё, сонную, грохнулся со стены эстамп в тяжёлой пласти-

ковой раме, изображавший медведя возле терема-теремка. Во сне девочка разметалась, откинула ручонку в сторону, и эстамп, упав на стальной переплёт кровати, придвинутой к стене, едва не угодил ребром рамы по тонкому Настиному запястью. От грохота она проснулась, но тут же опять и заснула, ничего не поняв. «Какой дурак помещает детские картинки в такие рамы?!» – в слезах полушёпотом воскликнула Вера Валерьяновна и пошла пить корвалол. «Тут больше всех я виноват, – сказал Андрей Иванович. – Я, старый дурак! Догадался повесить гирю над ребёнком! Запишаю картину эту куда-нибудь подальше, или выкину на помойку, не могу больше её видеть!»

Прошлым летом Настя чуть не осталась без глаза. Она «пекла» во дворе «куличи», а Вера Валерьяновна сидела на лавочке рядом с песочницей в зелёном дощатом ограждении. Неподалёку маленький мальчик держал в кулаке ось большой катушки и дёргал за шнурок, запуская в воздух игральный пропеллер, который, вертясь, планируя, красиво сверкал на солнце. Настя бросила «куличи», песочницу, пошла к мальчику и встала рядом. «Вернись!» – крикнула Вера Валерьяновна, но не успела поспешить к ребёнку. А мальчику польстило любопытство девочки, и он торопливо дёрнул за шнурок. Запуск сорвался, и пропеллер не взмыл кверху, но отлетел в сторону Насти и попал ей в глазницу. Кровь залила ей глазницу, потекла на щёку. Девочка взвизгнула и схватилась за глаз. «Господи! Господи!» – забормотала бабушка и,

не чуя ног, кинулась к внучке...

Она нервно ходила по комнате, держа ребёнка на руках, а дед названивал в «скорую помощь». Кровь текла и текла из Настиной глазницы, заливая бабушке платье. «У меня теперь нет глазика? – спрашивала внучка, всхлипывая, но без паники, словно покоряясь тяжёлой участи. – Я буду жить с одним глазом? Он, наверное, упал на землю. Вы его поищите». Приехал молодой врач и, подмигнув Насте, промыл ей глазницу кипячёной водой, сделал укол, смазал рану зелёной и заклеил дезинфицирующим пластырем. «Глаз на месте, – сказал он. – Царапина пустяковая, а кровь обильно течёт потому, что задет кровотоочивый сосуд. Тебе, девочка, крепко повезло. Надо быть осторожнее». С тех пор под левой бровью Насти возник острый шрамик, уходящий в бровные волосы и почти незаметный.

Были ещё некоторые тревожные случаи, были ссадины и ушибы. Но самым тяжёлым из всех случаев бабушка считала последний, при воспоминании о нём ей делалось худо. Хотя в дом подавалась неплохая вода, Чугуновы нередко ходили с пластиковыми канистрами «на ключик», бивший не так далеко от их дома, на дне оврага за окраинной улицей. Обычно таскал родниковую воду Андрей Иванович, но нередко собиралась за ней и Вера Валерьяновна, беря с собой Настю. На окраине воздух был чистый; склоны оврага поросли кустами и деревьями; с холма открывался вид на железную дорогу, отполированную колёсами поездов, на речку в просторных

лугах, на отдалённые заречные леса. Настя любила гулять в овраге летом и зимой. Однажды под новый год бабушка повезла её к «ключику» на санках, пристроив небольшую канистру у ребёнка в ногах. День выдался безветренный, не очень морозный, удобный для прогулки. Бабушка, натягивая верёвку, двигалась шагом, трусцой, пошучивала и смеялась; внучка хихикала от удовольствия. Дождавшись, когда пройдут машины, осторожно пересекли они мостовую, по протоптанной в снегу дорожке спустились к оврагу. Перед каменной лестницей с железными поручнями, давно встроенной в склон, пешеходная дорожка местами заледенела оттого, что водоносы с вёдрами расплёскивали воду. Не достигнув скользкого участка, Вера Валерьяновна повела санки с Настей на обочину, чтобы закрепить их на безопасном расстоянии от края оврага. Она не раз это благополучно проделывала, высаживала внучку и ставила санки на попа, втыкая полозьями в снег. Неизвестно, как это у неё сегодня вышло, но она вдруг отпустила тяговую верёвку, и санки с Настей заскользили по покатой дорожке, а на льду взяли разгон. Одним полозом подскочив на неровности, они свернули в овраг и понеслись по крутому склону, взметая нетронутый снег, с треском ломая ветки кустарника.

Очередь на дне оврага, стоявшая к роднику, разбежалась; но откуда-то взялся бородатый молодой человек и встал на пути санок. Летя по косой линии, с боку на бок переваливаясь, но чудом удерживаясь на полозьях, они целили в стой-

ки навеса, прикрывавшего родник, либо в кольцевое бетонное ограждение источника; но смелый бородач успел принять снаряд на грудь и схватить его обеими руками, при этом едва устоял на ногах ...

Вере Валерьяновне чудилось, будто она видит страшный сон и во сне повисла в воздухе. Но вот она медленно, как на резине, опустилась на землю, по лестнице сошла в овраг и увидела там Настю, всю запорошенную снегом, но живую, невредимую, нервно смеющуюся. Заметила Вера Валерьяновна и бородача: парень сидел на корточках у отекавшего от источника незамерзающего ручейка, тяжело дышал и болезненно кривил лицо, держа в студёной воде окровавленные пальцы обеих рук. Был парень в куртке с меховым воротником, но почему-то без шапки. Вера Валерьяновна взяла санки, механически набрала воды в канистру и, кликнув внучку, с трудом соображая, пошла вверх по лестнице. На верху оврага она очнулась, оставила Настю и канистру и вернулась к роднику. Но бородач уже исчез, и никто из водоносов не смог сказать Вере Валерьяновне, куда он подевался.

Она рассказала о случившемся мужу. Андрей Иванович внимательно послушал жену и захотел сообщить о неизвестном благородном человеке в газету или на радио; но за другими спешными заботами отсрочил это дело, да так и не исполнил его. Вера же Валерьяновна пошла в церковь. Она рассказала священнику о бедах, одна за другой нависавших над внучкой, и о счастливом избавлении ребёнка от каждой бе-

ды. Священник ответил: «Воистину чудом спасается дитя. Крестили вы его?» – «Да, года внучке не было, как окрестили. Родилась осенью восемьдесят шестого; а в январе после Крещения отнесли её в церковь». – «После Крещения, говорите?» – «Да, на следующий день». «Сильный у вашей внучки ангел-хранитель, – сказал пожилой бородатый батюшка. – Сам Иоанн Креститель ей покровительствует. Может, он и явился в виде водоноса для её спасения. Почаще ему молитесь. Девочку ждут нелёгкие жизненные испытания, но с Божьей помощью она выйдет из них победительницей».

От размышлений о внучке Веру Валерьяновну отвлекла телефонная трель, настроенная на пониженную громкость. Сняв трубку настенного аппарата, хозяйка услышала глуховатый низкий голос Алексея, единственного сына Чугуновых. Давно он не звонил, но вот дал знать о себе, может быть, чутко уловив на расстоянии беспокойные раздумья своей матери о нём и его дочке. Мать напряглась от борения чувств: любви к сыну и досады против него.

– Мама, здравствуй. Как вы там? – Алексей искусственно прикашлянул.

– Ничего, живём помаленьку.

Вера Валерьяновна последила за тем, чтобы речь её звучала просто, без волнения и натянутости.

– Не болеете?

– Слава Богу, все здоровы.

– А Настя как?

– Говорю, все здоровы. Настя пошла с дедом в музыкальную школу.

– Не тяжело ей музыкой заниматься? Маленькая ведь.

– Тяжело, конечно, но ей нравится. Уже готовится к курсу юных скрипачей.

– Скучаю по вам, – сказал Алексей.

– В чём же дело? Приходи. Ждём. Настя о родителях часто

спрашивает. Думаешь, легко нам с дедом ей отвечать?

– Да, я понимаю. Прийти очень хочу, но как-то не получается. С чем приду? Неудобно с пустыми руками. На работу я пока не устроился. Денег нет... И с отцом нелегко встречаться. Он говорит со мной сквозь зубы. Однажды я звонил, тебя не было...

– А как он должен с тобой разговаривать? – Вера Валерьяновна забылась, перестала следить за речью. Она была женщина сдержанная, но при случае могла взорваться. – Как заслужил, так и говорит. Отец человек прямой, не умеет лицемерить. Не может он простить тебе, что ты бросил ребёнка.

– Не бросал я...

– Бросил! И никакие доводы тебя не спасут! То, что вы с женой разошлись, ваше личное дело! Но ребёнок при чём? За что девочка страдает?

– Подожди, мама, не горячись...

– Не перебивай! Слушай! Пока рядом никого нет, скажу, что думаю!

Вера Валерьяновна решительнее обрушилась на незримо-го сына, обитающего где-то в другом конце города. Представляя, как её взрослые сын, мужчина крупного роста, волнуется, морщится, словно маленький, покусывает губы и несогласно трясёт пышноволосой головой, она сказала:

– Вы, родители Насти, всегда заботились только о себе! Вы опять устраиваете собственную жизнь, а о ребёнке не вспоминаете! Спихнули его, пятимесячного, деду с бабкой

и забыли!

– Не спихнули и не забыли, – оправдывался Алексей неубеждённо и неубедительно.

– Нет, всё именно так, как я говорю! Можно и не доказывать бесспорное! Много ли вы видели Настю с тех пор, как привезли её к нам? По пальцам можно сосчитать. Если и наезжали в Григорьевск от случая к случаю, то прежде спешили в гости к приятелям. Потом ссорились из-за пустяков. Мать сбегала к себе в Москву, ты оставался погостить, но проводил время неизвестно где. А Настя плакала, звала маму и папу... Хочешь, раскрою твой секрет, выведу тебя на чистую воду?

– Лучше не надо. Наговоришь лишнего.

– Испугался?.. Я тебе мать, и мне небезразлично, хорошо или плохо ведёт себя мой сын. Мы с отцом догадывались, что у тебя тут... любовница, прости, что называю вещи собственными именами; подозревали, что ты едешь к любовнице, а не к ребёнку. Иначе, как объяснить то, что ты часто навещался в Григорьевск один, без жены, и не всегда ночевал дома?.. Звонил, что едешь. Мы ждали, накрывали стол, принаряжались. Настя сидела у окна, смотрела во двор: не покажется ли папа. Проходил час, другой, третий, на улице темнело, ребёнок от горя, обиды всё сильнее капризничал, исходил криком, мы с отцом не знали, что делать. А ты через пару дней, когда уже спешил уехать в Москву на работу, являлся откуда-то, с блудливым взглядом, фальшивой улыб-

кой. Твою бывшую я не люблю и за Настю вины с неё не снимаю, но могу понять её как обманутую женщину. Не зря она с ума сходила и устраивала тебе истерики. Всякая женщина чувствует, когда муж ей изменяет...

– Она и без моих измен устраивала мне сцены.

– Я имею в виду не мелкие истерики, а сцены ревности, – сказала Вера Валерьяновна. – Не совестно тебе? Ладно, это ваши личные отношения. Но как же нам, старикам, больно за Настю! Ты откровенно её обманывал, заставлял страдать...

– Так и знал! – воскликнул Алексей, пробившись сквозь горячую речь матери. – Пошли упреки и разоблачения! Как вам ни позвонишь, всё одно и то же! Что отец, что ты!.. Я уж боюсь звонить! И приходиться к вам боюсь. Только ругаете и учите. Без того тошно.

– А ты хотел бы и жизнь вести несправедливую, и сохранять душевное спокойствие? Так, сынок, не бывает. За грехи приходится платить муками совести, если, конечно, есть совесть. Ищешь предлоги для оправдания; но дело обстоит проще, обыкновеннее: видишь, что виноват, но не хватает духу раскаяться.

Сын с матерью помолчали, и Алексей сказал:

– Вины с себя не снимаю. Но не подонок же я... Бросаясь такими словами, что мурашки бегут по коже. Не спихивали мы Настю. Помнишь ведь, наверно: в университете начались госэкзамены. Я и Ирина зашивались, и вы с отцом взяли ребёнка к себе.

– Не совсем было так, – ответила Вера Валерьяновна. – Даже совсем не так. Не надо выдумывать, Алёша, себе в утешение. Ничего вы с нами не обговаривали – привезли малышку и поставили нас с отцом перед фактом. Я в то время вышла из больницы после серьёзной полостной операции. Врачи запрещали мне тяжёлую домашнюю работу. Отец первое время один убирался в квартире, нянчил, обстирывал Настю.

– Да, так получилось, – сказал Алексей, вздохнув. – Московские старики не смогли, или не захотели заниматься с нашей дочерью. У них тогда был отпуск. Куда-то они уезжали.

– А вы не в том виноваты, что по стечению обстоятельств привезли к нам ребёнка. Мы всегда рады помочь. Но дальше-то куда вы делись? Почему, сдав экзамены, не постарались взять Настю к себе? Новые жизненные затруднения помешали? Затруднения никогда не кончаются. Не одно, значит, другое... Мода, что ли, пошла у родителей подбрасывать младенцев деду с бабкой, а то и бросать на произвол судьбы? Только и слышишь нынче по радио и телевидению: безнадзорные дети, дети-сироты, опекаемые дети, сиротские приюты. Сирот становится всё больше. Вот и Настя при живых родителях – сирота...

– Ладно, мама, не загоняй в угол, – сказал Алексей.

– Не загоняю. Но с болью говорю о том, что накопилось в душе... Вы, родители, и материально не поддерживали и не поддерживаете ребёнка. Московские старики хоть кое-что

посылают на содержание Насти из своего кармана, а каждый из вас и не думает помочь... И вот что поразительно: отец не навещает дочь, живя с ней в одном городе. Где ты хоть находишься? У своей второй или уже третьей?..

– Не язви, мама. У той я живу, к которой ездил из Москвы, что теперь скрывать... Викторией её зовут... Пока не прописан. Думаем пожениться, тогда пропишусь. Это моя собственная жизнь, и никого она не касается. Я уже не маленький... Мы дружим со школьных лет. В одном классе учились. Видишь, у меня старая, а не случайная симпатия.

– Молодец, сынок! Жил с одной, но поддерживал отношения со «старой симпатией»! Это, конечно, по-мужски и по-современному! Не успел развестись с первой, как женишься на другой, не представив невесту родителям, не посоветовавшись с нами, не подумав о дочери! И прописаться тебе, бедному, негде!.. А ведь, как развёлся, пообещал жить у отца с матерью и заниматься ребёнком!..

– Поговорили, хватит, – оборвал Алексей разговор. – В тебе, мама, чувствуется школьная учительница. Надеялся на понимание, а схлопотал расправу. До свидания. Отцу привет. Насте скажи, что на днях зайду.

– Нет, милый, – ответила Вера Валерьяновна, – говорить Насте, что она скоро увидит отца, я больше не стану. В который раз обманешь, и снова ребёнок будет страдать.

Среди недели Андрей Иванович собрался в Москву. До него дошли слухи о захвате государственных столичных издательств частными лицами, и он захотел выяснить на месте, как обстоят дела с продвижением рукописи его книги, принятой к публикации ещё в советское время, накануне «перестройки». Захватчики, по слухам, силились прибрать к рукам и Союз писателей, чтобы нацелить его деятельность на западническую идеологию и самолично распорядиться доходами от коллективного писательского труда. В Союзе, рассказывали Чугунову свидетели, шли тяжёлые холодные бои, и защитники против захватчиков держались героически.

Рано утром Чугунов был на железнодорожном вокзале и в ожидании первой московской электрички прогуливался, всюду наблюдая знаки новой коммерческой эпохи, наступавшей в стране и поименованной «перестройкой». Утро было тёмное, как ночь. По привокзальной площади, выложенной серым камнем, в свете фонарей слабо мела змеистая позёмка. Раньше на площади стояли два промышленных ларька и киоск Союзпечати, скромные по содержанию, тускло окрашенные; теперь же с десятков пёстрых, ярко освещённых ларьков и киосков ходило по пятам за народом, прельщая его иноземными винами, табаками и сладостями, парфюмерными товарами и порножурналами. В просторном белёном

вокзале тоже, куда ни глянь: ларьки, киоски, развлекательное чтиво и глуповатая реклама. А в билетных кассах: инфляция так вздула цены за проезд, что у небогатых людей спирало дыхание и дрожали руки, перебиравшие в кошельке обесцененные ассигнации. Билет из Григорьевска в Москву, стоивший при советской власти два рубля двадцать копеек, подорожал в «перестройку» до сотен рублей...

За решёткой стального забора, примыкавшего к вокзалу, блестели три железнодорожные линии. К первой приблизилась электричка, и Чугунов поспешил на перрон. Электричку подали старую, с жёсткими скамьями, с потускнелым печатным пластиком на стенах салонов. Скоро она набилась битком. Некоторые пассажиры поехали стоя. Чугунову повезло сидеть. Он развернул купленную в вокзале свежую газету, но пробежал глазами лишь перестроечные заголовки – читать в тесноте было неловко, и думалось Андрею Ивановичу о другом.

Думал он о том, как явится в книжное издательство и несмело заговорит с редактором. Откуда взялась в нём эта заторможенность свободного общения, Андрей Иванович не мог себе объяснить – от природы он был человеком смелым, рискованным и незамкнутым. В ранней молодости Чугунов занимался парашютным спортом, плавал матросом на морских судах, а позднее, став инженером-корабелом, ремонтировал атомные лодки на дальневосточном спецзаводе. Он много повидал и перенёс, закалил нервы и волю; но, запоздало

приступив к писательству, заработал перед редакторами газет, журналов и издательств. И робость эта со временем не исчезла. Возможно, она поддерживалась высокой требовательностью Чугунова к себе, сомнением его в своём писательском призвании, завышенным почтением к людям от литературы и самолюбием человека, попавшего в творческую среду не из околотворческой, а из посторонней, «технарской»...

Три с половиной часа занял путь до Москвы. На улице сделалось совсем светло. Выйдя из электрички на Курском вокзале, Андрей Иванович в толпе пассажиров прошёл по перрону, вышел на привокзальную улицу и, как всегда в сутолоке столицы, среди её огромных строений, почувствовал себя беспомощным и незащищённым. Долго ехал он в метро, на трамвае, потом, собираясь с духом и мыслями, двигался пешком. Открыв остеклённую дверь издательства, он пропустил на улицу какую-то даму в белой шубке, вошёл и свернул направо в комнату редакторов.

Те же канцелярские столы увидел Чугунов, расставленные по всей комнате, но за столами сидело непривычно мало работников. Прежде он ощущал на себе произвольные взгляды и пробирался под этими взглядами меж столов – нынче никто не обратил внимания на заезжего старого писателя с молодёжной сумкой на плече. Бывало, здесь толкались за-всегда и издательств, «свои», и вполголоса болтали, пошучивали с редакторами – сейчас болтать было некому и почти не с кем. Двое молодых мужчин спортивного вида,

незнакомых Андрею Ивановичу, выносили из застеклённых шкафов за дверь комнаты толстые папки, сложенные на руках носильщиков, как дрова. «Похоже, рукописи, – подумал Чугунов. – Что ещё может быть в папках? Куда уносят?»

Его редактор была на месте. Не очень молодая крашенная блондинка, приглядная в гладком белом свитере и умеренном макияже (Северова Ольга Николаевна), сидела за столом у окна и рассеянно смотрела на улицу. На её столе, обычно заваленном рукописями и верстками книг, сегодня не лежало ни одной бумажки. Чугунов поздоровался. Северова повернула голову.

– Здравствуйте, Андрей Иванович, – сказала она. – Садитесь, пожалуйста.

Он взял стул от соседнего стола и сбоку подсел к редактору. Открыв свою сумку, Чугунов достал сухие белые грибы, нанизанные на нитку, и подарил Северовой.

– Какая прелесть! – сказала она, держа перед собой связку грибов, разглядывая и нюхая. – Какой запах! Есть я их не смогу. Повешу на стену, как произведение искусства, и стану любоваться!

– Ешьте, – ответил Андрей Иванович. – Ещё подарю. В наших краях грибов хватает. Вокруг города – леса; много грибов и ягод. Мы с женой большие любители ходить по лесам. Несколько лет, правда, я один ходил, внучка была мала, бабушка с ней сидела. Теперь внучка подрастает, станем брать её с собой, приобщать к лесу. Когда утомится, посажу

себе на закорки и пойду с повышенным центром тяжести, как перегруженное палубным грузом торговое судно. Мечтаем приобрести домик в деревне.

Редактор поблагодарила Чугунова за грибы и спрятала их в выдвижной ящик стола. Она смотрела на писателя, не торопя его с разговором. Ей нравился этот разумный скромный человек. Многие авторы Северовой были не в пример Чугунову кичливы, вздорны, особенно столичные. Андрею же Ивановичу, пожалуй, впервые за годы писательства, очень повезло с редактором. Раньше ему встречались сердитые или казённо-вежливые редакторы. Они свысока поглядывали на автора из провинции и придирались к его строчкам, часто объясняя свою въедливость стремлением сгладить острые места рукописи и усыпить бдительность цензуры. Северова безоговорочно приняла роман Чугунова, залежавшийся в его письменном столе. В основу книги он положил события рейса нашей «грязной» атомной подлодки и обстоятельства её ремонта на стапеле. В таких рейсах от военных баз и в подобном заводском ремонте Андрей Иванович сам участвовал. Он удивился тому, что Северова стала продвигать его «непроходной» флотский роман, в котором автор смело описал и базу советских подлодок, и «закрытый» судоремонтный завод (в условном месте Дальнего Востока), и отечественную субмарину, и поведение моряков в условиях плавания на корабле с повышенной радиацией в отсеках. Возможно, Ольгу Николаевну подтолкнули либеральные ве-

нения, обозначившиеся в стране, надежда на цензурные послабления, но она и всегда слыла редактором самостоятельным и решительным. С ней Чугунов вёл себя раскованнее, чем с остальными редакторами. Северова отдала его рукопись на отзыв хорошим рецензентам и в 1989 году сумела включить в редакционный план 1992 года. Год выхода книги наступил...

– Что-то у вас происходит, – сказал Чугунов, озираясь на молодцов, таскавших папки. Они явно не были издательскими работниками, которые выглядели серьёзнее и обыкновеннее, не носили спортивные штаны с продольными нашивками по бокам и не казались такими бравыми и крепкими.

– Да, – ответила Северова. – Нас выкуривают. Государственному издательству пришёл конец. Кто бы мог подумать?.. Вдруг объявились ушлые люди, показали директору какие-то бумаги, и вот устраиваются. Поразительно то, что это не волнует городские власти. Наше начальство звонит то в милицию, то в администрацию района или города – бесполезно, никто нас не жалеет и не защищает. Часть редакторов уволилась, я ещё держусь. Что дальше будет, не знаю.

– Папки-то куда уносят?

– На уничтожение. Отвезут в какую-нибудь кочегарку и бросят в топку. Это старые рукописи, отвергнутые издательством. Мы не успели их разослать. Некоторые авторы давно о себе не напоминают, возможно, умерли. У нас отвергнутые рукописи ещё лежали бы неопределённое время, а новые

хозяева хранить их не собираются.

– А если авторы объявятся, или их родственники потребуют вернуть рукописи?

– Этого обстоятельства частники не учитывают. За дела государственных издателей они не отвечают; думаю, такое объяснение у них наготове. Рукописи, принятые к печати, пока остаются в архиве. Возможно, будут изданы.

– Может, мне лучше забрать роман? – спросил Чугунов.

– Давайте подождём. Вдруг напечатают? Всё же рукопись подготовлена, отредактирована. Я послежу за её сохранностью. В случае чего сама отошлю. Извините, что пришлось вас огорчить. Понимаю, как вам досадно.

– Вы тут не при чём, – сказал Андрей Иванович. – Я всё понимаю. Мне пора. Надо ещё кое-что сделать. Благодарю за содействие и сочувствие. Желаю всего доброго.

Он думал зайти в журнал «Наш современник», планировавший напечатать его рассказы, и уже повернул туда, но почувствовал, что на сегодня очень утомился и переполнился тревожными впечатлениями. Отдохнуть, переночевать Андрею Ивановичу можно было у сватов Шитиковых, родителей бывшей жены сына. Он позвонил им из таксофона, ответа не дождался, но спустился в метро и поехал к сватам в отдалённый район Москвы, названный Водным стадионом, по дороге прикидывая, что, пока доедет, кто-нибудь из Шитиковых вернётся с работы.

На звонок в дверь они не откликнулись. Никто ещё не вернулся. Погревшись в подъезде, Андрей Иванович ушёл «тянуть время» в безлюдный скверик, затерявшийся между высотных домов. Короткий зимний день был на исходе. В окнах зажигались огни. Мороз покрепчал, но ветер сквозь кусты и деревья в сквер не пробивался, и казалось, что на улице не очень холодно, терпеть можно. Чугунову хотелось присесть на скамейку, ноги устали, но он, боясь сидя застудиться, бродил по слабо заснеженным аллеям, пристукивая ногой об ногу и помахивая руками для сохранения тепла, размышляя о том, как станет говорить с Шитиковыми спустя уже немалое время после развода Алексея с их дочерью. Когда морозец проник в меховые ботинки и куснул пальцы ног,

Чугунов вернулся в подъезд и поднялся в лифте. Бывшая жена Алексея запаздывала, но сваты уже были дома.

– Раздевайтесь. Вон тапочки. Проходите. Мы сами только что вошли, – сказала гостю Шитикова, не очень глядя ему в глаза, и частым шагом энергичной женщины пошла по коридорчику в кухню. Её слова прозвучали так буднично, точно она виделась с Чугуновым совсем недавно.

Андрей Иванович снял с плеча сумку, бросил на пол и расстегнул молнию на куртке.

К нему подошёл хозяин дома, в чистой рубаше, заправленной в брюки, опрятный, домашний. Приговаривая: «Рад видеть! С приездом!», – он помог Чугунову снять куртку. Андрей Иванович зябко поёжился, потёр щёки и руки.

– Тепло у вас, хорошо. У нас дома прохладнее. Топят недобросовестно.

– Мы пока не жалуемся, – отвечал Шитиков.

– А на улице мороз изрядный. – Гость скинул ботинки и, помяв примороженные ступни, обул суконные шлёпанцы.

– Одежда у вас очень лёгкая. – Шитиков пощупал заледевшую куртку Чугунова и повесил на настенную вешалку. – Советую опустить ноги в горячую воду. Идите в ванную.

Ноги парить Андрей Иванович отказался и пошёл за сватом. Шлёпанцы с меховой оторочкой приятно грели ему ступни и резиновой подошвой смягчали шаги по паркетному полу. Малорослый подвижный Шитиков распахнул перед Чугуновым дверь в гостиную и щёлкнул выключателем.

– Я приехал по делам, – сказал Андрей Иванович, садясь в мягкое гарнитурное кресло с высокой спинкой. – Наведывался в издательство. Неясно, что будет с моей принятой к публикации книгой. В издательстве чужие люди. Авторы не знают и не интересуются ими.

Сват как-то боком и, по мнению Чугунова, не очень удобно сел против него в такое же кресло.

– Пишите что-нибудь новое? – поинтересовался он.

– Да.

– Что можно сейчас написать хорошего? Вам, наверно, только злые мысли лезут в голову?

– Лезут, – ответил Андрей Иванович. – Как злым не лезть? Но приходят и добрые. Вот пишу рассказ о матери. Прообразом взял свою мать. Замечательным она была человеком. Очень трудную жизнь прожила, но не озлобилась. В годы войны работала медсестрой в тыловом госпитале. Одна воспитывала нас с сестрёнкой.

– Ну, это воспоминания. А на современную тему?

– На современную тему пока пишу статьи.

– Трудные наступили для писателей времена?

– Они всегда были нелёгкие, – ответил Чугунов.

– Однако не всем, наверно, трудно, а? Как вы, Андрей Иванович, считаете?

– Что тут считать? Очевидно, что у многих людей «реформы» вызывают скрежет зубовой и горькие слёзы, а кому-то они в радость.

– Говорят, американцы перестройку в России затеяли, цэрэушники. Американцы и наши евреи. Правда, что ли?

Чугунов скосил глаза и повёл головой.

– Вы, Александр Васильевич, наверно, думаете: раз человек пишет книги, то он знает все внутривластные и внешнеполитические дела, тайные происки и дворцовые интриги, сплетни и бредни. Ничего подобного я не знаю. Конечно, размышляя, вижу, во что превращаются у нас необходимые государственные преобразования, в каких целях используют их те, кто стоит у власти и толпится вокруг неё. Вот время от времени и пишу об этом в статьях и, по возможности, печатаю написанное. В толпе околывластной хватает и русских, и господ других национальностей. А за толпой, в отдалении, вполне вероятно, и американские советчики скрываются. Они любят быть там, где жареным пахнет.

– Нет, евреи, по-моему, не виноваты. На них всегда всё сваливают.

Шитиков, было известно Андрею Ивановичу, сам себе часто противоречил и нередко втягивал собеседника в тупиковый спор, отрицая то, что минуту назад утверждал, и утверждая то, что отрицал. Как многие сангвиники, он говорил порывисто, зачастую многословно и взхлёб, с блеском в глазах, с богатой мимикой. Чугунов решил прервать с ним бытовой обмен мнениями на политическую тему.

– Не хочется рассуждать о перестройке, – сказал он. – Ни к чему хорошему разговоры о ней не приводят – только к

обидам и ссорам. Дружья становятся врагами, по собственному опыту знаю. Давайте о чём-нибудь другом. Так редко встречаемся.

– Про что ещё нынче говорить, если не про перестройку? Все о ней толкуют. – Шитиков скинул ногу с ноги и сел в кресле прямее.

– Разве больше не о чем? Мы с вами, бывало, о музыке беседовали и литературе. – «Мне следовало прежде заговорить о внучке, о её здоровье и состоянии духа, о настоящем ребёнка и будущем, – подумал Чугунов. – Но подожду, когда Шитиковы сами о Насте спросят». – А ещё, помнится, Александр Васильевич, в последнюю нашу встречу вы, как истинный технарь, горячо объясняли мне усовершенствованную технологию заточки резца, своё изобретение. Мне, в прошлом тоже технарю, это очень было интересно. Получили вы авторское свидетельство?

– Не успел и, видно, уже не получу. Патентная служба на заводе захирела. Какие теперь изобретения? У нас трамтарарам, может, почище, чем у вас в издательствах! Цеха наполовину стоят! Зарплату люди получают неполную и не вовремя! Рабочих и служащих начальство сокращает под предлогом нововведений, грядущей модернизации, особенно гонят тех из нас, кто в солидном возрасте! Наверно, и меня скоро попросят, хотя силы пока есть, мог бы работать.

– Странные реформы. Не хотел ведь говорить о них, а они сами собой навязываются. Кажется, всё в нашей перестрой-

ке по строгому плану нацелено против народа. А народ поддерживает власть, дружно голосует за мучителей, нацеливающих реформы против него.

– Вот и я своим на заводе толкую! – подхватил Шитиков, и щёки его худые, морщинистые порозовели. – Некоторые со мной согласны, другие ругаются: ничего, мол, старый, не понимаешь, временные трудности... А коммунистов всё равно не люблю.

– Это я помню, – сказал Андрей Иванович. – Вы много раз повторяли, что не любите коммунистов, но так и не объяснили, что лично вам коммунисты сделали плохого.

– Лично мне они вроде ничего плохого не сделали, а не люблю. Лезли вперёд, командовали, призывали, агитировали...

– Так это, по-моему, говорит в их пользу, что лезли и командовали. Значит, всё самое трудное и ответственное брали на себя. Вам оставалось то, что полегче.

– Не знаю. Мне не нравилось. Особенно не хотелось сдавать зачёты по материалам партийных съездов. Раздражало, и времени было жалко.

– Зато приходилось шевелиться. Не плесневели. Не были аполитичным и равнодушным.

– А зачем мне быть политичным? Живу интересами семьи; желаю по своему усмотрению распоряжаться свободным временем и читать не материалы съездов, а художественную литературу... Вообще-то, коммунисты мне навре-

дили: по служебной лестнице не дали высоко подняться. Вступил бы в их партию, тогда бы поднялся.

– Что же не вступили?

– Не хотел. Не сочувствовал; втайне, конечно.

– Другие не сочувствовали, но вступали.

– Я не «другие». У меня совесть есть.

– В какой вы сейчас должности?

– Начальник инструментального цеха. Боялся, проводят на заслуженный отдых, как достигну шестидесяти лет, или переведут на низкооплачиваемую работу, но не проводили и не понизили; сказали, я опытный работник, ценный кадр.

– Ну вот! А говорите, не давали вам расти по служебной лестнице. Начальник цеха – высокая ступенька. На военном флоте она соответствует, наверно, чину капитана первого ранга – как бывший моряк вам говорю, правда, торгового флота, – а в сухопутных войсках – полковника. И должности вас, пенсионера, коммунисты не лишили. Зато сейчас ждёте, что некоммунисты прогонят.

– По моим годам, стажу и опыту работы мне бы следовало быть главным инженером.

Шитиков поджал губы. Чугунов с минуту молча смотрел на него. При среднем росте и худощавом теле сват Андрея Ивановича выглядел человеком неслабым, жилистым. Голова у него была небольшая, продолговатая волосы на ней не сохранились – остался светлый пушок. Разжав губы, Шитиков счёл нужным сообщить Чугунову, что голосовал за пре-

зидентство Ельцина, что видел Бориса на танке и кричал вместе с другими кричавшими: «Ельцин! Ельцин!», – что получил медаль за участие в митингах против «гэкачэпэ» и дежурство у Дома правительства.

– А теперь как смотрите на свой подвиг? – поинтересовался гость.

– Никак. Не ехидствуйте. Не считайте меня пентюхом. Не думайте, что я впал в мальчишество, поэтому кинулся строить баррикады. Все побежали, и я со всеми... К Ельцину у меня сложное отношение. Он бывший коммунист, да не простой, а секретарь обкома и кандидат в члены Политбюро. Но всё же он отошёл от компартии... Вы, что ли, за Ельцина не голосовали?

– Я – нет, – отмахнулся Андрей Иванович. – Ни в коем случае. Горбачёв чем-то расположил к себе, подкупил речами о свободе и справедливости, а Ельцину я сразу не поверил. Не только его обкомовское прошлое меня насторожило, крутое, говорят, идеологически выдержанное, но и, скажу по секрету, оттолкнул внешний его вид, облик кулака-миroeда и отчасти ухаря-купца. Ему бы ещё бороду окладистую и сапоги бутылками. Внешность, конечно, обманчива, но иная не зря отталкивает.

– Ну вот вы, такой мудрый, дальновидный, всё понимаете, а я, стало быть, немудрый, недальновидный, ничего не понимаю! – Шитиков ёрзал в глубоком кресле. – Но коммунистов всё равно не люблю! Сколько ни звали меня, ни уламывали,

не вступил в их партию!

– Так и я не вступил.

– Видите! Значит, вы тоже не любите коммунистов!

– Не совсем так, Александр Васильевич. Я лишь потому не вступил в партию, что не хотел выполнять поручения, сидеть на собраниях, отвлекаясь от писательского дела. Короче, – боясь суетной стороны партийности. Тоже упорно звали, но не вступил; и в жизни немало испытал, и книги печатал с трудом – из-за жёсткой цензуры, – а не чувствую такой злости, какая у вас накопилась. По-моему, личные беды – не повод для неприязни к ныне опальной партии. А у вас никаких бед, как я понимаю, не было. Есть у меня претензии к коммунистам, но есть и понимание того, что не лучшие, а худшие из них довели страну до ручки. Теперь они встали у власти, шельмуя коммунистов порядочных. Думаю, среди худших, вставших у власти, немало прямых потомков тех злодеев, что сажали и расстреливали безвинных.

Татьяна Ивановна помешала им разговаривать. Она зашла в гостиную и произнесла:

– Ирину подождём и станем ужинать. У меня всё готово.

Склонная к полноте, округлая женщина плавно села на диван лицом к гостю, протянула руку к полированной тумбочке, взяла газету и развернула так, чтобы её ярче освещала хрустальная люстра с подвесками-сосульками. Андрей Иванович знал, сколько примерно Шитиковой лет – она была моложе супруга, но также вышла на пенсию. Её смуглое с приятными чертами лицо не прорезали глубокие морщины, а редкая седина украшала, а не старила её тёмные густые волосы.

«Не рада моему появлению. Старается выглядеть приветливой, но сама понимает, что это ей не слишком удаётся», – догадался гость.

– Не будем ждать! Зови к столу! – громко сказал Шитиков через спинку кресла, сидя к жене более чем вполоборота.

– Подождём, – откликнулась хозяйка. – Андрей Иванович проголодался не меньше твоего, а терпит.

– Обо мне, пожалуйста, не беспокойтесь, – сказал Чугунов.

– Как вы там у себя в городе живёте? – спросила Шитикова, откладывая газету.

– В общем ничего. Как большинство. Неприятности множатся по всей стране, но из-за угла у нас за последние годы убили единственного человека, местного руководителя оппозиционной партии, ещё один бесследно исчез. В Москве же, судя по сообщениям, убивают каждый день по несколько человек. У нас и митинги редки, и разные другие политические выступления.

– В провинции всегда меньше шума, потому что народу мало, – сказал Шитиков и повторил где-то вычитанную мысль: – Революции и государственные перевороты совершаются в столицах.

– В том числе перевороты контрреволюционные, – добавил Чугунов.

– Как Вера Валерьяновна себя чувствует? – спросила Шитикова.

– Неплохо. Просила всем привет передать.

– А Настя?

– И она здорова, если не считать застарелой реакции на молочное, сладкое, на лимоны и апельсины... Учится в музыкальной школе. Играет на скрипке и фортепьяно. Скрипка у неё основной инструмент, а фортепьяно дополнительный. Педагоги считают её очень способной.

– Не рано ей учиться?

– Не рано. Способные дети учатся музыке с четырёх-пяти лет. Она сама попросилась. Мы у неё, по сути, пошли на поводу. Захотела играть на скрипке, увидев её в руках сосед-

ского мальчика, но оказалась на редкость музыкально одарённой ученицей, находкой для школы. Легко переносит нагрузки, девочка собранная, трудолюбивая.

– Жалко ребёнка, – сказала Шитикова, не глядя на гостя, складывая на груди руки. – Отец и мать дурью маются, а дитя живёт у вас, как сирота у приёмных родителей.

– К сожалению, сиротство при живых родителях – беда повсеместная. – Андрей Иванович постарался обезличить, свести к общим понятиям эту тему, болезненную для Шитиковых не меньше, чем для Чугуновых. – Тут разные причины: неустроенность, эгоизм и взаимное ожесточение, легкомыслие, распущенность...

– Нашим-то чего не хватало? – подумала Татьяна Ивановна вслух.

– Вы больше видели их семейную жизнь, чем мы с Верой Валерьяновной. Всё происходило на ваших глазах.

– Ну да, мы, конечно, видели больше. Сперва всё у них было ничего. Ходили в обнимку, встречали друг друга с работы, планы строили, музыку слушали. Потом Алексей не очень хорошо себя повёл. Александр-то Васильевич помалкивал в тряпочку, он угодник, а я вам с Верой Валерьяновной в то время намекала, что Алексей ведёт себя плохо. Вы как-то не обратили на мои слова внимания, а больше сказать я не решалась, всё-таки мы тогда знакомы были немного. Ирину не оправдываю, характер у неё дурной. Но Алексей взялся выпивать, приятелей водить, а ей это не нравилось.

Она не любит в доме чужих, особенно, пьющих. И пошло у них, поехало.

– В семейных разладах чаще всего виноваты обе стороны. Это давно известно, – вежливо заметил гость. – Но пусть молодые сами меж собой разбираются. Наша с вами задача: вырастить ребёнка. Мы, Чугуновы, воспитываем внуку – так сложились обстоятельства, – а вы, Шитиковы, помогайте нам воспитывать.

– Мы и помогаем, – с некоторой досадой произнесла хозяйка. – И дальше будем материально помогать, сколько сможем. Только внука от нас все больше отчуждается. Мы забываем, как Настя выглядит. А она, наверно, забывает, как выглядим мы с Александром Васильевичем. Шесть лет ребёнок живёт у вас. Когда вы её привозите и оставляете ненадолго, она зовёт меня тётей, а деда дядей. Легко нам это слышать?

– Я сожалею. – Андрей Иванович понимающе тряхнул головой. – Естественно, что внука привыкла к нам больше, чем к вам. Мы её нечасто возим в Москву – это верно, мало показываем матери и вторым деду с бабушкой, не по злому умыслу, конечно. Но ведь вы сами не торопитесь её увидеть, не ездите в Григорьевск. Почему мать ни разу не навестила ребёнка с тех пор, как разошлась с Алексеем? Да и пока не разошлась, всего два-три раза заезжала. Для нас с Верой Валерьяновной это загадка.

– Ну, почему мы не ездим, ясно. Обида заедает оттого, что

внучка живёт при Чугуновых деде с бабушкой, а не при Шитиковых. Вы для нас вроде уже посторонние люди. Да и мы, как и вы, немолоды, трудно собраться. В отношении Ирины тоже никакой загадки нет. Она вас не любит, дичится, опасается – как хотите называйте. И чем дальше – тем больше. Ей кажется: вы что-то наговаривали на неё Алексею. Ирина с детства мнительная, капризная, самолюбивая. Вот и не едет. Мы ей: «Ты не к Чугуновым поедешь, а к дочери». А она в ответ: «Всё равно они там есть. Ни за что не поеду».

– Упрямая, – сказал Шитиков. – Если что-то возьмёт в голову, ничем не переубедишь.

– Извините, но у меня складывается впечатление, что Ирина равнодушна к своему ребёнку, – сказал Андрей Иванович. – А что она не хочет видеть нас с Верой Валерьяновной, просто отговорка.

– И равнодушие тоже есть, – согласилась Шитикова. – Они с Алексеем, скажу вам, оба к Насте равнодушные. Отец-то много теперь ребёнком занимается?

– Не хочу врать: немного.

Чугунов остерегся добавить, что Алексей рядом с дочерью и не живёт.

– Видите! Уехал к Насте, а занимается ею всё равно мало. Наверно, опять у него друзья-товарищи... Малышка, пока отец с матерью её вам не сбагрили, была для них забавой. Они и воспитывать её взялись как-то не по-людски. Если плакала, сами не успокаивали и нам с дедом не давали;

в стенку ей постукивали, чтобы не плакала.

– Мне об этом известно, – сказал Андрей Иванович. – Сын нам с Верой Валерьяновной докладывал. Поначалу я думал, он шутит.

– Они с Ириной по заграничной системе воспитывали ребёнка, – снова откликнулся Шитиков, – по статье из английского журнала. В ней говорилось, что детей надо с пелёнок приучать к напряжённой жизни. Рекомендуются, если младенец уж слишком разорался, поставить ему в коляску приёмник и завести рок-музыку.

– Ну и как, ставили?

– Не знаю. Не видел.

– Молодые наши ни меня, ни деда к малышке не подпускали, – уныло произнесла Татьяна Ивановна. – Дед, мол, чего доброго, напугает ребёнка своим видом или возьмёт как-нибудь не так и покалечит. А мне говорили, что я некультурная, раз всю жизнь в торговле, что не смогу дать Насте ничего хорошего. Потом уж, когда они зашились с экзаменами в университете, то и отправили внуку в Григорьевск, вместо того, чтобы оставить на бабушку с дедом в Москве.

Чугунов помедлил, прикусывая губу. Он вспомнил, что про отправку Насти в Григорьевск её отец говорил несколько иначе.

– Вон, значит, что! – сказал он. – Завеса приоткрывается! Они вас тяжело обидели недоверием и лишили внуки! Жаль, что вы раньше не рассказали.

– Постеснялись, – ответила Шитикова.

– Послушайте, Татьяна Ивановна, я вам сочувствую. Вы с Александром Васильевичем так драматично отстранены от Насти. Но всё равно она и ваша внучка. Не откажетесь! – Последнюю фразу Андрей Иванович постарался сказать шутливо. – Но не всё потеряно. Теперь вы можете взять Настю к себе. Мы с Верой Валерьяновной советовались. Будущей осенью девочка пойдёт в общеобразовательную школу. Может быть, ей лучше учиться в Москве? Как вы считаете? Нам непросто было бы отдать вам внучку, но мы поступим по справедливости. С матерью Насти я не берусь договариваться, хотя, по здравому рассуждению, она должна обрадоваться тому, что я предлагаю.

– Да нет уж, теперь, наверно, не обрадуется, – сказал Шитиков. – Отвыкла от дочери. У Ирки новые сердечные дела, ищет мужа.

– Лучше помолчи! – прикрикнула на него Татьяна Ивановна и продолжила говорить с Чугуновым: – Что ж, школа тут у нас под боком. Пускай Настя идёт и учится. Только мы не поведём её ни в какие другие школы, кроме общеобразовательной. У нас времени нет водить, все мы работаем. И необязательно учить ребёнка музыке. Что это даёт? Лишние расходы и хлопоты.

– Это многое даёт для общего развития, а может дать и профессию, – сказал Андрей Иванович. – Девочка второй год учится по классу скрипки и занятия не бросит. Мы сде-

лаем всё, чтобы не бросила. Если на семейном совете договоритесь взять Настю к себе, то, пожалуйста, подумайте, как продолжить её музыкальное воспитание. Ради ребёнка приходится многим жертвовать. Александр Васильевич, я знаю, любит классическую музыку – вот ему было бы интересно водить внучку в музыкальную школу. Оставил бы он работу да всё свободное время посвятил Насе.

– Ну, у вас одни взгляды, а у нас другие, – хмуро, упрямо ответила Татьяна Ивановна. – Я считаю, что это блажь – обязательно водить ребёнка в музыкальную школу. Никто из нас с работы не уйдёт. А жить на что прикажете? Сейчас, по моему, надо думать только о том, как выжить. При нынешних ценах, того гляди, с голоду умрёшь или из квартиры выселят за неуплату долгов.

Голод Шитиковым едва ли грозил. Татьяна Ивановна преувеличивала. Она всю жизнь трудилась в продуктовых магазинах и теперь торговала в одном из них, уже частном. Опытная продавщица умела экономить на продаже, сэкономленное незаметно брала домой и кормила близких неплохо.

– Всё-таки нужно узнать мнение Настиной матери, – сказал Андрей Иванович...

Слышно повернулся ключ в замочной скважине наружной двери. Дверь открылась и прихлопнулась. Шурша верхней одеждой, Ирина сняла её в прихожей, потом расстегнула молнии и скинула сапоги, пристукивая ими о пол.

– Кто у нас? – спросила она тонким голосом.

Татьяна Ивановна ответила.

Она позвала ужинать. Помня, что женщины в этом доме противятся спиртному, Андрей Иванович всё же достал из сумки четвертинку горькой. Он так озяб на улице, что купил водки и решил согреться ею в гостях. У него и теперь не унялась внутренняя дрожь, вестница простуды. Татьяна Ивановна молча поставила на стол две стопки с золотистыми ободками – гостю и мужу.

Ирина пришла к ужину последней. Сев за стол, она приподнялась, двинула стул, что-то, хмуря брови, поискала возле него и опять села. Чугунов сказал себе, что она выглядит молодо, годы пока незаметно накладывали грубые штрихи и краски на её лицо, бледное, утончённое, с заострённым подбородком. Просторную кухню Шитиковых неярко освещало бра, висевшее над придвинутым к стене столом, и в затенении Ирина виделась Андрею Ивановичу в образе марсианки Аэлиты, памятном ему по графическому рисунку в книге Алексея Толстого. Молодая женщина слегка растягивала губы, по углам отогнутые вверх. Улыбка, словно намеченная, но не явная, часто блуждала на её лице, но большие миндалевидные глаза Ирины, сколько помнилось Чугунову, никогда по-настоящему не улыбались и не смеялись.

Когда он взялся разливать водку по стопкам, то заметил, мельком глянув на бывшую сноху, как улыбка с её лица спа-

ла при виде того, что он делал. Но он разлил, выпил с Шитиковым и стал есть, хваля ужин – Татьяна Ивановна готовила превосходно.

– Давайте ещё по одной, пока не всё съели, – сказал Александр Васильевич, потирая ладони, но лишь только с воодушевлением сам налил себе и Чугунову, жена шлёпнула его по руке, взявшейся было за стопку. Дёрнув плечом, он сердито произнёс: – Что ты меня осаживаешь и позоришь перед человеком? Могу я по-мужски выпить с ним и поговорить?

– Ладно, пей! – сказала Татьяна Ивановна и добавила, подчёркивая, что не меняет гнев на милость: – Наливайся!

– Нет, пусть не смеет! – воскликнула Ирина, округлив глаза и губы, нервно затрепетав и поразив этим Чугунова.

– Хорошо, не буду! Успокойся!

Шитиков с досадой отодвинул от себя наполненную стопку.

Глаза его дочери снова приняли миндалевидную форму. На губах её наметилась улыбка, в которой мелькнуло что-то неприятное, злое. Все за столом притихли.

Чтобы рассеять общую неловкость, свою в первую очередь, и возобновить разговор, Чугунов спросил Ирину:

– Чем занимаешься?

Она ответила с готовностью, словно извиняясь ею за свою вспышку:

– Перевожу с санскрита... Недавно перевела старинный текст. Напечатала в маленькой газете, гонорар в ней не пла-

тят...

Говорила она с остановками, вдруг заикаясь, не болезненно, а от стеснения, и несмело встречалась взглядом с Чугуновым. Слушая её ответ, он кивал, так как вспомнил, что, учась в университете, Ирина ходила на курсы древнеиндийского языка.

– Это постоянная работа? – спросил Андрей Иванович.

– Нет, что вы! Это хобби! П-постоянная у меня – операторская. Сажу за компьютером в бюро трудоустройства, на бирже труда. Безработных регистрирую и куда-нибудь направляю.

«Говорит, по-моему, миролюбиво, – подумал Чугунов. – Неужто она в самом деле так нас с Верой Валерьяновной не терпит, как об этом рассказывает её мать?»

– А журналистика? – спросил он. – Стоило ли заканчивать Московский университет для того, чтобы сидеть за компьютером на бирже труда?

– Не стоило...

– И на бирже не очень хорошо платят, – вмешалась в разговор Татьяна Ивановна, пренебрежительно махнув рукой, – и в журналистике её не баловали. Там она зарабатывала ещё меньше. Последний раз устроилась в одну газету, так газета скоро обанкротилась. Зачем высшее образование? Лучше бы пошла в торговый техникум. Встала бы, как мать, за прилавок, а там, глядишь, с образованием-то, до завмага бы доросла. Нет, от моей работы она нос воротит.

– Да, вот что, Ирина, – прямо начал Андрей Иванович главный разговор, – дочка передавала тебе привет. Просила поцеловать маму. Будем целоваться?

Не дождавшись согласия, он приподнялся со стула и чмокнул Ирину в щёку. Бывшая невестка не уклонилась.

– Что молчишь? – с дружеской улыбкой спросил Чугунов. – Хочешь всё знать о своём ребёнке? С дедушкой и бабушкой мы о Насе поговорили, могу и тебе рассказать. Ей всего шесть лет, а она второй год учится в специализированной музыкальной школе по классу скрипки и дополнительно обучается игре на фортепьяно, это по программе школы. Если бы ты знала, какая она милая, красивая, умная и талантливая девочка! Весной, возможно, поедет на конкурс юных скрипачей.

– Да, она красивая, умная и талантливая, – тихо повторила Ирина.

Она отвернулась от Чугунова. В её неверной незаконченной улыбке что-то стало меняться, выражение лица делалось беспокойным. Приглушённое освещение скрывало истинный цвет её щёк, но Андрей Иванович помнил, что щёки Ирины никогда не были цветущими – «благородная бледность» с них не сходила. В некоторые прежние их встречи Ирина вдруг казалась ему женщиной не в себе. Однажды он намекнул на это Алексею, и тот, помедлив, спросил: «Ты так думаешь?» – «Да, так думаю». «Нет, – сказал сын, – с психикой у неё всё в порядке. Жена моя – поэтическая натура,

поэтому выглядит не от мира сего. С ума сходит по Бродскому и Ахмадулиной, сама пишет стихи. Хотя порой мне в ней видится то же, что и тебе». Теперь скользкая мысль о психике Ирины подкрепилась в сознании Чугунова раздумьем: почему мать и сама к дочери не едет, и её не берёт к себе. Это же ненормально для матери.

– Пока ждали тебя с работы, – снова обратился он к Ирине, – мы вот о чём поговорили. Как ты считаешь, где Насте лучше было бы пойти в общеобразовательную школу: у вас в Москве или у нас в Григорьевске? Тут есть одно обстоятельство. Если хочешь, дочка твоя переедет в Москву, но с условием, что она продолжит учиться музыке. Ну, что скажешь?

– Я не знаю...

– Зачем вы опять говорите про своё условие? – Татьяна Ивановна, подумалось Чугунову, была готова рассориться с ним. – Я же вам сказала, что в музыкальную школу мы не сможем Настю водить!

– Почему? Я бы смог, – сказал Шитиков. – Ушёл бы с работы и водил.

Она зловредно усмехнулась:

– Хорошо ещё, выпить тебе больше не дала. А то бы на ночь глядя побежал записывать ребёнка в музыкальную школу.

– Всё же давайте послушаем мать Насти, – сказал Андрей Иванович. – Что ты, Ирина, решила?

– Не знаю, – повторила она. – Я подумаю.

– Ладно, думай. Время терпит. А пока наезжай к нам и встречайся с дочерью. Появись в Новый год, устрой ребёнку настоящий праздник.

– Постараюсь...

– Съезди! – сказала Татьяна Ивановна.

Ей Ирина не ответила. Теперь она лишь вздыхала, думая о своём, и явно тяготилась разговором. Андрей Иванович не собирался травить бывшей невестке душу, когда, сам не зная почему, вдруг соврал:

– И от Алексея тебе привет.

– Ему тоже, – пролепетала она, и по лицу её змейкой пробежала судорога.

Сославшись на дурное самочувствие, Ирина ушла из-за стола, держась за виски и морщась.

Чугунова хозяева положили спать в гостиной на диване, накрыв диван свежим бельём. Андрей Иванович долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок; а утром, расхотев идти в журнал, уехал в Григорьевск.

Стройная учительница сольфеджио Наталья Анатольевна Кононова быстрой летящей походкой вошла в класс. Детей, бегавших по классу или бренчавших на рояле с двух его сторон, как ветром смело и разбросало по своим местам за старыми столами, давно крашенными жёлтым лаком.

– Я просила не расстраивать инструмент, – сказала учительница. – Если взялись играть, то играйте, а не бейте просто так по клавишам. И пыль подняли...

Строгим взглядом окинула она ребят, и Андрей Иванович, сидевший возле Насти, почувствовал себя ответственным за поведение шалунов-музыкантиков. Он много раз брался утихомиривать их, детей «неуравновешенных», сангвиников и холериков, но ничего у него не получалось. Одарённые шалуны и других старших не слушались, а их тут, кроме Чугунова: родителей, дедушек и бабушек, – нынче сидело пять человек, чуть не при каждом из малолеток, которых всего числилось семь. Так невелик был класс.

Кононова сделала перекличку, открыла журнал, лежавший на рабочем столе, и отметила присутствующих.

– Начнём, – сказала она, отошла к фортепьяно и стоя взяла благозвучный аккорд, задавая воспитанникам музыкальную интонацию. – Откройте хрестоматию. Тереза, пой домашнее задание. Остальные внимательно следят.

Маленькая девочка, как и Настя, скрипачка, встала из-за стола на кривоватые ноги, держа раскрытую хрестоматию. Она была смуглая, с раскосыми чёрными глазёнками и заплетёнными в две косы смоляными волосами. Дирижируя рукой – как учили, – она весело, но слишком громко стала выводить голосом первые такты нотного текста, широко открывая рот и раскачиваясь.

Дети засмеялись. Учительница остановила Терезу:

– Что ты кричишь, как рок-звезда? Мы хорошо слышим. У нас у всех музыкальный слух. Стоять необязательно. Тебе же хрестоматию неудобно держать! Работай сидя.

Восточная розочка не смутилась и не села. Она пробовала не выкрикивать ноты; но скоро её сильный задорный голос опять набрал децибелы, и у Чугунова зазвенело в ушах. Кононова сдержанно её похвалила, но спеть до конца не дала. Радостно блеснув агатовыми глазами, Тереза вернулась за стол, и там нарядно поседлая бабушка, тоже смуглая и раскосая, погладила её по голове.

– Продолжит упражнение... – Учительница выбирала взглядом, кого ей назвать. Дети все до одного высоко подняли руки, и каждый просил вызвать его, умолял, настаивал.

– Пожалуйста, не шумите. Будет петь Серёжа.

Полный мальчик, сидевший в переднем ряду в одиночестве, также скрипач, испуганно вздрогнул. Он склонился к хрестоматии, положил палец на нотный стан, спел, заикаясь, несколько нот и затих.

– Не волнуйся так, – сказала учительница. – Да готов ли ты? Некоторые из вас просят, чтобы их спросили, а сами не выполнили домашнее задание. Если не готовился, лучше сразу признайся, не отнимай у нас время. Я кого-нибудь другого спрошу.

– Готов! Знаю!.. – пролепетал мальчик и опять запел, сперва запинаясь, а дальше ровнее. Он благополучно окончил упражнение и тоже услышал похвалу, от которой зарумянился.

Следующее упражнение начала пианистка Марина, серьёзная коренастая малышка в очках, круглая отличница. Сидя за столом очень прямо, расправив угловатые плечи, она образцово исполнила свою партию голосом низким, бархатыным, удивительным для ребёнка. Кононова назвала её умницей.

– Давай ты, Толик, – сказала она, кивнув белобрысому баянисту, такому низкорослому, что он едва виделся публике, играя в концертном зале: над ученическим баяном торчала лишь вихрастая макушка ребёнка. Толик спел дискантом, и у него тоже получилось всё хорошо...

Пока отвечали другие, Настя изо всех сил тянула вверх руку и лихорадочно приговаривала:

– Меня вызовете, Наталья Анатольевна! Меня!..

Но взгляд педагога скользил мимо Насти, и дед Чугунов даже начинал обижаться на Кононову за невнимание к его внучке. Она была той самой прозорливой специалисткой,

что полтора года назад выявила на вступительных испытаниях Настины способности; и Андрей Иванович думал написать о том, как учительница сольфеджио ведёт занятия в темпе, похожем на музыкальный, хорошо рассчитывая свои действия по времени, как свободно она держится и ловко настраивает ребят на серьёзное обучение. После Толика учительница попросила отвечать гитаристку Фаю, потом пианистку Машу. За Машей следовали скрипачи Андрей и Света. Оставалась Настя.

После того, как спела Света, учительница обратилась к классу:

– Кто скажет, какие она допустила ошибки?

Класс раздумчиво молчал, а Настю всё лихорадило, и вскинутую усталую руку она уже поддерживала другой рукой.

– Хорошо, ответь ты, Настя. Но прежде запомни: неприятно видеть и слышать то, как человек напрашивается на особое внимание к себе. Все ребята давно утомонились, старательно работают, а ты сидишь как на иголках, что-то бормочешь, подпрыгиваешь и мешаешь нам заниматься. Я намеренно тебя не выкликала. Если в следующий раз поведёшь себя так же, как сегодня, вовсе не буду с тобой разговаривать... Так в чём ошибка Светы?

– В одном месте она спела бемоль, а там стоит диэз.

– Верно! Очень хорошо! А ещё!

– Ещё она со счёта немножко сбилась в одном месте. Чуть-

чуть.

– Правильно! Молодец!

Света скинула и не сразу успокоилась под утешающей рукой молодой красивой мамы. На миг она закрыла ладошками худое бледное личико, половину которого занимали большие печальные глаза.

– Ты тоже молодчина, – сказала ей Кононова. – Тебе попался очень трудный текст.

Настя тонко улыбалась. Дед заметил, что внучка торжествует. Нередко Света торжествовала над Настей. Обе они «подавали большие надежды» и соперничали во всём: пении по нотам, написании музыкальных диктантов, игре на скрипке и фортепьяно.

– Что ж, Настя, раз ты такая шустрая, – сказала Кононова, – то принимайся за новое упражнение, запевай с листа.

Чистый Настин запев подхватил весь класс во главе с учительницей. Андрей Иванович до кома в горле наслаждался детским сольфеджио и тихонько подпевал ангельскому хору, прищуривая глаза и ногой под столом неслышно отмечая такт.

В последней части урока Кононова попросила ребят открыть нотные тетради и взять карандаши. Она села за фортепьяно, проиграла одной рукой короткую мелодию и повторила её, деля на части. Сообщая обозначив прозвучавшую тональность, поставив в тетрадях знаки альтерации и держа мелодию в уме, дети стали писать музыкальный диктант, под-

тирая ластиком ошибки. Вместе с внучкой, но от неё независимо, открыв собственную тетрадку, стал писать и дед. В детстве после войны Андрей Иванович немного учился музыке, и теперь он кое-что вспоминал и усваивал заново...

Впереди Чугунова сидел тоже одинокий, как Серёжа, скрипач Андрей, рыжий, лохматый, обычно насупленный, чем-то в жизни недовольный. Настя звала его Андрюхой, и, по мнению её деда, такая форма имени подходила мальчишке. Когда начался диктант, Андрюха через плечо прошептал: – Дай карандаш!

Настя не отвлеклась; но Андрей Иванович открыл внучкин деревянный пенал и протянул Андрюхе запасной карандаш.

Мальчик уткнулся носом в измятый клочок нотной бумаги, но через минуту, вернул Чугунову карандаш с обломленным грифелем.

– Заточи!

Андрей Иванович достал из кармана перочинный ножик, заточил карандаш и отдал тёзке.

– Не нажимай сильно, – прошептал он с оглядкой на педагога.

– Не нажимаю! У тебя карандаши плохие, ломаются!

Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах у Андрюхи сложилось к Чугунову панибратское отношение, но старик не обижался.

Мальчик попросил ещё и резинку. Но время диктанта за-

канчивалось. Андрюха дотянулся рукой до тетрадки Чугунова и зашипел:

– Дай списать!

– На, – ответил дед.

Кононова уже шла по рядам, смотрела ученические работы и оценивала. Насте она поставила пятёрку, а Андрюхе закатила двойку. Андрей Иванович подсунул учительнице свою тетрадку; она поставила двойку и ему...

Сунув руки в карманы, мальчик вышел на перемену расхлябанной походкой. Чугунов взял с широкого подоконника внучкину скрипку. Они с Настей в коридоре нагнали Андрюху, и девочка произнесла, обняв товарища одной рукой:

– Не горюй.

– Я не горюю, – ответил мальчишка. – Мне всё до лампочки. Мама говорит, я гениальный.

– Вон как! – удивился Андрей Иванович. – В первый раз в жизни вижу гения! Дай я на тебя посмотрю! Ты, парень, мне мешал, поэтому диктант я выполнил плохо. И себя, и тебя подвёл. Почему сам-то ничего не делаешь? Такой безалаберный, а ведь очень способный. Я слышал, как ты на скрипке играешь.

Передав внучке инструмент, Чугунов снял с плеча сумку и вынул из неё чай в термосе и пакет с сушками, намереваясь вместе с Настей перекусить.

– Давай мириться, – сказал он Андрюхе и угостил его сушкой.

– А можно ещё? – спросил мальчик.

– Можно. Бери, сколько надо. Если хочешь, налью чайку.

– Не, чай я не люблю. Я у тебя три штуки возьму, – но, запустив руку в пакет, взял Андрюха четыре и с сушкой в зубах ушёл от Чугуновых.

Они поднялись на другой этаж. Тут звучали из-за дверей, главным образом, скрипки, альты, виолончели и контрабасы, поэтому этаж условно назывался «струнно-смычковым». В классе дожидалась Чугуновых Лариса Корнилова, обучающая Настю игре на скрипке. Она деловито произнесла:

– Давай-ка, Настенька, наляжем сегодня на конкурсную программу, а учебному заданию уделим поменьше времени. Конкурс не за горами. В марте надо будет показываться отборочной комиссии. В апреле поедem в Рязань.

– А этот праздник музыки не отменят? – спросил Андрей Иванович, которому очень хотелось, чтобы внучка блеснула в состязании скрипачей-малолеток.

– В том, что конкурс состоится, сомнений быть не может, – отвечала Корнилова. – Возможно только, устроители подкорректируют сроки. Настя, думаю, пройдёт отбор. Всё за то, не вижу никаких помех. У неё нелёгкая программа, но девочка хорошо справляется.

– Что нам с ней предусмотреть к конкурсу?

– Ищите деньги на проезд и на проживание в Рязани. Наверно, придется вам оплатить и поездку концертмейстера. Ну, а я как-нибудь сама.

– Успеem ли подготовиться? – сказал Чугунов. – Уже декабрь к концу.

– Должны успеть. Будем стараться... Ищите деньги! Может быть, администрация школы выделит какие-то средства, но рассчитывать на это не приходится, времена не те. Всё! Работаем, Настенька! Извините, Андрей Иванович, поговорим после.

Лариса взяла Настину скрипку – уже «половинку» дед с бабушкой внучке купили, «четвертинка» стала маловата – и прошла с ней свободное пространство класса от стола у стены, за который присел Чугунов, до фортепьяно у противоположной стены. Сыграв на фортепьяно ля первой октавы, она подстроила скрипку.

– Играй гаммы, – сказала Корнилова, возвращая инструмент Насте. – Гаммы и арпеджио повторять нужно обязательно и прежде всего. Дальше поразбираем конкурсный концерт. Захватила ли ты ноты концерта?

– Мы их не забыли, – ответил за внучку дед.

– Можно я свою куколку опять на стол посажу, чтобы она глядела на меня и слушала, как я играю? – спросила девочка педагога.

– Можно.

Андрей Иванович достал из сумки пластиковую куколку с синими глазами и рыжими волосами, в розовом платице, и посадил на стол. Настя подsunула скрипку под подбородок, который положила на чёрную бархатную подушечку, сшитую бабушкой, удерживаемую на шее с помощью завязок. Её «половинка», покрытая вишнёвым лаком, лоснилась,

как заледенелая. Вскинув наканифоленный смычок, Настя поднесла его к струнам и, лизнув губу, неторопливо заиграла гамму до мажор. Корнилова остановила её.

– Стоп! Мы занимаемся второй год, и на каждом уроке я говорю об одном и том же! Гриф подними выше. Смычок прикладывай к струнам посередине расстояния между подставкой под струны и торцом грифа. Води смычком ровнее; не дави им на струны, извлекай звук за счёт веса смычка. Руки раскрепости. Что они у тебя так зажаты? И сама ты вся зажата. Ну-ка, перехвати скрипку правой рукой, дай мне свободную левую! Вот! Пальцы как судорогой сведены! Дай теперь правую! Возьми моё запястье! Представь, что берешь не запястье моё, а смычок! Ну что ты вцепилась в меня? Даже больно! Так же крепко сжимаешь ты и гриф, и смычок, а это никуда не годится. Запомни: в игре на любом музыкальном инструменте, а на скрипке тем более, физические усилия должны быть наименьшими, естественными, ненапряжёнными. Иначе скрипка засипит, замяукает, захрюкает, и слушать её будет противно. Всё ли поняла? Хорошо, продолжай...

Настя играла вдумчиво и прилежно, стараясь учитывать замечания. Но Корнилова не была довольна. Вновь и вновь она сдерживала ученицу, иногда брала у неё скрипку и показывала, как надо играть. Девочка принялась за гамму ре мажор, увеличивая её темп по указанию педагога – от целых нот переходя к «половинкам», «четвертям» и «восьмуш-

кам», развивая беглость пальчиков и чувство ритма. Сыграла она арпеджио, и к тому времени, как явился концертмейстер Виктор Александрович, успела разобрать с Корниловой некоторые заковыристые такты большого конкурсного произведения. Концертмейстер по-мальчишески вскинул для приветствия руку, сел за рояль и, глянув в клавиры на пюпитре, приготовился к музицированию. Текст партии скрипки тоже покоился в рабочей позиции – на алюминиевой подставке, которую Лариса наладила по росту Насти.

Она кивнула. Концертмейстер бросил худые, с волосками, кисти на клавиши и девочка заиграла в дуэте с фортепьяно, извлекая из маленькой скрипки в не заставленном мебелью гулком классе такие сочные светлые звуки, что Чугунов заслушался и горделиво подумал о том, что никто из скрипачей Настиного возраста не сыграет лучше его внушки.

Но Корнилова снова прервала ученицу.

– Нет! Нет! – заговорила она, тряся головой и отмахиваясь рукой. – Интонация не вполне верна, и в счёте ошибаешься! Кукле твоей не нравится! Видишь, она поморщилась и голову опустила? Начни ещё раз! Внимательнее смотри в ноты! Вслушивайся в то, что играешь!

«Да ведь хорошо играет!» – хотелось Чугунову защитить внучку, и он с досадой поглядывал на Корнилову.

Она, русская женщина Лариса Владимировна Корнилова с первого взгляда показалась Андрею Ивановичу немкой. В её внешности виделось ему то, что было на иных открытках,

привозимых в сорок пятом году фронтовиками из побеждённой Германии. Молодые фрау на этих открытках носили жёлтые короткие волосы с высокой волной, платья с поясом и подкладными плечиками. Их круглые, в меру улыбчивые лица сияли здоровьем. У Корниловой волосы тоже были жёлтые короткие, лицо круглое свежее, платье с поясом, правда, без подкладных плечиков. Отчасти немецкими счёл Чугунов и черты характера Ларисы: деловитость, собранность, склонность к порядку во всём: в книгах описывались такие немецкие черты. Побывав в Германии, он встретил там и «открыточных» женщин, и «книжных», но видел и совсем других. Послевоенные открытки, однако, помнились ему до сих пор...

Настя вздохнула и заиграла с первого такта. Корнилова послушала и огорчилась.

– Нет, это не конкурсное исполнение! Ты хочешь победить?

– Хочу.

– Тогда перестань вздыхать и хмуриться. Чтобы победить, надо играть не просто лучше других, а на голову выше, нет, на две головы. Понимаешь меня?

– Понимаю. Это вот так? – Настя подняла скрипку над головой. – А как тогда на ней играть, если выше головы?

Взрослые засмеялись, девочка тоже.

– Чудачка! – сказала Лариса. – Играть на голову выше других, значит, играть лучше соперников, а на две головы вы-

ше – много лучше. Это образное выражение. Ну, продолжай. Виктор Александрович, – обратились она к концертмейстеру, – вы пока обождите.

Пианист с клочковатой бородой, одетый по-спортивному в рифлёный свитер и лыжные брюки, откинулся на спинку стула, свесив руки, протянув под фортепьяно ноги в тёплых ботинках. Повернув лысоватую голову, он подмигнул Насте. Девочка стала проигрывать трудные места конкурсной вещи и не остановилась, когда в класс, припадая на хроную ногу и опираясь на палочку, тихо вошёл заведующий струнно-смычковым отделением Кругляков. Послушав, как трудится ученица, понаблюдав, как гоняет её педагог, он произнёс глухим от природы голосом:

– По-моему, Лариса Владимировна, вы слишком строги. Настя играет неплохо. Мне понравилось.

– Не мешайте, Валерий Николаевич, – ответила Корнилова.

– Хорошо, не буду, – и он вышел так же тихо, как вошёл.

– Играй, Настя! Играй! – подстёгивала Лариса девочку. – Исправляй огрехи! Следи за музыкальностью исполнения! Что ты такая безрадостная?

– Чему радоваться-то?

– Нет, не нравится мне твой настрой! И игра не нравится!

– А Валерию Николаевичу понравилось.

– Очень хорошо. Он отличный педагог. Но учти: он педагог твоей соперницы Светы и не может не желать победы

собственной ученице...

Настя морщила лобик, куксилась, но раз за разом переигрывала то, что требовала переиграть Корнилова. Концертмейстер скучал, позёвывал. Андрей Иванович жалел внучку и боялся, что она расплчется, как плакала, случалось, особенно, в первый год обучения, от боли в кончиках пальцев, от усталости в руках, плечах, ногах. Ближе к концу урока девочка набело завершила только небольшую часть произведения и успешно исполнила её с пианистом. Потом она стала работать небрежно, сердито, наконец решительно отошла от пюпитра и положила скрипку со смычком на стол.

– Не хочу больше играть. Я устала.

– Урок не кончился. – Лариса прихлопнула в ладоши и посмотрела на часы.

– Не хочу! Не буду! Ручки болят!

– Встряхни их! Вот так! Меньше станут болеть! Как же ты научишься играть, если, чуть что бросаешь скрипку? Ну-ка, бери её!

– Не буду!

Девочка спрятала руки за спину, пошла к деду и села рядом с ним за стол, проявляя уже знакомое педагогу великое упрямство, за которым, если попытаться его переломить, мог последовать взрыв.

– Хорошо, – сказала опытный педагог. – На сегодня хватит. Поработай дома самостоятельно. Вспомни всё, о чём мы с тобой говорили. Не ленись. Дружи со скрипкой. Но

играй лишь до тех пор, пока хватает сил думать и исправлять ошибки. Ты способная, мужественная, всё преодолеешь. Зимних каникул у нас с тобой не будет, станем готовиться к конкурсу.

Солнечным холодным воскресеньем Алексей Чугунов с сумкой, полной мороженой трески, зашёл к родителям и дочке. Стоя у порога в мохнатой шапке набекрень и в распахнутом стёганом полупальто, крытом чёрной плащевой тканью, он отводил глаза от обступивших его близких и конфузливо улыбался.

Передав тяжёлую сумку отцу, посоветовав вынести рыбу на балкон, на мороз, он сунул руку в карман, достал белого игрушечного котёнка, пушистого, коротколапого, и протянул Насте. Пискнув от радости, она поцеловала котёнка в нос, а Алексей, стараясь не дышать на ребёнка винными парами, поцеловал её. С игрушкой в руке Настя прижалась к родителю. Когда он снял шапку, пальто и переобулся в тапочки, девочка встала обеими ногами на его ступни и прижалась крепче.

– Я твоя пиявка, – сказала она. – Я к тебе припиявилась.

И на его ступнях вместе с отцом пошла в гостиную, попятилась.

– Чувствую себя так, словно вернулся домой из дальних странствий, – заговорил Алексей, поставив дочку на пол, поворачиваясь туда-сюда и оглядывая комнату. – Всё мне тут родное, знакомое, но что-то есть новое.

В гостиной он в детстве спал на диване, учил уроки за сто-

лом, а повзрослев, дважды собирал на столе чемодан: уходя служить в армию и отбывая в Москву учиться в университете. В комнате поменялись стенные обои, но остальное как будто сохранилось в прежнем виде: те же и на старом месте диван, стол, стулья, зелёный ковёр над диваном, три шкафа, набитые книгами, один из которых, развёрнутый поперёк комнаты, отделял рабочий угол отца. На боковине этого шкафа, на гвоздике, как всегда, висела гитара в сером тканом чехле... «Сколько было тогда хорошего! – думал Алексей и чувствовал комочек в горле. – Разговаривали по душам, вслух читали, отец пел под гитару, а мы с мамой подтягивали. Случалось, рядились в какие-то тряпки и разыгрывали смешные сценки – помню, инсценировали рассказы Чехова: «Хирургия», «Злоумышленник», «Унтер Пришибеев»... Вернуть бы ненадолго пору детства. Только бы отец не был таким суровым и углублённым в себя, каким бывал часто».

– Красивый ты у меня, папочка, – сказала Настя, заглядывая родителю в лицо, когда Алексей сам сел и дочку посадил себе на колени. – Любуюсь тобой. Дедушка, бабушка, правда, мой папа красивый?

– Правда, – ответила Вера Валерьяновна и добавила: – Голубой джемпер твоему папе очень к лицу. Он хорошо сочетается с коричневым костюмом и каштановыми волосами. Причёска у папы аккуратная, модная.

Алексей провёл ладонью по своим волнистым волосам.

– Любимая женщина постригла. Мастерница на все руки. И шьёт, и стрижёт, и готовит...

Взрослые увидели, что Настя поняла последние слова отца. Приоткрыв рот, она растерянно похлопала глазами и, как птица на ветке, повертела головой. Незаметно от Насти Вера Валерьяновна взглядом показала Алексею: думай, что говоришь при ребёнке. Но сама она едва не спросила опрометчиво: «Когда ты нас познакомишь с новой избранницей?»

– Похудел ты, сынок, – сказала Вера Валерьяновна. – Трудно тебе приходится? Как дела с работой?

– А вон там моя работа, – с поддельной весёлостью Алексей кивнул на дверь балкона, выходившую в гостиную. – Папа вынес её на мороз. Я теперь рыбный человек. Специалист по обеспечению земляков свежей рыбой.

– Торгуешь, что ли? – спросил Андрей Иванович.

– Ну да, торгую под началом опытных людей. Мы наняли подержанный грузовик. Ездим, покупаем рыбу там, где она дешевле, а у себя в городе продаём дороже. Заработаю и открою собственное дело.

– Значит, журналистика побоку, псу под хвост? – опять заговорил старший Чугунов. – Поразительно! Недавно я виделся в Москве с известной тебе особой, закончившей, как и ты, университет. Она тоже бросила журналистскую профессию, толком не позанимавшись ею. Что происходит? Неужели вам не совестно и не жаль свою высокую образованность?

Он стоял перед сыном, присевшим рядом с матерью на

диван. Настю Алексей продолжал держать на коленях.

– Я не насовсем бросаю журналистику, – ответил сын. – Только временно отставляю её на второй план. Раз подвернулся случай хорошо заработать, по-моему, глупо его упустить. Будут деньги – будут журналистика и всё остальное.

– Ошибаешься. Ничего не будет. Превратишься в махрового спекулянта и назад не вернёшься. Только дело, к которому склонен от природы и которому честно служишь, приносит удовлетворение, успех и, возможно, неплохой заработок. Пусть не покажутся тебе мои слова высокопарными. Или пусть лучше они буду высокопарными, чем я не скажу то, что думаю, и не попытаюсь заставить тебя опомниться... Ты увлёкся заурядной спекуляцией, требующей не обширных знаний, а ловкости, изворотливости и умения считать деньги! Неужели могут радовать большие деньги, полученные не за добросовестный общественно-полезный труд, а за спекуляцию? По-моему, они должны унижать, вызывать беспокойство и чувство вины!..

Алексей пересадил дочку со своих колен на диван.

– Хорошо, постараюсь объяснить, – терпеливо произнёс он. – Вы с мамой, наверно, помните, что в Москве я работал в ведомственной газете, в «Водном транспорте», и достиг в ней должности ответственного секретаря. Когда летом вернулся в Григорьевск, то попусту ходил по редакциям местных газет. Не было в них для меня достойного штатного места, а сделаться внештатным корреспондентом я отказал-

ся: платят мало, а дел много. И почему я, журналист с опытом, должен быть внештатным?.. В поисках работы встретился с бригадой, занятой скупкой и перепродажей свежей рыбы. Кое-кто из старых знакомых меня с нею свёл. Рыбники взяли меня в долю... Ты пойми, папа, некоторые твои представления устарели. Посмотри, в какое время живём. У вас с мамой советское воспитание. Меня вы тоже воспитывали по своему образцу, но я ещё молод и чувствую дух времени. Знаю, вы, мои родители – люди честнейшие, но в какой-то мере, извини, вы заиклились на показательной честности. Все цвета делятся для вас на белые и чёрные. Других не видите. Торгуя рыбой, можно и хорошие деньги зарабатывать, и оставаться порядочным человеком...

– Нет, мы с матерью видим все цвета и оттенки, – сказал Андрей Иванович и сел у гостинного стола, сложив на груди руки. – Это тебе рупоры новой пропаганды внушают, будто люди нашего поколения – «упёртые» консерваторы и идиоты. Да, можно, торгуя рыбой, оставаться честным человеком, но то, как ты ею торгуешь, нечестное дело, а обыкновенная спекуляция. Рыбаки, продающие улов, вот честные торговцы рыбой.

– Бизнесом я занимаюсь, – хмуро защищался Алексей. – Классическим предпринимательством. Бизнес теперь поощряется. Спекуляция – тоже бизнес. Это в советское время она считалась уголовщиной, потому что ложно осмысливалась. Перепродажей товаров во все века приобретался капи-

тал. И купцы русские, которых сейчас прославляют, занимались спекуляцией. И в государственной торговле движение товара от изготовителя к потребителю в какой-то мере связано со спекуляцией, с наценками на сортировку, перевозку и другие работы... Между прочим, папа, вот ты бы мог приобрести капитал без спекуляции. Ты писатель-праведник, но, согласишься, кому нужна сейчас праведная литература? А ты бы взялся да написал то, за что платят деньги. При твоей беглости пера это тебе, я думаю, ничего бы не стоило. Приобрёл бы капитал, и спокойно пиши и печатай за свои деньги, что хочешь, рассчитывай на время, когда тебя станут читать. Скорее всего, ни вас с мамой, ни меня уже на свете не будет... Неужели вам не надоело бедствовать? Разве вы не заслужили того, чтобы жить прилично? Говоришь, что преданность общественно-полезному делу вознаграждается успехом и заработком. Но велики ли твои успехи, добился ли ты признания и много ли заработал? И вообще, кто ты такой? Я не обидеть тебя хочу, знаю, что ты сам по себе личность, но по нынешним понятиям ты – никто...

– То, что ты мне советуешь – хуже спекуляции. Ну, довольно! – оборвал сына Андрей Иванович. – Надоело тебя слушать. По-моему, ты ещё никогда не говорил так много, пламенно и желчно. Должно быть, сказывается то, что ты в кураже. Мать твоего возбуждения не заметила... Вижу теперь, что ты настоящий предприниматель, точнее, бизнесмен. Всё переиначил, что я тебе толковал, извратил в своё

оправдание. Но моих дел и нашего с матерью образа жизни больше так грубо не касайся...

Алексей покраснел, нахохлился, но смолчал.

Похмурившись и посопев, как прилюдно отчитанный самодулюбивый мальчишка, он захотел уйти, встал, шагнул, но Настя, вскочив с дивана, кинулась отцу на шею.

– Папочка, миленький, не уходи! – просила она тоскливой скороговоркой. – Ты так редко ко мне приходишь! Я по тебе скучаю!.. А мама где?

Он послушался, сел и вновь посадил дочь себе на колени.

– Хорошо, я с тобой ещё побуду. Ты только успокойся.

– А мама где? – повторила девочка. – Приедет она ко мне или нет? Я ей звонила, спрашивала, она обещала!.. А тётя, которая тебя стригла, она кто? Ты у неё живёшь, да? Почему не у мамы? Почему не рядом со мной?..

– Я тебе потом всё объясню, – отвечал Алексей. – А сейчас давай поговорим о чём-нибудь другом.

– Расскажи папе, как занимаешься в музыкальной школе, как готовишься к конкурсу юных скрипачей. Сыграй что-нибудь на скрипке или пианино, – сказала Вера Валерьяновна, отвлекая девочку от её драматических вопросов, опасаясь, что Настя растравит себе ими душу и впадёт в истерику – это с ней уже случалось.

– Хорошо я в музыкальной школе занимаюсь, – вяло ответила Настя. – Не хочу играть. Я устала.

Она сложила руки на коленях и отрешённо глядела в сто-

рону, а у Алексея с матерью завязался разговор о ней. Вера Валерьяновна хвалила Настю отцу, называя её опрятной и аккуратной, доброй и заботливой, умной и талантливой, стойкой к холоду и физической боли. Она хотела, чтобы дочь понравилась Алексею и он привязался бы к Насте.

От Андрея Ивановича их тихий разговор скоро отделился. Старший Чугунов ушёл в свои мысли. Взмолвленный мировоззренческим столкновением с Алексеем, он думал о сыне и старался понять, когда так сильно разошёлся с ним во взглядах, почему возникла в их отношениях напряжённость, какие сын, когда был моложе, совершал поступки, неприятные его родителям.

Ему вспомнилось, как Алексей, студент-журналист Московского университета, летом заехал домой и привёз в гости москвичку Ирину, свою однокурсницу. Она удивила Чугуновых худобой и бледностью, что, как потом оказалось, было не природным её качеством и не следствием тяжёлой болезни, а «писком моды», необратимым результатом упорного самоизнурения. Девушка уклонялась от прямого общения с родителями друга, мало говорила, но по незначительным поводам коротко импульсивно смеялась, при этом, старшие замечали, её зеленоватые широкого разреза глаза не становились весёлыми.

Молодёжь разного пола Чугуновы к ночи разделили: девушку устроили спать в гостиной, а Алексея на раскладушке в родительской спальне.

Рано утром, когда все ещё спали, Андрей Иванович встал с постели, чтобы на рассвете, пока вокруг была полная тишина, покорпеть над рукописью. Собираясь уйти со своими бумагами в кухню, он подумал о том, что их надо осторожно, не будя гостью, взять из гостиной, с письменного стола. Тут он заметил, что сына на раскладушке в родительской спальне нет, и решил, что Алексей тоже выпался и, может быть, пьёт в кухне чай. Он пошёл проверить, но в кухне сына не было. Не оказалось его и в ванной комнате. Тогда старший Чугунов предположил, что Алексей ушёл подышать свежим воздухом – это ведь большое особое удовольствие: беззаботно пройтись спозаранку по ещё малолюдным улицам родного города. Тихо приоткрыв дверь в гостиную, нацеливаясь прошмыгнуть на цыпочках к письменному столу, он увидел, что девушка на диване лежит не одна. Услыхав движение открывающейся двери, любовники с головой накрылись синим байковым одеялом в пододеяльнике и затаили дыхание. Образ высокого бугра на постели – замерших под одеялом, но от дыхания шевелящихся тел – потом часто виделся отцу Алексея...

Андрей Иванович растерялся. Вместо того чтобы сразу отступить, уйти посоветоваться с женой, осмыслить увиденное, он в первые мгновения, пока им руководили только воспитанные с детства понятия морали, успел громко, зло произнести: – «Вот что, друзья мои, здесь вам не публичный дом! Ищите его где-нибудь в другом месте! С грязи начали,

грязью и закончите!..»

Тем же утром сын с подругой заторопились в Москву, хотя намечали погостить в Григорьевске, зайти в древние храмы, искупаться в загородной речке. Ирина схватила сумочку и выбежала на улицу. Алексей кинулся за подругой. Вера Валерьяновна сразу не могла взять в толк, почему молодежь вдруг сорвалась с места и уехала...

Позднее Андрей Иванович спрашивал себя, верно ли он поступил. Долгое время он пребывал в смятении и думал: «Это же подлость – привезти девицу для постельного пользования, а родителям объявить, что она славный университетский друг и товарищ!» «Нет, не следовало действовать сгоряча, – спорил он с собой. – Надо было поступить мудрее. Мой сын – взрослый человек, отслужил армию, учится в университете, где-то подрабатывает и ни от кого не зависит. А я его разнёс, как шкодливого мальчишку, и в присутствии девицы». Вера Валерьяновна, когда он ей всё рассказал, удивилась, но отнеслась к происшедшему без паники: «Ничего страшного. Роман – естественный для их возраста, и, может быть, они по-настоящему любят друг друга». Её разумный взгляд на вещи не успокоил Чугунова.

Уже на выпускном курсе как-то Алексей опять заехал домой и, помявшись, сообщил родителям, что «его девушка» беременна, что она стыдится и укоряет его, а он не знает, что делать. Не столько огорошило Андрея Ивановича известие о положении Ирины, сколько поразил вопрос сына: «Что те-

перь делать?» По разумению старшего Чугунова, соблазнитель обязан был жениться на обольщённой девушке, только так он мог не прослыть негодяем. Это Андрей Иванович и объявил сыну. «Да, – подтвердила Вера Валерьяновна. – У ребёнка должен быть отец». «А если я её не люблю?» – «Ты не имеешь права вваливать на девушку всю ответственность за рождение и воспитание твоего ребёнка. Это не по-мужски, не по-человечески». «Она не была девушкой, когда мы сошлись», – ответил Алексей, и его грубое откровение, высказанное так просто, без оглядки, словно речь шла не о глубоко потаённых, а о вполне житейских делах, сильно смутило, покорило родителей. «Можешь говорить и думать что угодно, – сказали они ему напоследок, – но ты был с Ириной в близких отношениях, и у неё от тебя родится ребёнок. Ты – отец...»

Из-за разных неувязок бракосочетание Ирины и Алексея состоялось лишь через полгода, осенью. Невеста уже ходила с большим животом. На свадьбу она надела платье очень широкое, но не скрывающее бремя. Прямые жидковатые волосы невеста собрала в пучок на затылке, перетянув их тонкой чёрной резинкой. С помощью косметики она постаралась сделать лицо миловиднее, но крем и пудра не сгладили болезненную одутловатость её лица и плохо замаскировали на нём родовые пятна. А рядом с подурневшей молодой женщиной сидел во главе свадебного стола настоящий красавец Алексей Чугунов, плечистый, кареглазый с прозеленью,

тёмноволосый и чернобровый. Вера Валерьяновна, украинка, полтавчанка, была и теперь хороша собой, а сын чертами походил на мать.

На редкость малочисленная собралась в доме Шитиковых свадьба. Шитиковы не хотели, чтобы многие видели невесту беременной. С их стороны была только младшая сестра Татьяна Ивановны Клава, очень похожая на старшую, а Ирина с Алексеем позвали двух сокурсников. С Андреем же Ивановичем и Верой Валерьяновной никто из друзей поехать в Москву не смог, а вся их близкая родня умерла, погибла или сгинула в войну. Один из сокурсников жениха и невесты, Влад, явился на свадьбу нетрезвым, небритым и нечёсанным, в потрёпанном и рваном на колене джинсовом костюме, в несвежей рубашке, распахнутой на волосатой груди. С трудом сохраняя устойчивость, покачиваясь над столом, он произнёс удивительный тост: «Нас мало. Мы незаметны в толпе, но мы велики. За нас, господа!» – и, картавя, закатывая бараньи глаза, прочёл из Николая Глазкова:

Мне простите, друзья,
Эту милую странность,
Но не выпить нельзя
За мою гениальность!..

Выпив рюмку, Влад спросил у хозяйки иголку с ниткой и удалился зашивать рваные джинсы, потом, слышно было, встал под душ. «Гений! Он гений!» – повторяла молодёжь

и обнималась, и хихикала, выпивала и закусывала, курила на балконе и опять усаживалась за раздвижной стол, торцом направленный к балконной двери. Старших молодёжь не принимала во внимание, только Алексей под растерянными-печальными взглядами родителей проявлял мелкие знаки неловкости: молча показывал на сверстников и пожимал плечами. Новобрачная устала и пошла отдыхать...

Когда младенец родился, Андрей Иванович с Верой Валерьяновной опять уехали в Москву – встретить из роддома мать с новорожденным, отметить важное семейное событие, поддержать молодых добрым словом и кое-какими подарками. В общем любовании внучкой, в совместной заботе о ней старшие Чугуновы и Шитиковы нашли общий язык. Но лишь пять месяцев оставалось у молодожёнов до государственных экзаменов в университете, до того времени, когда Ирина с Алексеем увезут Настю из Москвы в Григорьевск. Тут и нарушатся добрые связи между сватами, и сложатся натянутые вежливые отношения. У Андрея же Ивановича с пониманием того, что молодые бросили ребёнка, появится неприязнь к Алексею. Впрочем, думалось Чугунову, сына он, пожалуй, ещё раньше за что-то временами недолюбливал. Трудно разобраться – за что: многое надо вспомнить и осмыслить. А теперь ещё к антипатии прибавилось и возмущение тем, что Алексей ударился в торговлю.

– Ничего у тебя не получится, – сказал Андрей Иванович, возвратившись из прошлого в настоящее и вспомнив, что не всё договорил сыну.

– Почему? – сразу понял Алексей и оставил разговор с матерью.

– Ты неспособен торговать. В тебе течёт кровь твоих родителей, а мы не барышники и никогда не смогли бы в них превратиться. Среди ближайших наших предков тоже барышников не было. Пока состоишь в бригаде и тобой управляют ловкие люди, ты ещё будешь уметь спекулировать, но, если откроешь собственное дело, тебя живо слопают тигры и акулы рынка.

Сын рассмеялся.

– Посмейся, – сказал Андрей Иванович.

– Извини, папа. От тебя мне досталось богатое воображение... Я так ярко представил себе тигров и акул, занимающихся бизнесом... Понимаю твоё беспокойство. Возможно, в торговом деле я в конце концов прогорю, но до того времени надеюсь скопить денег и начать жить на проценты. Надоела бедность, необходимость считать копейки. Хочу стать зажиточным и ещё успеть сделать что-нибудь стоящее.

– Можешь не успеть. Избранное тобой занятие – короткий путь к деградации личности. Но хватит о твоих коммерче-

ских делах. Я сказал о них своё мнение, больше не хочу говорить. Не сообщай нам с матерью про свои успехи и неуспехи в торговле рыбой или чем-нибудь ещё. И... не приходи больше подшофе.

Веру Валерьяновну задел жёсткий ультиматум Андрея Ивановича сыну, и она с обидой на мужа подумала: «Разве это хорошо, когда дети не сообщают родителям о своих делах?»

– Подо что папочке не надо приходиться? – спросила Настя, морща лобик.

– Какая дотошная! – ответил дед. – Просто твой папа не очень здоров. Ему нельзя было выходить на улицу. Сегодня холодно.

Девочка потянулась ко лбу отца, пощупала его рукой и коснулась губами, как это делала бабушка, проверяя, нет ли у внучки жара.

– Высокая температура, – сказала она. – Выпей таблетку и ложись в постель. Я тебя никуда не отпущу.

– Нет, мне надо идти, – сказал отец.

– К той женщине, которая тебя постригла?

– Да. Её зовут Викторией.

– Раньше ты жил с мамой в Москве и вам было вместе хорошо. Только меня с вами не было. Вы меня к себе не брали. Почему ты и мама теперь живёте в разных городах, а я ни у тебя, ни у мамы?

– Мы с ней по некоторым причинам раздружились и пока

не знаем, у кого ты должна жить, – отвечал Алексей, оглядываясь на родителей. – Пожалуйста, не возобновляй разговор о маме. Мне нелегко объяснить тебе обстоятельства нашей размолвки. Хочешь, познакомлю с Викторией? У неё тоже есть дочка, твоего возраста.

– Не хочу. Ты у них живёшь, а я буду всегда у бабушки с бабушкой.

Настя соскочила на пол с колен отца, но осталась возле родителя, повернувшись к нему спиной.

«А почему ребёнок не должен спрашивать тебя о своей матери? – подумал Андрей Иванович, косясь на Алексея. – Конечно, загнанный в тупик, ты хочешь от расспросов дочери поскорее отделаться, но так, чтобы в её глазах остаться достойным человеком».

– Скоро Новый год, – произнесла Вера Валерьяновна, снова отвлекая ребёнка от смятения.

– Папочка! Ты ко мне на Новый год придёшь? – спросила Настя, поворачиваясь к отцу.

– Обязательно.

– Приходи! Я буду ждать!

– Конечно. А теперь, извини, мне пора.

– Ладно, – сказала девочка.

– До свидания, – поспешил он проститься с ней и родителями.

Рязань, где весной должен был состояться конкурс юных скрипачей и виолончелистов, от Григорьевска лежит не слишком далеко, но дальше, чем Москва. При советском государственном строе Чугуновы свозили бы внучку на конкурс за счёт государства, теперь же для этого следовало, по подсказке Ларисы Корниловой, частным образом раздобыть средства. Скромный семейный бюджет Чугуновых складывался из двух небольших стариковских пенсий, выплачиваемых с задержками до полугода, и незначительных сумм от Шитиковых. Из такого ничтожного бюджета на случайные нужды выкроить деньги было трудно. Казалось естественным попросить помощи у сына, но он опять звонил редко; возможно, уклонялся от просьб родителей, так как ещё не встал на ноги. Чтобы ко времени поездки иметь необходимые деньги, Чугунов взялся собирать их заранее. Прежде всего Андрей Иванович решил возобновить отношения с местной газетой «Григорьевские ведомости», где раньше нередко печатался и неплохо зарабатывал.

По центральным улицам курсировали троллейбусы. Сойдя с троллейбуса, Чугунов пошёл по долгому узкому проулку, на котором снег не убирался очистительной техникой, но был уплотнён колёсами машин и ногами пешеходов. Отсветы низкого зимнего солнца переливались на уплотнён-

ном снегу, как на глазури. В середине проулка, с двух сторон застроенного типовыми скучными пятиэтажками, стоял параллелепипед в четыре этажа, с высоким парадным крыльцом, над крыльцом были прилажены к серым кирпичам пластиковые доски с названиями старых и новых газет. Держась за железный поручень, Чугунов поднялся по каменным ступенькам на широкую площадку и вошёл в застеклённую дверь. На четвёртом этаже, в «Григорьевских ведомостях» его буднично встретил редактор Хромов. Он сидел в своём кабинете за большим столом боком к окну с кремовыми занавесками, курил и с карандашом в руке читал газетную вёрстку. Андрей Иванович сел против него. Хромов через стол протянул ему руку.

– Здравствуйте. Рад видеть. По какому делу к нам? Что-нибудь принесли?

– Принёс. Давно уже я у вас не был, – ответил Чугунов и положил на стол машинописные листы, соединённые канцелярскими скрепками. – Вот, статья и рассказ.

– Ну-ка! Интересно, о чём в наше смутное время пишут серьёзные писатели.

– Посмотрите. – Андрей Иванович подвинул листы Хромову. – Статья – про помойки на улицах. Сейчас грязь прикрыта снегом, но всё, что я описал поздней осенью, ярко проявится ранней весной. Рассказ же, если коротко, о любви.

– О любви?

– Да. Мелодраматический финал любви двух хороших

людей. В Великую Отечественную они потеряли друг друга. Каждый считался погибшим, но прожил долгую трудную жизнь и в конце её остался одинок. В старости два одиноких человека встретились. С прототипами рассказа, ныне покойными, я был знаком. Сюжет известный, классический, но, мне кажется, я внёс в него нечто новое, своё сокровенное.

– Да-а... – протянул Хромов, человек с волосами по плечи, в вязаной кофте на пуговицах, нестарый, но болезненно темный и сморщенный от неистового курения. – Сюжет мне нравится. О такой любви сейчас вроде уж и не пишут, всё норовят – с душком, со сценами...

– Но вы и не самоновейшая газета, а в добром смысле консервативная, с «душком» не печатаете, – сказал Андрей Иванович.

– Поэтому нас пробуют выжить с рынка печатной продукции. Жёлтая пресса насаждает. Слава Богу, читатели ещё поддерживают, но неизвестно, что будет дальше. Хорошо, всё оставляю у себя, – сказал Хромов, пробегая глазами первые строчки рассказа. – Думаю, в скором времени и статью, и рассказ напечатаем. Я знаком с вами давно; уверен, как попало, не напишете. Только вот что, Андрей Иванович...

– Что?

– Я полагаю, не зря вы к нам явились. Вас ведь в столице охотно печатают, в больших журналах. Стало быть, сильно нуждаетесь. Так?

– Так. Внуку весной на конкурс в Рязань повезу. Она обу-

чается игре на скрипке. Надо и струны хорошие купить, и смычок более качественный, а это всё стоит дорого и продается только в Москве. И на поездку в Рязань нужны деньги. Собираю, где могу... Но я вообще немало у вас печатался, «Ведомостями» не пренебрегал.

– Это верно. Но я-то вот о чём. С заработками у нас стало туго, Андрей Иванович. Тираж газеты резко упал и продолжает падать. Мы изо всех сил выкарабкиваемся.

Чугунов помолчал и ответил:

– Что ж... Всё равно что-нибудь да заплатите. В наших семейных доходах важен всякий рубль. Нет, в пору дикой инфляции рубль уже ничего не значит. В магазине счёт идёт на сотни тысяч.

– Мало заплатим, – предупредил Хромов. – Может быть, очень мало, и то со скрипом, с опозданием.

– Ничего. У вас немного получу, и ещё где-нибудь. Соберу с миру по нитке.

– В новых газетах платят больше, – сказал редактор, – но там ваши произведения не возьмут.

– В новые я не собираюсь обращаться. И кроме газет есть у меня, куда пойти с протянутой рукой.

– Как вы, некоммерческие писатели, в нынешних условиях выживаете? К коммерческим издательствам, я думаю, вас не подпускают, а государственных остались, наверно, единицы, да и те перестраиваются.

– Жаловаться не стану, – сказал Андрей Иванович. – Се-

рѣзным писателям – вы меня к ним отнесли – никогда не было легко. Но, конечно, на душе у нас нынче пакостно. Литература становится занятием коммерческим, лучшие журналы и газеты сделались бедными, писатели обнищали, потеряв свои гонорары, заработанные изнурительным трудом.

– И ещё один к вам вопрос, – сказал Хромов. – Пишут и показывают, что Союз писателей распадается на два непримиримых лагеря, которые из зубов вырывают друг у друга журналы и издательства. Правда ли, что так всё и происходит, как пишут, говорят и показывают? Или это журналистская провокация для стравливания писателей, для наращивания тиражей и рейтингов?

– Ну, я не только читал об этом в газетах, слышал по радио и видел по телевизору, – но и знаю со слов московских друзей-литераторов, участвовавших в защите своих интересов. К сожалению, всё правда.

Несколько раз у Хромова на столе звонил телефон. Редактор брал трубку и глухим спокойным голосом коротко объяснял звонившим, что занят. Ему хотелось ещё побеседовать с Чугуновым. Но скоро Андрей Иванович поблагодарил его за внимание и ушёл.

В тот же день он успел позвонить директору завода железобетонных изделий Нестеренко и договорился с ним о встрече. На следующее утро Андрей Иванович собрался попарадному и уехал к Нестеренко на завод.

Выписав пропуск, он миновал проходную с турникетом, со старичком в форме ВОХРы, зашёл в аккуратное кирпичное здание заводоуправления и поднялся в приёмную директора. Секретарша доложила о Чугунове и позвала его в кабинет. Нестеренко сидел во главе длинного стола заседаний, обставленного стульями. Знакомый Андрею Ивановичу светлый большой кабинет был отделан дубовыми панелями. Посреди стола, отражаясь в жёлтой полировке, красовалась тяжёлая хрустальная ваза. Директор, мужчина крупный, свежий, бодрый, нёс на лацкане блестящего синего костюма красный флажок депутата Верховного Совета СССР, и выглядел он крепким, уверенным в себе хозяином, не зависящим от социальных потрясений. Он встал из-за стола и, приветливо улыбаясь, пошёл навстречу Чугунову, обнялся с писателем и, рассматривая его, сказал:

– Что-то неважно выглядите. Похудели. Забот много? Мало отдыхаете? Ночные творческие бдения?

– Забот хватает, – ответил Чугунов. – Случаются и ночные бдения. А вы, судя по вашему виду, чувствуете себя пре-

красно.

– Да, я в спортивной форме. На здоровье не жалуясь. Ем с аппетитом, по утрам делаю зарядку, тридцать раз поднимаю двухпудовку. Кто из вас, писателей, хоть пять раз поднимет? Ну-ка, давайте посоревнуемся! – сразу предложил Нестеренко.

Двухпудовка давно лежала у Нестеренко в кабинете за рабочим креслом. Директор зашёл за кресло, вытащил её на красно-зелёную ковровую дорожку, расстеленную по шахматному паркету, снял пиджак и повесил на спинку стула. Схватив гирию за дужку, он несколько раз вскинул её над головой, задирая плечо и растягивая брючную подтяжку. Способностью поднимать двухпудовку он при случае любил блеснуть.

– Попробуйте, – сказал он, передавая двухпудовку писателю.

Андрей Иванович отказываться не стал, с усилием вскинул гирию два раза и, тяжело дыша, опустил на пол.

– Тридцать раз, конечно, не подниму, – сказал он. – С вами тягаться не берусь.

Нестеренко был доволен и великодушно похвалил Чугунова:

– Нет, вы ничего. За письменным столом, конечно, физических сил не наберёшься... Вам, я вижу, не терпится поговорить со мной о чём-то серьёзном, давайте сделаем это за чаепитием. Спустимся в буфет и посидим в укромном углу.

День у меня сегодня, в общем, не приёмный, и после планёрки выдались свободные минуты. Я их вам посвящу.

Они с Чугуновым спустились в буфет. Директор покровительствовал людям от литературы и искусства. Он учредил для них свою заводскую премию и дважды отметил ею книги Андрея Ивановича. Тут они и познакомились, а после того, как Чугунов прочёл рукописные стихи Нестеренко и сказал, что у автора есть «искра», которую при желании можно развить, директор с писателем сошлись ближе и встречались дружески.

В закусочной буфета они сели в нише у окна с цветными стёклами. Витраж отображал жар-птицу в духе старинного лубка и в единстве с рисунками на темы русских сказок, украшавшими стены закусочной. Посетителей в эти часы не было. Буфетчица в белом фартучке с рюшками и в кружевной наkolке оживилась при виде директора с гостем. Она просеменила с подносом к их столу и расставила чайные приборы, сахарницу с песком, вазочку с шоколадными конфетами, чайнички с кипятком и заваркой. Вернувшись за стойку, она нарезала и разложила на мелких тарелках белый хлеб, сыр, колбасу и лимон, и тоже принесла к столу.

– Ничего себе! – вырвалось у Андрея Ивановича, привыкшего к чаепитию скромному, с домашним вареньем, простой конфеткой. – Стол богатый, конечно, потому, что за ним сидит директор. Но всё же поразительно видеть в заводском буфете такое богатство в то время, когда до основания ру-

шится государственная экономика!

– Безусловно, дополнительный лоск – для нас с вами, – ответил Нестеренко. – Я угощаю представительного гостя за счёт директорского фонда. Буфетчица заранее знает, что в таких случаях нужно подать. Но у нас в буфете и столовой всех обслуживают прилично и сравнительно недорого. Мы берём на базе хорошие продукты и для работников завода снижаем стоимость питания за счёт своих резервов. Высокая прибыль производства позволяет это делать. А культуры и ответственности в деле я требую от каждого подчинённого, в том числе от персонала буфета и столовой. Зайдите в столовую, поинтересуйтесь: обеды вкусные, питательные, столы чистые, повара и раздатчики вежливые. К нам стремятся попасть на работу, поэтому народ подбирается достойный. У нас, к примеру, нет пьяниц, мы их увольняем. Производство железобетонных плит рентабельно, тем более при введении новых технологий и современных видов плит: облегчённых, с разными полезными наполнителями. Зарабатываем мы, повторяю, неплохо. Люди довольны.

– Звучит как сказка, – произнёс Чугунов. – Каким же заказчикам по карману ваши изделия, если предприятия останавливаются, а народ в стране нищает?

– Не совсем так, Андрей Иванович. Верно, бедных предприятий и людей больше. Но богатых с каждым днём прибавляется, не будем сейчас выяснять, откуда у них берутся деньги. Возникают частные строительные организации. Пли-

ты наши покупают для возведения и коттеджей, и высотных жилых домов. Я умею вести дело, поддерживаю инициативы, договариваюсь с поставщиками, смежниками, иностранными фирмами. На руководящей должности чувствую себя в своей тарелке.

– Неужели и с иностранцами сотрудничаете? Удивительно, что они кому-то из наших директоров в перестройку доверяют. Российская продукция сегодня может быть конкурентоспособной?

– Представьте себе. Я вот исхитрился продавать за рубеж свои изделия. Говорю, – я на своём месте. Недаром, народ избрал меня в Верховный Совет.

Нестеренко положил сыр на хлеб и, пока говорил, ел бутерброд, запивая сладким чаем с лимоном. Чугунов тоже угощался, но, слушая директора, думал о том, как бы ему вернуть в бумагу и унести для внучки сыра и колбасы. Жаль, ей нельзя было есть шоколадные конфеты.

– Я хотел с вами посоветоваться, – изменил Нестеренко направление разговора. – Бог мне вас послал. Если можно, сперва вы меня послушайте, я – коротко.

– Охотно слушаю, – сказал Чугунов.

– Думаю книжку моих стихов издать. Не возьмётесь ли, Андрей Иванович, отредактировать рукопись? Помнится, вы меня однажды похвалили.

– Хорошо, я посмотрю. Кое-что присоветую, но имейте в виду: я не поэт. Надо, чтобы глянул специалист и при необ-

ходимости снял с вас стружку. В писательской организации у нас есть отличные поэты. Я им покажу ваши стихи.

– В пятьдесят с лишним лет неловко слыть начинающим поэтом, – сказал Нестеренко. – Но напечатать свои опусы хочется. Не для широкой публики, а для себя, детей, внуков и друзей, тиражом экземпляров сто, не более. Значит, договорились?.. Какое у вас ко мне дело? Выкладывайте, не стесняйтесь.

– Пришёл просить денег.

– Много ли и для чего?

– Они мне понадобятся к апрелю. Нужно оплатить нашу с внучкой поездку на конкурс юных скрипачей. Это её первый конкурс. Кроме дорожных и гостиничных расходов необходимо кое-что купить для скрипки. Конкурс пройдёт в Рязани.

– Только и всего?

– Да.

– Ну, эту вашу просьбу легко исполнить, – сказал директор. – Здесь требуется небольшая сумма. Допьём чай, и я распоряжусь выдать деньги из нашего фонда поддержки культуры. Сейчас же и получите в кассе. Зачем ждать до апреля?

– Всё так просто?

– Конечно.

– Ну, спасибо.

– Это ведь не роман издать, – продолжал Нестеренко. –

Печатание книг, знаю, стоит дорого. Кстати, Андрей Иванович, могу оказать вам финансовую помощь в издании новой книги. Обращайтесь, если потребуется, пока я в силах помочь. За государственный-то счёт вы, похоже, не очень много в рыночных условиях напечатаете.

– Прямо манна с неба на меня свалилась! – смеясь, произнёс Чугунов. – Хорошо. Я запомню. Ещё раз спасибо.

– А нет ли у вас на примете делового человека, способного организовать книжное издательство и руководить им? – спросил директор.

Андрей Иванович придержал чашку с чаем у рта.

– Вы шутите?

– Не шучу. Собираюсь при заводе создать книжное издательство. Нужен человек поворотливый, энергичный, разбирающийся в литературе и изучивший книжный рынок. Я бы поставил его на оклад директора издательства и в первую очередь поручил бы ему выяснить конъюнктуру книжного рынка. Некоторое время он работал бы на конъюнктуру, а накопив денег, печатал бы хороших писателей.

– Ваши слова сердце радуют. Хотел бы я, чтобы издательство при заводе заработало. Но такого человека, какой вам нужен, среди писателей найти трудно, – сказал Чугунов. – Он должен будет пренебречь творчеством, иначе с головой отдаться издательскому делу не сможет. Но я подумаю. Дело заманчивое. Я бы привлёк к нему своего сына. Он журналист, окончил Московский университет, молодой, бойкий.

Работал в Москве в газете, вернулся в Григорьевск. Поговорю с ним после Нового года, но не знаю, что из этого выйдет. Он успел заняться мелким бизнесом.

– Убедите сына и приведите ко мне потолковать, – сказал Нестеренко.

– Хорошо, попробую. Я был бы рад видеть его директором книжного издательства. Это ли не удача, не перспектива для молодого журналиста и его отца-писателя?

Со скрипкой под мышкой и смычком в руке Настя выглянула за дверь своей комнаты и прокричала:

– Баба! Деда! Идите! Где вы там?

Вера Валерьяновна ослабила газовое пламя под кастрюлей, потёрла руки о кухонный передник и поспешила к внучке. Андрей Иванович отложил шариковую ручку и вышел из-за письменного стола.

Досадное впечатление Насти от встречи с отцом почти ею забылось, но ярко запомнилось ей обещание отца прийти на Новый год с подарками. Дожидаясь праздника, девочка улыбалась, напевала песенки и с подъёмом разучивала конкурсные пьесы. «Я подарю папе музыку», – думала она.

– Исполняется пьеса «Прялка»! – торжественно объявила Настя в подражание какой-нибудь ведущей концерта, мелькающей на экране телевизора, и сказала по-своему, по-детски: – Послушайте, как я конкурсную музыку играю.

Встав в усвоенную позицию скрипачки и глянув в ноты на напольной подставке, девочка выдержала паузу и легко, красиво побежала по грифу пальцами, повела по струнам смычком. «Прялку» сочинил польский композитор Артур Рубинштейн, однофамилец великого русского композитора, написавшего оперу «Демон». Стремительная музыка Артура подражала монотонному жужжанию, поскрипыванию прядиль-

ного колеса и шелестению веретена в руке старинной пряжи. Бабушка с дедом благоговейно слушали, подавленные музыкальным величием внучки, её виртуозной игрой на скрипке. А солнце, нацелившись в подмороженное окно, со спины озаряло маленькую скрипачку. Контурсы Насти размывались лучами, волосы её золотились, и казалось, что девочка вышла из солнечного света.

– Ну как? – спросила она, закончив играть и горделиво кинув голову. – Вам понравилось?

– Очень, очень, очень понравилось! – ответила Вера Валерьяновна. – Милый котёнок! Ты так меня растрогала своей игрой, что и выразить не могу! У нас с дедушкой самая умненькая и талантливая внучка!

– В самом деле, неплохо, – подтвердил Андрей Иванович. – Вещь интересная. Я каждый день твои упражнения слышу, но не перестаю удивляться тому, что ты, маленькая девочка, исполняешь такую замысловатую музыку. Мне кажется, если бы я занимался скрипкой, то никогда бы не учил эту «Прялку».

– Правда?

– Правда. И за бездарность меня бы выгнали из музыкальной школы.

– А почему ты хвалишь меня, а сам как будто не всё говоришь? – спросила Настя, вглядываясь в деда.

– Всё, что хотел, я сказал. Мне, как и бабушке, твоя игра очень понравилась.

– Нет, ты не всё сказал!

– Другое говорить необязательно. Ты лучше меня чувствуешь то, о чём я не договорил, поэтому и спрашиваешь.

– Говори!

– Да ведь обидишься.

– Говори! Говори, что не так!

– Ладно. Мне показалось, будто в двух местах ты играешь не совсем чисто. Как-то не вполне ясно и убедительно.

– Где? В каких местах?

– Не могу указать пальцем в нотах, читаю их плохо. – Дед увидел, что провоцирует взрыв неукротимого Настиного темперамента; отступить однако было ему поздно. – Но произведения, какие ты помногу раз проигрываешь, я поневоле запоминаю и на слух улавливаю ошибки. Лариса Владимировна тебе на них указывала.

– А-а-а! Не знаешь! Не знаешь, а говоришь!

– А ты сыграй медленно, с чувством, толком и расстановкой, и я скажу, где надо тебе остановиться и исправить.

– Не буду! Я выучила хорошо!

– Не волнуйся, Настенька, голова заболит, – оглядываясь на мужа, заговорила Вера Валерьяновна. – Отдохнёшь и проверишь, как звучит твоя «Прялка».

– Ты сказала, она у меня звучит хорошо!

– Сказала... И ты, правда, играешь чудесно. Но всё же послушайся деда. Он понапрасну замечание не сделает. Не упрямясь, повтори.

– Пусть сам повторяет! – Девочка скорчила деду гневную рожицу и показала язык.

– Не забывай, Настя, что «Прялку» ты будешь играть на конкурсе. – В ответ на внучкину дерзость Андрей Иванович голоса не повысил, но от мнения своего не отступил. – Помни, что говорит педагог: в конкурсном исполнении не должно быть малейшей приблизительности – лишь абсолютная точность. Мы с бабушкой выйдем, а ты подумай над моими словами.

– Нечего мне думать! Сами думайте!..

На полчаса Настя притихла. Уединившись в гостиной, старики вполголоса разговаривали о ней.

– Зачем нужны эти конкурсы, если приходится так мучить ребёнка? – рассуждала Вера Валерьяновна. – Разве нельзя сейчас без них обойтись? Подросла бы сперва.

– Конечно, жалко малышку. Вместо того, чтобы играть в куклы, она снова и снова берётся за скрипку, словно несёт тяжкую повинность. Но с другой стороны: для детей, которым светит музыкальное поприще, конкурсы – путь к совершенствованию мастерства и к признанию. Где ещё могут заметить способного ребёнка крупные специалисты, как не на конкурсах? – отвечал Андрей Иванович. – От конкурсных выступлений часто зависит будущее одарённых детей...

Настя потихоньку оживала. Из её комнаты слышались осторожные скрипичные звуки: девочка нащупывала чистую интонацию в трудных коленцах «Прялки». Выполнив черно-

вую работу, она не поленилась ещё несколько раз сыграть произведение целиком. Убедившись, что внучка исправила ошибки, Андрей Иванович вернулся к ней в комнату.

– Умница. Добросовестно поработала, и всё у тебя получилось.

Он взял у неё скрипку и смычок, уложил их в футляр и отправил на верх застеклённого шкафа с книжками Насти, её нотами и куклами.

– Ты доволен? – спросила она, пряча удовлетворение и неплохо изображая человека, знающего себе цену.

– Конечно. На сегодня хватит. Отдыхай. Лариса Владимировна, может быть, укажет тебе ещё какие-нибудь погрешности. Но пока твоя «Прялка» – на уровне.

– На уровне?

– Ну да.

– А можно её на уровне папе сыграть?

– Безусловно. Ещё бы нельзя! В семейном кругу допустимо играть и послабее, но если исполнишь классно, то, думаю, приведёшь папу в восторг. Он ни разу твою скрипку не слышал, а как услышит, подпрыгнет до потолка.

– Прямо до потолка?

– Конечно!

Настя смеялась и прыгала, делая вид, что хочет достать потолок рукой. Смеялись Андрей Иванович и пришедшая вслед за ним в комнату внучки Вера Валерьяновна. Девочка запрокинула голову. Раскинув руки, как крылья, она закру-

жилаась по комнате и запела без слов, думая о чём-то дорогом ей и приятном.

Андрей Иванович купил ёлочку у торговца на улице и поставил на крестовину у внучки в комнате. Утвердив её попрямее в углу у окна, Чугунов ещё привязал ёлочку к ручкам оконных створок. На это лишь у него и хватило сил: накануне дед почувствовал себя нездоровым. Он пил лекарства, но слабость, боль в голове и горле не исчезали. За два дня до Нового года он слёг, обещая жене с внучкой тридцать первого декабря, к бою Кремлёвских курантов подняться и со всеми вместе отпраздновать.

Пока дед отлёживался, Вера Валерьяновна с Настей наряжали ёлочку. Настя радостно, но по-хозяйски не спеша и деловито брала из картонной коробки игрушки и каждую стеклянную бережно подавала бабушке, а небьющиеся сама ловко вешала на ветки.

– Нет, ты пока к нему не ходи, – предупреждала её бабушка, когда Настя, скучая без деда, пыталась навестить его в гостиной. – Пусть поправится.

Сама Вера Валерьяновна ухаживала за мужем, надевая марлевую повязку.

Скоро и Настя пожаловалась на боль в горле, расчихалась, затемпературила, тихим голосом произнесла: «Я устала», – и легла в постель. Бабушка позвонила в детскую поликлинику. Явилась южная женщина с миловидным лицом и черными

подведёнными глазами, сняла меховую шубку и в белом халате, сильно потирая ладонь о ладонь, чтобы руки разогрелись, вошла к Насте в комнату. Присев на стул рядом с кроватью и ласково спросив девочку, как её зовут, сколько ей лет, она сказала:

– Я твой участковый врач. Моё имя Роза Сабировна. Мы с тобой подружимся. Подними рубашку.

Сидя на кровати, Настя подставила врачу вспотевшее тельце. Роза сняла с шеи фонендоскоп и поприкладывала его слуховой орган к груди, спине и бокам ребёнка. Вера Валерьяновна принесла чайную ложечку, и врач с помощью ложечки заглянула девочке в горло.

– Как же тебя, милая, угораздило заболеть к Новому году?

– Дедушка у нас простудился и захворал, – за Настю ответила Вера Валерьяновна. – Он в соседней комнате лежит. Я хожу к нему в маске, а внучке навещать деда запрещала. Но она всё равно заболела. Теперь в квартире лазарет.

– Вы хоть себя поберегите, оставайтесь на ногах, – сказала Роза. – У дедушки вашего не простуда, а грипп. У ребёнка тоже. В Москве уже две недели держится эпидемия. Дошла и до нас. В лёгких Насти, слава Богу, чисто, а грипп надо лечить.

Она ободряюще улыбнулась девочке. У той ручейки текли из носа. Настя вытирала их платком, но они снова текли. Нос её опух, покраснел, губы покоробились, а глаза помутнели. Увидев, что больной ребёнок горько скривился и при-

готовился заплакать, врач сказала:

– Ну-ну-ну! Плакать не надо, иначе проболеешь долго! Наберись терпения!

– Завтра Новый год. Ко мне придёт папа, – пропищала Настя со слезинками на глазах. – Я ему хотела на скрипке сыграть. Как теперь сыграю?

Роза удивилась тому, что папа придёт к Насте завтра, но заговорила о другом:

– Ты на скрипке играешь? Как интересно! Ничего, сыграешь папе в другой раз. А может быть, и я когда-нибудь твою скрипку услышу. Сейчас выпишу тебе лекарства. Пей их, слушайся бабушку, делай всё, что она скажет. Ну, поправляйся! С наступающим Новым годом!..

Бабушка тоже чувствовала себя неважно, но крепилась. Она глотала таблетки, твердила себе: «Мне нельзя сдаваться», – и, сокрушаясь, что Настя и Андрей Иванович слегли, всё же надеялась встретить Новый год полной семьёй. Вера Валерьяновна позвонила сыну – он её заверил, что новогоднюю ночь проведёт в отчем доме. Она его предупредила, что в доме грипп. Алексей ответил:

– Пусть. Я обещал Насте прийти.

Вера Валерьяновна прошла по рынку и по магазинам, купила продуктов, разорилась на шампанское, на бутылку красного вина и, перехватывая тяжёлую сумку из руки в руку, еле дотащилась с ней до дома. Преодолевая слабость, она наготовила вкусной еды и накрыла в гостиную праздничный

стол под белой скатертью. Хозяйка причесалась, припудрилась и оделась в давнишнее своё шёлковое платье, яркая ткань которого напоминала ей любимое вишнёвое варенье. Андрей Иванович нашёл в себе силы подняться, кое в чём помог жене и тоже принарядился. За час до Нового года пришёл Алексей с яблоками в пластиковом пакете и большой куклой под мышкой. Кукла могла закрывать глаза и агукать.

– По вашему с папой виду не скажешь, что вы приболели, – заметил Алексей. – Выглядите здоровыми. А нарядились, как в театр.

– Для театра я и валенки к пиджаку обул. – Андрей Иванович показал себе на ноги.

В этих чёрных валенках с высокими жёсткими голенищами, заправляя в них штанины, он в холодную пору нередко сидел за письменным столом.

– Наш вид обманчив, – сказала Вера Валерьяновна. – Я тебя предупредила, что в квартире грипп. Просто мы собрались на ногах встретить Новый год, иначе, говорят, весь год пролежишь в постели. Тебе лучше было бы общаться с нами через марлевую повязку. У меня есть. Сейчас дам.

– Нет, не надо, – остановил её Алексей и добавил шутиливо: – Как буду в маске выпивать и закусывать?.. Не присматривайся, папа, ко мне! Не присматривайся! Я не подшофе! У меня ни в одном глазу!

– Ты очень громко разговариваешь, – сказала Вера Валерьяновна. – Говори тише, труба иерихонская. Настя спит.

Она заглянула в детскую, слабо и красиво освещённую цветными лампочками в электрических гирляндах на ёлке, и начала осторожно прикрывать дверь. Но послышался голос девочки, говорившей с придыханием от слабости:

– Откройте! Я проснулась! Папочка, это ты пришёл? Ты здесь, дорогой мой папочка?

– Иду к тебе! – откликнулся Алексей, взял куклу, которую держала Вера Валерьяновна, и пошёл к дочери.

Детская снова подогревалась калорифером. Ёлка, пере-хлёстнутая гирляндами, мерцала, как в мороз под луной на заснеженной лесной поляне. Под ёлкой на вате, закрывающей крестовину, стояли Дед Мороз и Снегурочка, посыпанные блёстками. Алексей сел возле дочери. Настя потянулась к отцу. Он передал ей куклу, но обняться с собой не разрешил.

– Я холодный, – сказал Алексей. – Только что с улицы. Тебе нельзя. Подожди, согреюсь.

Сипловато поблагодарив его за куклу, Настя положила её головой себе на подушку и щекой прижалась к протянутой отцовской руке.

– Извини, что не могу тебе сыграть, папочка. Это был бы мой подарок. Я бы сыграла, но у меня сил нет, и Лариса Владимировна говорит, что с температурой играть на скрипке нельзя, потому что пальцы не так гнутся, как надо, и после они разучиваются на струны нажимать.

Она натужно покашляла и полезла под подушку за носовым платком.

– Не говори так много! Какая тут скрипка! Вон как ты разболелась! Отлежись сначала. – Отец погладил её по голове. – Разве я пришёл к тебе в последний раз? Будет ещё у нас

время устроить скрипичный концерт.

– Я и на фортепьяно могу, – сказала девочка.

Отец глянул на старое чёрное пианино, стоявшее у стены против Настиной кровати, и кивнул, подумав о чём-то своём.

В детскую вошла бабушка и тихо ласково заговорила с внучкой, склонясь над ней:

– До Нового года, Настенька, остались считанные минуты. Может быть, посидишь чуть-чуть с нами за столом? Зажжём бенгальские свечи, послушаем бой курантов, поедим вкусенького, а то и посмотрим концерт по телевизору. Давай заверну тебя в одеяло и унесу, устрою на диване, где дедушка лежал, и обложу подушками.

– Давай.

Бабушка завернула её поплотнее и, отстранив мужчин, сама понесла в гостиную. Но едва в глаза девочке ударил яркий свет, как она закричала:

– Ой! Ой! Глазкам больно! Не хочу сидеть за столом! Хочу лежать в постели!

Дед погасил в потолочной люстре три рожка, а оставшаяся пара светила довольно тускло; но бабушка поторопилась унести ребёнка назад.

Андрей Иванович взял в гостиной журнальный столик и поставил в детской комнате. У постели Насти зажгли бенгальские свечи, открыли шампанское. Из гостиной, где был включён телевизор, донеслось переливчатое вступление к бою часов Кремлёвской башни. Ударил колокол, и старшие

подняли бокалы. Все поздравляли друг друга с наступлением девяносто третьего года и кричали ура. Детское личико морщилось, через силу улыбаясь.

Оставив на постели недоеденное яблоко, Настя отвернулась лицом к стене и уснула. Во сне она болезненно вздыхала и пристанывала. Взрослые тихо вышли, приглушили телевизор и сели за стол; но никому толком не пилося, не закусывалось, и никто не хотел смотреть праздничный концерт. Андрея Ивановича снова потянуло лечь. Извиняясь, он снял пиджак, сбросил валенки и в брюках, рубашке и пуловере лёг на диван под шерстяной клетчатый плед. Вера Валерьевна поправила ему подушку.

– Ты опять пришёл один, – сказала она сыну. – Что, твоя ненаглядная не желает с нами знакомиться? Или, может быть, у неё характер такой застенчивый?

– Характер, – ответил Алексей. – Не хочет, пока не распишемся, вам показываться. Стесняется. Мы, извини, живём как муж с женой.

– Да-а... Обычно жених с невестой сперва представляют родителям. Семьи знакомятся и договариваются о свадьбе. Или теперь по-другому? Невеста до свадьбы живёт с женихом, но бегаёт от его родителей? А вместе они отстраняют его родителей от предсвадебных хлопот? Ты, между прочим, дважды примак: не женщин приводишь в дом, а сам уходишь в их семьи. Это против русской традиции.

– Ты, мама, рассуждаешь консервативно, язвишь и пре-

увеличиваешь. Все обычаи и традиции устарели.

– Не очень я преувеличиваю. Ты сам сказал, что твоя жена-невеста не хочет нам показываться. И традиции не все устарели. Понятие «примак», может быть, в самом деле отошло в прошлое. Но я для того окрестила тебя этим словом, чтобы ты вспомнил своё обещание после Москвы жить дома, воспитывать дочь. И нам с отцом ты это обещал, и Насте. Но с тех пор, как приехал, дома почти не показываешься – пропадаешь у этой женщины. Как, напомни, её зовут?

– Викторией. Фамилия – Комарова. Дочка её – Яна. Она ровесница Насти. Что тебе ещё про них рассказать?

– Родители у Виктории есть?

– Только мать, Ася Львовна. У неё фамилия – Балицкая. Муж Аси Львовны, отец Виктории, умер.

– Дай, пожалуйста, их телефон. Я позвоню матери. Познакомлюсь с ней, раз она тоже не спешит с нами знакомиться.

– Хорошо, записывай. Только учти: Ася Львовна – человек робкий, малообщительный, избегает знакомств.

– Как она избежит знакомства с твоими родителями, если собирается стать нашей сватьей?

Вера Валерьяновна взяла клочок бумаги, ручку и записала телефон. Алексей налил себе и ей красного вина. Андрей Иванович отказался выпивать. Он лежал на боку лицом к жене и сыну, глядел на них и молча слушал.

Хмуря переносицу, Алексей мелкими глотками, с остановками пил вино. Он был недоволен разговором с матерью

и не смотрел на неё. Помолчав, он сказал:

– Примерно через месяц мы с Викторией распишемся и у неё дома отметим это событие, чтобы вас тут не затруднять, не напрягать. Гостей соберётся немного, всё пройдёт тихо, скромно. Если желаете, приходите с Настей к нам. Я уточню день и час.

– Чудно ты приглашаешь, сынок, очень близких тебе людей, – сказала Вера Валерьяновна. – Не зовёшь с уважением и любовью, а самим нам даёшь решать, надо ли идти на твою свадьбу.

– Не придирайся, мама, к словам. Не усложняй всё и не драматизируй, – ответил Алексей. – Как-то по-своему ты взялась истолковывать некоторые обыкновенные вещи. Если вам с папой показалось обидным то, как я выразился, прошу прощения. Но к нам на свадьбу придёт молодёжь, наши с Викторией друзья. Людям старшего поколения бывает среди молодёжи скучно и не по себе. Я это хорошо понимаю, поэтому так осторожно вас пригласил.

Вере Валерьяновне вспомнилась первая свадьба сына, в Москве.

– А твоя будущая тёща примет участие в свадьбе? – спросила она.

– Куда же её денешь? Это её квартира.

– И ей не будут среди вас скучно?

– Не знаю.

– Слушай, Алексей, – подал голос Андрей Иванович, – как

ты думаешь, можем мы после такого приглашения захотеть пойти к тебе на свадьбу?

– Ну вот! Всё сначала. – Алексей взмахнул руками. – Праздник ведь, и я к вам пришёл! А вы снова пилите!..

Зазвонил телефон. Вера Валерьяновна встала, взяла трубку, поднесла к уху и передала сыну.

– Это Виктория, – сообщил он, послушав. – Сердится, что в Новый год я не с ней. Извините, мне надо ехать. Общественный транспорт не ходит. Придётся вызвать такси.

– Как же так? – сказала Вера Валерьяновна. – Разве вы между собой не договорились? Ты обещал побыть с нами. Я готовилась. А Настя-то как тебя ждала! Что я ей скажу, когда проснётся?

– Ну, с вами я всё-таки побыл, поздравил всех. – Алексей как будто совестился, но настраивался ехать. – Теперь Комаровым надо уделить внимание. Насте скажи, чтобы скорее поправлялась и что я её люблю. После праздника я к ней приеду.

Предконкурсная комиссия отбирала юных скрипачей для поездки в Рязань. Подвергалась испытанию молодёжь разных возрастов – от учеников школы до студентов училища, к которому относилась специализированная музыкальная школа. Комиссию составляли педагоги школы и училища. Каждый из них хотел выдвинуть своего ученика, но достоинства кандидатов добросовестно обговаривались всеми членами комиссии. Родителей на прослушивание в актовый зал не пустили. Они толпились в коридоре поближе к двери. Чугуновы дед с бабушкой тоже внимательно слушали, и им казалось, что они отличают игру внушки от игры других маленьких скрипачей.

Смолкли приглушённые скрипичные звуки. Дверь распахнулась, и в сумрачном коридоре блеснул солнечный свет из окон актового зала и послышался перестук весенней капли по железу дождевых скатов. Педагоги вышли в коридор, а с ними, как свита, ученики, одни радостные, другие опечаленные, а третьи заплаканные. Настя была с соученицей Светой. Девчушки весело болтали, пересмеивались и в избытке резвости подталкивали друг друга, оберегая при этом свои музыкальные инструменты. Света, кивнув старшим Чугуновым и улыбнувшись им милой улыбкой, побежала к маме, а Настя бросилась к деду с бабушкой, передала им скрипку и

смычок. Обняв сразу обоих, она попрыгала на месте. В толпе мелькнули белокурые волосы. Лариса Корнилова, состоявшая в отборочной комиссии, подошла к Чугуновым и положила ученице руку на плечо.

– Она молодец, – сказала Лариса. – У нас с ней всё хорошо.

– Трудно было? – спросила Вера Валерьяновна.

– Нелегко. Но в отношении Насти и её соперницы Светы ни у кого не возникло сомнений. Их отобрали единогласно.

– Попробовали бы не отобрать! – сказала Настя и вскинула кулачок.

– Но это не всё, – сказала Лариса, глянув на ученицу. – Примерно за неделю до состязания каждый участник получает из центра управления конкурсом запечатанный конверт, ноты какой-нибудь пьески, которую ему предстоит выучить наскоро и сыграть в первом туре. Чем моложе участник, тем, естественно, пьеска проще. Жюри прежде всего с пристрастием оценит то, как будет исполнено выученное наскоро произведение.

– Когда же конкурс? – спросила Вера Валерьяновна.

– Точно пока неизвестно. Но объявили, что в апреле.

– А обоим старикам можно будет с внучкой поехать? Очень нам хочется её выступление послушать.

– Думаю, можно. Если позволяют время, здоровье и средства, то поезжайте. Кто вам запретит?

– Время у пенсионеров всегда найдётся, – сказал Андрей

Иванович. – Здоровье нас тоже не подводит. И средства удалось собрать. Мы вместе с бабушкой повезём тебя на конкурс, – обратился он к внучке. – Ты рада?

Девочка на весь коридор крикнула ура и снова попрыгала на месте, но замерла, увидев главного педагога-скрипача музыкальной школы, согнутого хромотой, опирающегося на инвалидную палку с загнутой рукояткой.

Кругляков, зав струнно-смычковым отделением, тоже участвовал в отборочной комиссии. Подойдя к Чугуновым и Корниловой, он сказал, поглядывая на Настю:

– Своеобразно она играет. Отлично от остальных. Техника у неё высокая не по возрасту и не по уровню музыкального образования, скрипка звучит проникновенно и не совсем в скрипичном, а несколько в альтовом регистре. Как второкласска умудряется извлекать из скрипки-«половинки» альтовые звуки, науке неизвестно, загадка природы. И она совсем не боится слушателей, сцены, держится как настоящая артистка. Молодец!

– Так ведь она уже не раз выступала, – сказал Андрей Иванович. – Кое-какой опыт у неё есть.

– Я и в детских садах выступала, и в школах, и один раз в филармонии, – подхватила девочка. – Мне громко хлопали, потому что всем нравилось. Вы что, Валерий Николаевич, не знаете?

– От «комплекса» не умрёт, – весело произнёс Кругляков и обратился к Насте: – Конечно, я знаю. Ты и должна высту-

пать. Это у нас практикуется с первых классов в процессе обучения. В общем, молодец. Не перехвалить бы только тебя. А помнишь, как поступала в нашу школу и на экзамене не хотела выполнять задания? Такая была чудаковатая крошка. А теперь ты уже большая, на конкурс едешь... По здравому разумению, – сказал он Чугуновым и Корниловой, – Настя должна получить на конкурсе высокий балл. Но там своя конъюнктура. Понимаете, о чём я говорю?..

Насте сделалось скучно. Она повертелась у деда под рукой, побежала по коридору и нашла себе каких-то подружек.

– Мы-то понимаем, ко всему готовы, – ответил Круглякову Андрей Иванович. – Но каково бывает детям?

– Детям нелегко. А почему им должно быть просто?.. Настя-то ваша хоть и нервная девочка, но духом она сильна, не сломается и выступит как надо. Лариса Владимировна хорошо её подготовила. Что касается почестей и наград, то, повторяю, на конкурсах своя конъюнктура, и успех выступающего не всегда зависит от его достоинств. Надеяться надо на лучшее, но не стоит очень расстраиваться при неудаче. Конкурсов будет ещё много. Желаю успеха...

Он пошёл по коридору, сильно хромая.

– Ой, хитёр! – вырвалось у Корниловой.

– Ваш заведующий ходит как Талейран, – сказал Андрей Иванович.

– А почему вы назвали его хитрым? – спросила Вера Валерьяновна.

– Он человек с хитрецей, – ответила Лариса. – Вообще же, очень добродушный. И, главное, педагог от Бога. Очень любит детей, и они его любят. Возится со своими учениками, не жалея здоровья и времени, делает лауреатов разных конкурсов, а многим в дальнейшем оказывает протекцию при поступлении в консерваторию. Его в Москве в музыкальных кругах знают, у него там большие связи.

– А что у него с ногой? – спросил Чугунов.

– Попал в какую-то аварию. До того концертировал, выигрывал международные конкурсы.

Рано утром в середине апреля участники конкурса от специализированной музыкальной школы, всего десять скрипачей и виолончелистов собрались на городском автовокзале, на перроне под бетонным навесом. Разгоралось солнце, его притуманенный диск виднелся из-под навеса. На перроне подувал ветерок. При детях были педагоги, а самых маленьких сопровождали старшие родственники. В бригаду входил единственный на всех участников концертмейстер: штатный аккомпаниатор Светы, – так школьное начальство удешевило поездку. Концертмейстер Бардинская, молодая женщина в золотистом приталенном плаще, тонкая, как оса, курила в компании педагогов, отделившихся от ребят. Педагоги вспоминали советское время, когда юные конкурсанты ездили не междугородним общественным транспортом, коллективно закупив билеты, а прямо у музыкальной школы садились в красивые автобусы специального назначения, и важные люди провожали их торжественными речами...

С вокзала автобус поднялся в центр города и, проехав по центру, спустился ответвлённой дорогой к реке, недавно широко разлитой в половодье, но уже вошедшей в берега. Он пересёк реку по высокому стальному мосту, выбрался на загородное шоссе, в заливных лугах приподнятое дамбой, и прибавил скорости. В лугах блестели лужи, озёрца и стари-

цы. Автобус петлял извилистой дорогой и перекашивался через холмы, вздымавшиеся морскими волнами. То лес за окнами вставал стеной, то расстиралось голое поле, и в балках на нём ещё белел снег. Чёрные деревеньки рассыпались по холмам и собирались в низинах. По обочине бежали друг за другом электрические столбы. Над головой покачивался голубой бездонный купол неба.

Остальные пассажиры с любопытством глядели на юных музыкантов с их скрипками и виолончелями в футлярах. В автобусе было тесновато, и Вера Валерьяновна взяла Настю себе на колени. Андрей Иванович, сидевший рядом, осторожно, как младенца, прижимал к себе скрипку. Впереди Чугуновых устроились скрипачка Света и её красивая мама. Света вертелась, поворачивалась к Насе и затевала с ней разговоры о дорожных впечатлениях или о предстоявшем конкурсе.

В Рязань прибыли к вечеру. Возглавлявший поездку Кругляков дозвонился до распорядителей конкурса и выяснил, что его группа явилась последней, места в гостиницах заняты, и григоровчанам нужно ехать городским автобусом до окраины и селиться в спортивном городке. Городок располагался в лесопарке, среди мачтовых сосен. Его стадион с футбольным полем и беговыми дорожками выглядел необитаемым. Рядом в трёхэтажном каменном здании помещалась гостиница для спортсменов, недавно отремонтированная и пока безлюдная. Григоровчан встретила пожилая

комендантша с гребнем в закрученных на затылке волосах. Она деловито супилась, говорила не сердито, но грубовато, и двигалась вперевалку, быстро, размахивая согнутыми в локтях руками. В гостинице было тепло, подавалась холодная и горячая вода и дожидались постояльцев свободные комнаты с намытыми полами, с занавесками на окнах, с деревянными кроватями, заправленными свежим бельём. Чугуновы поселились в трёхместке. Перекусив домашними продуктами и попив чаю из термоса, они легли отдохнуть и уснули.

– Настя! Настенька! – сквозь сон слышали старики. – Ну-ка, поднимайся на репетицию!

Лариса Корнилова в сумерках трясла за плечо крепко спавшую ученицу.

– Добрый вечер. Зажгите, пожалуйста, свет, – сказал Андрей Иванович и поднёс к глазам запястье с часами. – Ого! Уже семь часов!

– Да, – сказала Лариса. – А к восьми нам ехать на репетицию в филармонию.

– Какая же репетиция на ночь глядя?

– Ещё не ночь. Репетиция обыкновенная. В филармонии, где пройдёт конкурс, нашей группе отвели это вечернее время. До сих пор занимались другие, приехавшие в Рязань раньше нас. Мы вынуждены были принять такие жёсткие условия. Детям необходимо заранее увидеть чужую сцену, сыграть конкурсную программу в незнакомом зале и хоть немного приноровиться к обстановке. Завтра в десять начи-

нается конкурс. Младшая возрастная группа выступает первой.

– Даже не верится, что детей так поздно зовут репетировать. Неправдоподобно звучит, – сказала Вера Валерьяновна, сидя на кровати под одеялом и вытаскивая из взлохмаченных волос железные шпильки. – Настоящее издевательство над детьми.

– Бывает и так, как сегодня, – ответила Корнилова. – Главное испытание конкурса, скажу я вам, даже не выход на сцену и не выступление, а подготовка к выходу, ожидание, иногда многочасовое, своей очереди, и вот – репетиции в любое время дня и вечера. Приходится терпеть. Значит, собирайтесь. Жду вас внизу...

Настя изумила деда с бабушкой. Открыв глаза, узнав про репетицию, она не стала капризничать, как дома, но мужественно вскочила с постели и скоро собралась. Маршрутный автобус увёз григоровчан в город. Они вошли в старое белое, с колоннами здание филармонии и поднялись в неярко освещённый электричеством концертный зал. Возле сцены толпились конкурсанты с педагогами и родственниками. На сцене уже сидела за фортепьяно концертмейстер Бардинская, смуглая, с чёрными жгучими глазами и распущенными по спине смоляными волосами. Она проигрывала аккорды и импровизированные пассажи, проверяя настройку инструмента. Кругляков подстроил Светину скрипку и позвал ученицу на сцену. Остальные уселись в зале ближе к сцене

на откидные зрительские кресла.

Света взяла скрипку и, кивнув Бардинской, заиграла. Она играла уверенно и очень хорошо. Её мама в тёмном платье и голубом шёлковом шарфе, с обожанием глядела на дочку. Валерий же Николаевич Кругляков сдерживал ученицу и часто поправлял.

– Теперь ты, Настя, – сказал он.

Настя встала с кресла и со скрипкой и смычком взошла на сцену по ступенькам, устроенным сбоку. Кругляков подстроил и её скрипку. Девочка приосанилась, картинно взмахнула смычком, но против Светы сыграла такие грубые звуки, так резанула всем слух, что дети и взрослые переглянулись, пожали плечами, а кто-то засмеялся. Старики Чугуновы замерли, съёжились, вобрали головы в плечи, а Лариса Корнилова, спасая ученицу, крикнула из зала:

– Настя, что с тобой? Ты ли это? Будь любезна играть как положено! Может быть, ты решила развлечь нас кошачьими звуками?

Настя, бледнея, крикнула в ответ:

– Не получается у меня! Руки не слушаются!..

Она опустила скрипку и ушла со сцены.

Кругляков подозвал к себе Ларису и заговорил с ней по секрету:

– Не настаивайте. Ничего не выйдет, по опыту знаю. Идите отдыхать.

– Может быть, снять Настю с конкурса? – спросила Лари-

са.

– Не надо. Как завтра у неё выйдет, так пусть и выйдет. Если сыграет плохо, никакого позора в этом нет. В жюри умные люди, понимают детскую психологию. Утро вечера мудренее. Завтра посмотрим...

По дороге в гостиницу дед потрепал Настю по волосам, заплетённым в две косицы.

– Не горюй. Не падай духом. Мы тебя любим. Все знают, что ты талантливая. А сорваться может всякий музыкант, даже именитый.

– Не знаю, что нам делать, – сказала Корнилова. – Готовиться больше некогда. Время к полуночи. Если ты, Настенька, чувствуешь себя не в форме, лучше откажись выступать.

– Ни за что! – наступая на педагога, ответила девочка. – Ни за что-о-о!..

Светлая весенняя ночь, тихая, миротворная. Крепко спит музыкальная бригада из Григорьевска в гостинице спортивного городка Рязани, лишь Вера Валерьяновна Чугунова среди ночи проснулась, вдруг чем-то обеспокоившись. Глянув при лунном свете на постель внучки, она быстро поднялась и, не поверив своим глазам, пощупала скомканное байковое одеяло Насти. Она хотела разбудить мужа, но передумала. Без скрипа открыв дверь, Вера Валерьяновна пошла искать Настю. Сумрачно было вокруг, лишь две-три лампочки дежурная оставила гореть в коридоре и на лестнице. Чугунова спустилась на нижний этаж, и ей показалось, что откуда-то в ночной тишине доносятся скрипичные звуки. Она пошла на источник музыки, расслышала его яснее и убедилась, что скрипка играет в женском туалете. Вера Валерьяновна вошла в туалет и в середине его между умывальниками и кабинами увидела при тусклом освещении призрак маленькой скрипачки в белой спальной рубашке с бретельками и в клетчатых тапочках. Белый призрак отбрасывал на кафельную стену чёрную тень.

– Внученька! – вскрикнула бабушка. – Бедная! Что ты здесь полуголая делаешь?

– Не мешай! – ответила Настя, продолжая играть концертную музыку, к которой примешивалось журчание воды

в смывных бачках. – Видишь, репетирую?

– Нашла, где репетировать! В туалете! И среди ночи!

– Зато никого нет. Никто мне не мешает, и я никому. Акустика в туалете хорошая.

– Ну-ка, иди спать! – рассердилась Вера Валерьяновна. – Репетирует она! А у самой глаза сделались как у варёного рака! Хочешь, чтобы завтра тебя ноги не держали? И сквозняки тут, легко застудиться!..

Но ещё нескоро она урезонила девочку, не без труда увела её из полутёмного холодного туалета.

* * *

Юные скрипачи и виолончелисты приехали на конкурс из двадцати восьми городов России. Многие в день сражения подошли к полю битвы раньше времени: концертный зал был ещё закрыт. Чугуновы тоже явились заранее. Перед залом, по всем углам верхнего этажа и на лестничной площадке дети проигрывали отрывки из конкурсных произведений. Иные не играли, но грели руки в шерстяных рукавицах или на батареях отопления, готовя пальцы к живому и лёгкому исполнительскому движению. Шум от разнообразной музыки, звучавшей со всех сторон, не прерывался ни на минуту, и Чугуновы, удивляясь, спрашивали Корнилову:

– Скажите, Лариса Владимировна, неужели ребята слышат каждый себя в такой какофонии?

– Вполне, – отвечала она. – Вам это кажется невозможным, а музыканты в хаосе звуков собственную игру слышат отлично. Не приходилось наблюдать, как оркестранты перед началом концерта настраивают инструменты и повторяют фрагменты своих партий? Никто никому не мешает...

Настя тоже взяла с собой и надела рукавицы. Этот опыт у неё уже был. Старшие Чугуновы и Корнилова остановились у широкого окна с видом на большую людную улицу, а девочка пошла искать Свету. Но её соратница-соперница оказалась с мамой только к началу состязания. Бобковы поспешили в открывшийся зал, на ходу приветствуя Чугуновых и Ларису, но сели далеко от них, возле знакомых педагогов, и Настя не успела поговорить со Светой, потревожиться вместе с ней и посоветоваться.

На сцене перед фортепьяно был временно поставлен столик с многогранным крутящимся барабаном. К столику просеменила кукольная девочка в платьице колоколом, белых гольфах и чёрных туфельках. Она стала вертеть барабан обеими руками. Конкурсанты подходили и вытягивали из него записки с номерами, а жюри, разместившееся в первом ряду за столами, отмечало номера в списках участников. Насте выпал одиннадцатый номер, а Свете восьмой. Столик с барабаном унесли. Уполномоченная комитета культуры, блестящая, завитая и напомаженная, празднично объявила конкурс открытым. Члены жюри пошелестели разложенными на столе бумагами. На сцену поднялся старичок-председа-

тель, профессор Московской консерватории. Он сутулился и немного шепелявил, но бодро приветствовал участников и желал им выступить успешно. Уполномоченная повела конкурс и громко, торжественно выкликнула первого по очереди музыкантика из младшей возрастной группы. Перед публикой возник ушастый курчавый скрипач в белой рубашке и чёрной бабочке.

Его пианистка с напудренным лицом и яркими губами, придерживая длинное концертное платье, села перед фортепьяно и поставила на педаль ногу в лакированной туфле. Глядя в ноты, она проиграла небольшое вступление, и мальчик ловко исполнил вводную пьеску, из тех, что каждому из участников назначили за неделю до конкурса. Председатель посовещался с членами жюри и кивнул ведущей. Она заглянула в программу и объявила крупную вещь, разученную мальчиком для исполнения в первом туре. Ребёнок умело сыграл и пьесу, отвесил в зал поклон и под хлопки быстро спустился со сцены...

Один за другим выходили состязаться нарядные мальчики и девочки. Все играли очень хорошо. Прекрасно выступала Света. Настя, подвинувшись со скрипкой на край ряда, чтобы потом облегчить себе путь к сцене, не спускала глаз с соученицы и ловила каждый штрих её исполнения. Андрей Иванович замечал на лице внучки отражение сложного чувства, в котором совмещались признание достоинств соперницы с пожеланием победы только себе.

Ведущая объявила:

– Номер одиннадцатый! Настя Чугунова! Возраст – шесть лет! Город Григорьевск, специализированная школа, класс педагога Корниловой!

У деда с бабушкой ёкнули их старые чуткие сердца. Лариса села удобнее и стала наблюдать за ученицей. Настя, идя по залу, от волнения немного частила ногами, но по ступенькам сцены пошла медленнее, высоко поднимая ноги. Концертмейстер Бардинская держала руки наготове, над клавишами и, обернувшись, глядела на скрипачку. Перехватив скрипку правой рукой, в которой держала смычок, девочка левую потёрла о фиолетовое бархатное платье с опушкой из голубого песка по круглому воротнику и манжетам рукавов. Бабушка сшила его внучке для конкурса, порезав своё давнее платье и старую горжетку. Взяв опять скрипку в левую руку, Настя кивком подала знак пианистке и легко справилась с первоначальной пьеской, мазуркой малоизвестного автора.

Начиная «Прялку» Артура Рубинштейна, она перестала казаться строгой и очаровательно улыбнулась. И тут случилось непредвиденное. С первых нот Бардинская нервно ускорила темп произведения и сбить его уже не смогла, так что «Прялка», без того быстрая, сделалась стремительной, вихревой. Настя отважно играла в заданном ей темпе, а концертмейстер молотила по клавишам худыми пальцами и уже сама едва поспевала за скрипачкой. Наверно, никто никогда не играл эту музыку так, как её играла на конкурсе Настя Чугу-

нова. Члены жюри устали сидеть на конкурсантку, изумлённые необычным исполнением пьесы. Публика замерла.

– Господи, помилуй! – прошептала бабушка.

«Всё! – подумал дед. – Конец! Сейчас сорвётся! Невозможно играть с такой бешеной скоростью!»

Она не сорвалась, не сфальшивила, не сбилась со счёта и, закончив своё фантастическое исполнение, сделала лихую отмашку смычком вверх и в сторону. Взмывшая пианистка сбросила руки с клавиш и бессильно откинулась на спинку стула. В зале бомба разорвалась. Многие хлопали стоя. В публике слышались восхищённые голоса: «Что за девочка? Такая талантливая да ещё красивая!»

Скрипачка с концертмейстером раскланивались, взявшись за руки. Настя светилась, как именинница. У Бардинской был испуг в глазах, а губы растягивались в улыбке.

– Поздравляю! – говорила Лариса Корнилова Чугуновым и усердно хлопала. – Я знала, что ваша внучка может преподнести сюрприз, но такого фокуса не ждала! Свету она явно переплюнула! Берегись, Света!..

В состязаниях наступил перерыв. Чугуновы с педагогом ушли пообедать и отдохнуть у себя в номере, а когда под вечер возвратились в филармонию, первый тур у самых юных уже заканчивался.

Прежде чем слушать конкурс дальше, комиссия обсудила выступления малышей в первом туре. Ведущая встала на сцене с запиской жюри и прочла фамилии ребят, допущенных до второго тура. Свету она назвала, а Насти среди отличившихся не оказалось. Чугуновы подумали, что ослышались, и Лариса убеждённо произнесла:

– Тут недоразумение! Пойду разыщу Круглякова! Пусть сходит в жюри и скажет, что фамилия Насти выпала из списка! Надо исправить ошибку!

Кругляков помаячил в отдалении, о чём-то размышляя, и направился к жюри, склонился над председателем, пожал ему руку и о чём-то с ним недолго потолковал. Он подошёл к Чугуновым и Ларисе, стоявшим сбоку кресел, и грустно доложил:

– Председатель говорит, таково решение комиссии. Слишком быстрый темп игры сочли серьёзной ошибкой. Уровень конкурса очень высок, а участников много, и во внимание берётся всякое отступление от правил. Настю они, конечно, для себя отметили, как девочку перспективную. Будут следить за её развитием...

Вошла в зал Бардинская и, заметив Чугуновых, поторопилась к ним.

– Бедная малышка! Прости меня! – заговорила она, про-

тягивая к Насте руки и всем видом своим выражая страдание. – Ненавидь! Ругай! Я перед тобой виновата, хотя навредила не по злему умыслу! Как будто кто под руки толкнул!.. Хочешь, спрошу разрешения нам с тобой переиграть?

– Не дадут, – сказал Кругляков. – Я спрашивал. Тур закончился, и задним числом жюри никого не станет слушать. Не расстраивайся, Настя. Я до конкурса говорил и сейчас повторю: ты молодец! Без экзамена получишь за год пятёрку. А потом я тебе куплю торт. Возвращайся домой. Отдохни, успокойся. Но, если хочешь, останься послушать второй тур.

– Это вопиющая несправедливость! – сказала Лариса. – Безобразие! И взрослого человека нетрудно сломать вот так, через колено, а тут малый ребёнок!

– А почему вы не взяли моего концертмейстера Виктора Александровича? – спросила Настя, подступив к заву струнно-смычковым отделением и задрав перед ним голову. – Ответьте мне, пожалуйста. Мы просили. Мы его любим. А вы не взяли.

– Он не смог поехать. У него занятия со студентами, – сказал Кругляков.

Дед с бабушкой вздыхали. Настя, пошмыгав носом и покусав губы, быстро пошла из зала. Старики поспешили за ней. Корнилова осталась на второй тур конкурса. Вслед уходящим скоро грянули со сцены звуки скрипки и фортепьяно.

За дверями филармонии девочка расплакалась. Не вся публика после первого тура сразу вернулась в зал. Кто-то,

выйдя на улицу, продолжал стоять у колонного подъезда, наслаждаясь весенней прохладой и делясь впечатлениями о конкурсе. Плачущую звёздочку, ярко блеснувшую в первом туре, все тут заметили. Одна женщина, с внешностью изнурённой творческой интеллигентки, бросила окурочек сигареты в урну и подошла к Чугуновым.

– Ваша малютка?

– Да, внучка, – ответил Андрей Иванович.

– Чудесный ребёнок, – сказала женщина. – Жаль, слишком рано познаёт удары судьбы, жестокость и несправедливость. Не вешай нос, детка! В искусстве нужны крепкие нервы! Ты станешь великой! Предсказываю тебе счастливое будущее! Я колдунья...

Настя плакала уже навзрыд. Бабушка вытирала ей платочком слёзы, шепча жалостливые слова.

– Перестань, Настасья, реветь! – строго произнёс Андрей Иванович. – Хватит сырость разводить!

– Не давай противнику радоваться, – опять сказала незнакомая женщина.

– А где мои папа с мамой? Почему не пришли? – выговаривала Настя, растягивая слова. – Я хорошо играла, а они не слышали!

И разрыдалась с новой силой.

Книга вторая

1

Сегодня она красовалась в школьной форме: коричневом штапельном платье с белым кружевным воротником и белом переднике с карманом и крылышками. Дед с бабушкой и туфли ей новые купили, с ремешками на пуговках, и носочки белые. Андрей Иванович напускал на лицо важность, ведя Настю за руку. Рядом шла Вера Валерьяновна, прижимая к груди букетик георгинов. Настя уцепилась и за её свободную руку. Она повисла на руках стариков, и они, сколько хватило сил, покачали её, как на качелях.

– В другой раз предупреждай, что хочешь повиснуть, – сказал Андрей Иванович. – А то ведь подросла, стала тяжёлая, можем невзначай уронить.

Над городом раскинулось небо летней выгоревшей синевы. В воздухе держалось тепло с острой осенней свежинкой. Молодые клёны, росшие вдоль тротуара, сбрасывали под ноги прохожим красно-жёлтые листья. Новая школа, куда дед с бабушкой определили внучку, стояла недалеко от их шлакоблочной девятиэтажки. Школу сделали в два этажа. У неё были пристройки, и она заняла с ними немало места. Когда Чугуновы к ней приблизились, Вера Валерьяновна сказала:

– Здесь наша внученька будет учиться грамоте. Время дурное, тяжёлое, а гляди-ка, школа пригожая! Говорят, даже с плавательным бассейном.

– Эту школу строили ещё в советское время, – сказал Андрей Иванович, – потом заморозили стройку, а теперь как-то закончили. Детям хороший подарок.

– Разве школа – подарок? – спросила Настя.

– Подарок! – ответил дед. – Только очень большой. Хватит многим ребятам.

Одни ребята уже толпились у парадного крыльца, а другие шли со всех сторон к неогороженной школе; малышей сопровождали взрослые. Школьники постарше не придерживались одинаковых костюмов, первоклассники же были одеты по форме: девочки – так же, как Настя Чугунова, а мальчики – в чёрные костюмы с узкими чёрными галстуками. Учителя разбирали учеников по классам и колоннами выстраивали перед входом. К приподнятой крылечной площадке вела широкая мраморная лестница с низкими ступеньками. Настя отыскивала свою малышовую колонну. Дед с бабушкой понаблюдали за внучкой со стороны и увидели, что она не дичится, не теряется, но смело заговаривает с незнакомыми детьми. Было много цветов, и в руках Насти тоже красовался букет, переданный ей бабушкой, а в русые внучкины косицы Вера Валерьяновна вплела розовые ленты, которые завязала крупными бантами, похожими на цветы.

Привлекла Чугуновых своим видом Настина учительни-

ца, молодая, с гибкой фигурой, ореховыми волосами, южным загорелым лицом и глубоким тёплым взглядом. Нечто романтическое, несовременное и нездешнее усмотрел Андрей Иванович во внешности этой женщины и сказал жене:

– Посмотри, она из эпохи Возрождения. Такие – на картинах старинных итальянских живописцев.

Всех школьников поздравили с первым сентября и директор, и завуч, и учителя, а первоклашек ещё и старшекласники. Прозвенел ручной звонок, который держала маленькая девочка, сидевшая на плечах одного из старшекласников. Распахнулись остеклённые двери. Первыми в школу направились малолетки. Настина красавица-учительница, одетая в голубое облегающее платье, уводя свою колонну, шла по ступенькам крыльца полубоком. Настя обернулась на деда с бабушкой, помахала им ручкой и скрылась в вестибюле. У Веры Валерьяновны блеснули слезинки, но она тихонько засмеялась.

Родственники детей разошлись. Вера Валерьяновна ухватилась за локтевой сгиб мужа. Домой им идти не хотелось. Чугуновы зашли в школу, посмотрели расписание уроков у первокласников и решили погулять неподалёку, а когда у малышей окончатся их недолгие уроки, вернуться к школе. Прохаживаясь по улицам микрорайона, дед и бабушка вспоминали с юмором, как устраивали внуку в «элитную» «английскую» школу. Это бабушке пришла в голову честолюбивая мысль, и за возможность испытать ребёнка приёмны-

ми тестами в «английской» школе Чугуновы отдали немалые деньги. Первый тест, заданный Насте, предлагал ей разбить на две группы, по типическим признакам, нарисованные на картинке домашние вещи: сапоги, пальто, плащ с капюшоном, женские туфли на высоком каблуке, платье, тапочки и зонт, а лишнее отбросить. Достойный «английской» школы ребёнок, как выяснилось в конце испытаний, лишним счёл бы зонт, остальное разделил бы на обувь и одежду; но Настя живо и по-своему решила задачу. «Мужчина идёт по улице в плаще и сапогах, а над головой держит зонт, потому что дождик, – сказала она. – Дома осталась его жена в платье и тапочках. Пальто жена повесила в шкаф и туфли туда поставила». Худощавый психолог с жидкими усиками уставился на рисунки, наморщил лоб и спросил: «Где ты видишь мужчину, женщину, дом, шкаф и дождь?» «В себе», – сказала Настя. Он удивлённо хмыкнул и дал ребёнку новое задание: отделить на рисунке одних животных от других в подборе: корова, коза, поросёнок, собака, заяц, лиса, кошка, медведь. И снова Настя ответила не так, как ожидал психолог: диких животных не развела с домашними, но обособила поросёнка, потому что у него шерсти нет. «Ладно, Настя, – сказал психолог. – Мне всё понятно. Иди-ка, погуляй».

Девочка соскочила со стула и побежала в коридор. «Не лети сломя голову! – крикнул Андрей Иванович. – Ушибёшься! Штаны у тебя, что ли, с пропеллером?» Умный испытатель сказал Чугуновым: «Если хотите, я допущу вашего ре-

бёнка до занятий в этой школе, но советую не настаивать. Лучше отдайте Настю в обычную среднюю школу. У вашей внучки несомненный художественный дар, яркая фантазия, своеобразное мышление. Такие способности надо развивать, а здесь не получится. В английской школе требования жёсткие, нагрузки увеличенные; с первого класса в английской преподаются два иностранных языка. Неплохо их знать, но это не главное для ребёнка с художественным даром. И платить тут нужно за учёбу, а лишних денег, мне кажется, у вас нет». «Хорошо, – сказал Андрей Иванович. – Спасибо за совет. Отведём Настю в обычную школу. Про её художественные способности мы знаем. Настя учится игре на скрипке». «Вот видите!» «А деньги, что мы отдали за испытания, нам вернут?» – спросила Вера Валерьяновна. «Не знаю. Спросите у администрации. Но едва ли. Испытания-то проведены». «Мы ведь не оставляем тут внучку. За что же с нас деньги?..» – начала было протестовать бабушка, но Андрей Иванович уже поднимал жену со стула, взяв за руку. Он пошёл из «английской» школы с убеждённостью, что Насте не надо в ней учиться, а Вера Валерьяновна пошла с сожалением...

Директор общеобразовательной школы требовал у Чугуновых документ об опеке над Настей. Они пытались его выправить, но оказалось, с их опекой над ребёнком должны письменно согласиться его родители и что подобные серьёзные дела в трудных случаях решаются в суде. Справка для школы осталась за Чугуновыми, и они беспокоились о том,

как им быстрее стать законными опекунами внучки...

Они вернулись к школе и зашли в вестибюль. Там уже малышей ждали некоторые взрослые. Чуть раньше, чем прозвенел звонок, молодые учительницы повели первоклассников к выходу. На улице дети как с цепи срывались и, не слушая старших родственников, бегали перед школой и галдели. По лестнице, соединявшей этажи, в вестибюль спускался и Настин класс. Показалась внучка Чугуновых, тонкошеея, голенастая, с двумя косицами вразлёт и розовыми лентами в косицах. Когда женщина эпохи итальянского Возрождения выпустила ребят на улицу, Настя, размахивая новым цветным портфельчиком, кинулась в объятия деда с бабушкой.

Чугунов послал в московское издательство два письма редактору Северовой. Он просил вернуть ему неопубликованную работу. Издательство письменно не ответило, а по телефону кто-то из новых сотрудников сообщил писателю, что Северова уволилась. Андрей Иванович съездил в Москву и сам безуспешно порылся на полках старых издательских шкафов. Про дела советских редакторов здесь никто ничего не знал и знать не хотел, лица были чужие и равнодушные. Он махнул рукой на экземпляры своей машинописи о ремонте атомных подлодок (благо остался другой) и понадеялся, что папка с его романом благополучно сгорела в какой-нибудь кочегарке, а не была похищена литературным вором.

Он думал о том, как выпустить роман на средства денежного покровителя, и собирался поговорить с директором завода железобетонных изделий, предлагавшим ему помощь в издании книги. Нестеренко опередил его, но речь повёл о другом.

– Уважаемый писатель, вы забыли, о чём мы с вами договаривались с полгода назад? – сказал он по телефону.

– О чём же? Напомните, пожалуйста.

Чугунов тут же сам вспомнил.

– А об организации книжного издательства при моём заводе, – сказал Нестеренко. – Вы предложили мне взять для

этого дела вашего сына. Где он? А время идёт.

– Да, да, да, – ответил Андрей Иванович. – Сын много ездит, а у меня забот был полон рот, и я запомнил. Простите!

– Прощаю. Но скорее исправляйтесь. Приходите с вашим сыном.

– У меня к вам будет опять и личное дело, – сказал Чугунов.

– Какое? Впрочем, обо всём поговорим у меня в кабинете. Давайте условимся о дне и времени встречи.

– Давайте...

Андрей Иванович позвонил сыну.

– Послушай, у тебя есть возможность стать значительным человеком, проявить себя как личность.

– С ходу значительным? – откликнулся Алексей. – Любопытно, как это можно сделать.

– Подожди шутить. Я о серьёзных вещах толкую. Пойдём со мной на завод ЖБИ, и там всё узнаешь. Сейчас могу сказать лишь то, что для одного большого предприятия директору нужны твои знания, полученные на журналистском факультете.

– Интрига! – сказал Алексей. – Ладно, давай сходим. Мне, конечно, интересно, для чего я понадобился. Книгу, что ли, о директоре нужно написать?

– Сходим, и узнаешь. Не буду сейчас рассказывать, самому надо знать точнее. Я слышал мельком.

– Вижу, что хитришь, втягиваешь в какую-то авантюру, но от этого мне ещё любопытнее, – похрипывал голос Алексея, искажённый микрофоном. – А сам ты, папа, что не возмёшься за это загадочное дело? У тебя тоже знания, а уж опыт такой, какого у меня в помине нет.

– Сил маловато, – ответил Андрей Иванович. – Берегу для писательства. Тут нужен человек молодой, расторопный, выносливый, способный на риск и в определённой степени, ты верно заметил, на авантюру. Не упusti счастливый случай сразу перейти с уровня спекулянта на уровень общественного деятеля. Гладко побрейся, помойся и нарядно оденься, чтобы произвести на директора приятное впечатление...

Завод, руководимый Нестеренко, стоял на краю Григорьевска на возвышенном месте, откуда было видно извилистую пригородную реку и заливные луга, теперь, по осени, жёлто-серые.

Чугуновы зашли в заводоуправление и несколько минут посидели перед яркой блондинкой, секретаршей директора, знакомой Андрею Ивановичу с его прошлого визита к Нестеренко. Когда они вошли в кабинет, директор поднялся им навстречу и, протягивая руку, внимательно посмотрел на младшего Чугунова.

– Это мой сын Алексей, – сказал Андрей Иванович.

– Я понял, – ответил Нестеренко. – И чертами лица он на вас очень похож, и такой же, как вы, жилистый. Ростом только выше.

Он вернулся в своё кресло. Чугуновы сели рядом на стулья с мягкой красной обивкой, смутно отразившись в полированной столешнице заседательского стола.

– Я сказал Алексею о вашем предложении, – начал Андрей Иванович деловой разговор, – вернее, о том, что вы могли бы дать ему солидную работу, достойную его образования.

– Что за работа? – спросил Алексей.

– По-моему, для вас подходящая, – ответил директор. – Вам было бы интересно и выгодно ею заниматься. И вы принесли бы пользу всем григорьевским литераторам, в первую очередь своему отцу. Хочу организовать при заводе книжное издательство, которое стало бы печатать хорошую современную литературу, продвигая местных авторов. Даю возможность молодому крепкому журналисту заняться учреждением издательства и возглавить его.

– Ого! – сказал младший Чугунов. – А сколько бы я стал получать?

– Вот, сразу берёт быка за рога! Такое нынче время! – сказал Нестеренко в сторону Андрея Ивановича, поджавшего губы, и снова обратился к Алексею: – Для начала положу вам неплохой оклад. А потом – оклад плюс проценты с доходов издательства.

Алексей для приличия повременил с отказом.

– Благодарю, – сказал он. – Предложение лестное, но этим делом я заняться не смогу. Оно не по мне, не справлюсь.

Слишком много первоначальной работы, для которой нужны особые пробивные способности, у меня их нет. Тут ведь всё с нуля нужно начинать. И лицензию необходимо оформить, и банковский счёт открыть, и штат сотрудников подобрать, и конъюнктуру литературного рынка выяснить, и неплохих коммерческих авторов найти, а потом отличных некоммерческих, которых можно печатать за счёт прибыли от продажи коммерческих книг. При этом я должен буду местным писателям зачастую предпочитать неместных. А где среди местных в достатке найдёшь авторов приемлемых? И ещё неизвестно, что из всех потуг выйдет. Может, без штанов останешься или в тюрьму попадёшь...

– Естественно, – согласился Нестеренко, – работы много. В серьёзных делах её мало не бывает. И риск есть. Чем шире размах, тем больше сил и нервов приходится на него затрачивать. Зато по достижении успеха вы и в карьере преуспеете, и денег заработаете, и отцу-писателю поможете, и почувствуете моральное удовлетворение. Судя по тому, как вы быстро ухватили самую суть дела и перечислили всё, что, в первую голову, необходимо для его осуществления, вы то как раз смогли бы построить издательство на пустом месте и с успехом поруководить им. Вижу, много знаете. Чувствую, из вас получился бы хороший организатор. Принимайте предложение, пока не поздно.

– Нет, это не моё, – повторил Алексей. – Я в своих организаторских способностях не уверен. И зачем мне эта головная

боль?.. Я занимаюсь мелким торговым бизнесом и уж лучше буду продолжать им заниматься. Тут заработок надёжный, и нет особого напряжения, большой ответственности. Для меня сейчас важно хорошо зарабатывать и твёрдо становиться на ноги... Извините, не стану отнимать у вас время. Ещё раз спасибо. Побегу, у меня есть дела. До свидания...

– Занимайся, занимайся мелким торговым бизнесом, – бросил Андрей Иванович ему вслед...

– Не огорчайтесь так сильно, – сказал директор. – Не принимайте близко к сердцу. Не хочет – что поделаешь? Жаль, конечно.

– Перед вами совестно. И обидно, что сын испугался трудностей. Желаю вам найти кого-то более надёжного.

– Свято место пусто не бывает. Но теперь я, наверно, подожду с организацией издательства. Действительно, всё не так просто. Ваш сын, человек знающий, шире открыл мне глаза. За каждым из перечисленных им необходимых действий стоят немалые расходы. Надо всё хорошо продумать... Да, как вы съездили тогда с внучкой на конкурс? – спросил Нестеренко. – Успешно ли выступили?

– Съездили хорошо. И выступили неплохо. Почестей, правда, не заработали. Но не беда. Педагоги наши говорят, что главное – поучаствовать в конкурсе, увидеть его обстановку, выдержать психические нагрузки, показать свои способности знающим людям и поверить в себя. Артистка-то у нас слишком маленькая. Она горько плакала оттого, что ко-

му-то грамоту дали, а ей нет.

– Листа бумаги, что ли, было им жаль для малого ребёнка? Привели бы вашу артистку к нам на завод, – сказал директор. – Мы бы её концерт в актовом зале устроили, наградили бы, как смогли, и красивую грамоту обязательно бы дали.

– Об этом стоит подумать. Спасибо. Я скажу внучке. Она будет рада. Нужно только посоветоваться с её педагогом. У педагогов свой взгляд на публичные выступления воспитанников.

Нестеренко пометил себе в отрывном календаре, что должен организовать на заводе концерт внучки писателя Чугунова, и сказал:

– У нас иногда выступают артисты, но юных музыкантов ещё не было, народ обрадуется, умилился... А что за новое личное дело у вас ко мне?

– Сейчас наберусь смелости, – ответил Андрей Иванович. – В прошлую нашу встречу вы предложили мне финансировать издание моей книги. Помните?

– Помню и не отказываюсь. Что вы собираетесь издать? Большая ли книга?

– Роман, не очень объёмный. Советское издательство, где я предполагал его напечатать, стало частным. Моя работа частникам оказалась не нужна. Они изъяли её вместе с работами других авторов, наверно, сожгли. У меня сохранился экземпляр машинописи.

– Понятно, – сказал Нестеренко. – Рыночная экономика

предполагает стремление к личной наживе, но не к всеобщему окультуриванию. Хорошо, найдите себе издателя, составьте смету и привезите мне вместе с банковскими реквизитами издательства. Я оплачу публикацию вашего романа. Пока ещё я в силах это сделать.

Его оговорка: «Пока ещё я в силах...», – показалась Андрею Ивановичу неслучайной. Писателю стало неловко за свою просьбу. Ещё раз поблагодарив Нестеренко за содействие, он с ним простился.

От директора завода ЖБИ Алексей Чугунов, свободный сегодня от торговых поездок, направился к жене в газету «Младость». Редакция газеты помещалась в том же четырёхэтажном параллелепипеде, поставленном на попу, где была и редакция «Григорьевских ведомостей». Параллелепипед примыкал к одноэтажному корпусу старой офсетной типографии – она и выпускала многочисленную ныне «периодическую печать», не зная усталости. На стене редакционного здания, над его высоким крыльцом меж разноцветных пластиковых досок с названиями ютившихся здесь газет значилась и вывеска «Младости».

В просторной корреспондентской комнате работали за столами три молодые женщины. Несколько столов не были заняты – хозяева разъехались по заданиям. Виктория сидела в середине комнаты, низко склонившись над газетной «полосой» и карандашом исправляя в ней ошибки. Жена Алексея закончила технический вуз, машиностроительный факультет, но в инженерах походила недолго – не понравилось – и, испробовав несколько других работ, устроилась корректором в новую молодёжную газету.

Алексей громко поздоровался со всеми: «Привет!», – подошёл к жене и поцеловал её в затылок под короткими волосами.

– Что читаешь?

– Корректуру.

Она подняла голову и взглянула на мужа, продолжая сидеть.

– Свету у тебя тут маловато, – сказал он. – День пасмурный. Зрение испортишь. Пересела бы к окну.

– Ничего. Мне всё видно. А от окна дует. Холода наступают.

– По-моему, ещё тепло. Я хожу в костюме.

Он посмотрел в сторону и дружески мигнул одной из сотрудниц. Она коротко ему улыбнулась и снова принялась что-то писать. Алексей нередко заходил к жене на работу, знал тут всех и чувствовал себя свободно. Как образованный журналист, он интересовался и центральной, и местной печатью, оценивал их уровень и значимость, и малотиражная либеральная газета «Младость» нравилась ему тем, что избегала сплетен и сальностей, которыми увлекали читателей другие либеральные газеты.

– Давай выйдем, – сказал он жене.

– Давай.

Виктория поднялась из-за стола. Она была блондинкой с ироничными светлыми глазами, широким ртом и тяжеловатым подбородком. Жена построила Алексею глазки, довольная его приходом и проявлением ласковости на виду у посторонних. Выйдя в коридор, они стали целоваться на лестничной площадке так откровенно, словно их никто не мог

здесь увидеть.

Ни он, ни она не стали бы утверждать, что между ними – истинная любовь, предполагающая единство душ. Всё-таки оба уже горели в первом браке ярким любовным пламенем. Но взаимное влечение они чувствовали и скучали друг без друга. Виктория гордилась тем, что у неё красивый, умный и хорошо зарабатывающий муж, а Алексей считал жену очаровательной, принимая её тяжеловатый подбородок и широкий рот не за недостатки женского лица, а за его изюминки.

– Сходил на завод? – спросила она. – Какие результаты?

– Результаты нулевые. Директор предложил мне организовать при заводе книжное издательство и возглавить его. Дело слишком хлопотное, а перспективы сомнительные. Я не согласился и ушёл. Отец ещё там остался.

– Невероятное предложение! Исключительное! Очень престижная должность: директор издательства! Получил бы возможность сделать карьеру и завоевать положение в обществе! – заговорила Виктория громко и напористо – по моде, входившей с экрана телевизора в разговорную манеру многих девушек и молодых женщин.

– Да зачем мне сейчас интеллигентская престижность? Время не то, чтобы её добиваться. В первую очередь деньги нужны. Будут деньги, будет и положение в обществе. А издательство, если бы я его и организовал, ещё долго не приносило бы хорошей прибыли, а может быть, вообще не принесло бы никакой и никогда. Многие ли теперь читают?

Она передёрнула плечами, но спорить не стала. Ей очень хотелось, чтобы муж был с положением в обществе, и льстило, что он сын известного писателя, выпускник Московского университета. Но она вынашивала мечту стать хорошо обеспеченной женщиной, и участие мужа в рыбных спекуляциях сулило ей достижение мечты.

– А отец твой зачем на заводе остался? – спросила Виктория. – Сам решил организовать издательство?

– Нет, за издательство он не возьмётся. Не знаю, зачем остался. О чём-нибудь договаривается с директором. Они давно знакомы.

Виктория подумала и усмехнулась.

– Директор знаком с твоим отцом, а невестка, жена сына – нет. Я ещё ни с кем из твоих родных незнакома. Странно как-то получается.

– Так познакомься! Кто тебе мешает?

Алексей нахмурился и посмотрел в пол, выложенный кафельной плиткой.

– Что злишься? – спросила Виктория.

– Ничего. Сходи и познакомься с моими близкими, если мучаешься от незнакомства с ними. Давно бы это сделала. Не старики же должны явиться к тебе на поклон.

– Что за тон! – Она старалась говорить шутливо, но проявляла недовольство. – Пришёл жизнерадостный, и вдруг разозлился! Не пойду я одна к твоим родителям. Они у тебя, сам говорил, строгие и умные, а с такими тяжело знакомиться в

одиначку. Ты-то меня к ним не зовёшь.

– Не просишься – и не зову.

– Ну вот, прошусь.

– Хорошо, выберу время, и сходим.

– Когда ты его выберешь? У тебя бывает свободное время, но, по-моему, ты не спешишь к родне.

Он рассердился по-настоящему.

– Я знаю, ты дама с гонором, и тебе палец в рот не клади! Нет, я захожу к родным, пусть не очень часто, но захожу! Но ты всегда звонишь мне вслед, требуешь, чтобы я скорее возвращался!

– Правильно. Я беспокоюсь, не случилось ли что-нибудь с тобой в пути, и скучаю по тебе.

– А ты не беспокойся. Я не маленький. И не скучай по телефону. Лучше подольше удерживай меня возле отца с матерью и возле дочери. Сразу ты к ним не пошла, а сейчас пойти тебе непросто и с каждым днём труднее. Мне тоже встречаться с родителями бывает неловко. Я ведь им не слишком помогаю, хотя они растят мою дочь.

– Значит, помогай больше.

– Да ведь всё копим, откладываем. Больше помогать не выходит.

– К тому же ты выпить любишь, – сказала Виктория. – И наркотой балуешься. Не обижайся, это правда. На выпивку и наркоту ты тратишь немало.

– У тебя не прошу. Сам зарабатываю.

Жена не возразила.

Она полезла в один и другой карманы джинсов, достала измятую пачку сигарет, зажигалку и закурила.

– Дай и мне, – попросил Алексей, но тут же махнул рукой. – Нет, не надо. На улице закурю. Сейчас уже пойду. Странно, что такой важный разговор вдруг завязался у нас не дома, а у тебя на работе, при случайной встрече.

– По-моему, ничего нет странного, – ответила Виктория.

Когда она в очередной раз затянулась дымом, муж вынул у неё изо рта сигарету и бросил в урну у стены.

– Ты что? – сказала она.

– Береги здоровье, – сказал Алексей.

– Нестеренко охотно взялся финансировать издание моего романа, – сказал Андрей Иванович жене, вернувшись с завода ЖБИ. – Тут всё в порядке. А Алексей от его предложения отказался, пренебрёг большими возможностями. Ка­залось бы, что ещё надо молодому человеку, сильному и ли­тературно образованному? И издательство бы поднимал, и журналистикой занимался! Становился бы личностью! Нет, главное – деньги зашибать! Сразу и много! Чисто обыватель­ское мировоззрение! Мы внушали ему добродетели, а он, как вырос, проявил пороки! В голове это не укладывается! Обидно и досадно!

– Наверно, мы чересчур строги к Алексею, – сказала Вера Валерьяновна. – Я его ругаю, но иногда задумываюсь о том, что нам легко осуждать его с позиции наших понятий, но мы не учитываем веяний времени, больших соблазнов, голово­кружения от свободы. Это ведь как вихрь. Подхватил и по­нёс.

– Вихрь вихрем, но куда базовое-то воспитание подева­лось? Был романтиком, брал хороший пример с родителей, ставил перед собой высокие цели, а стал махровым обыва­телем с пустыми интересами, жадой наживы, но без чув­ства ответственности и гражданской, и сыновней, и роди­тельской. А какие веяния заставили его бросить пятидесяч-

ную дочь и взвалить её воспитание на плечи своих родителей, а дальше разойтись с Ириной и наскоро жениться во второй раз?

– Я с тобой согласна, – ответила Вера Валерьяновна. – Но как там у них с Ириной на самом деле происходило, нам неизвестно. Она, сам знаешь, не из милых, весёлых, общительных женщин и не из умелых заботливых хозяек. Алексею, конечно, жилось с ней нелегко. Ну развелись и развелись. Что же делать? Так поступают теперь многие. Нам, чуть не полвека прожившим в супружеской верности и взаимном долготерпении, их отношения нелегко понять.

– Мне кажется, понять нетрудно, – сказал Чугунов. – Прежде всего, оба эгоисты. Но больше всего меня волнует судьба ребёнка...

Он осёкся и перестал ходить по гостиной, так как, бросив заниматься скрипкой, к деду с бабушкой пришла Настя. Она внимательно, пытливо посмотрела на старших, и они запоздало спохватились, что рассуждали слишком горячо. «Слышала или не слышала? Поняла или не поняла?» – думали они и ждали, что внучка станет пытаться их нервными расспросами. Но она, молча постояв, вернулась к себе в комнату и опять заиграла на скрипке. Дед с бабушкой намеренно заговорили о другом.

Так, как разошлись Ирина с Алексеем, расходится немало супругов, хотя в каждом разводе есть что-то своё, особенное. Алексею надоела капризная, ревнивая, болезненная жена, и однажды в майские праздники он сознательно не избежал с ней ссоры, вспыхнувшей из-за бытового пустяка; хлопнул дверью и поехал в Григорьевск, уведомив родителей, что едет в гости.

Родители ждали его, и Настя с нетерпением ждала, но родного порога он не достиг. Алексей вздумал провести школьного товарища Илью Дворкина и сошёл с автобуса возле его дома.

Илья долго тряс его руку, оглядывал Алексея и хлопал по плечу.

— Молодец! Молодец, что зашёл! Как раз вовремя! Встречу хорошенько отметим! Не оглядывайся! Я один в трёхкомнатной квартире! Предки мои за границей, работают в Арабских Эмиратах!

Гость тоже оглядывал старого приятеля, длинного, худого, носатого и рыжего. С тех пор, как они виделись в последний раз, Дворкин возмужал, но, похоже, остался озорным малым, которого учительница выставляла из класса за дурное поведение. Алексей сказал, что заскочил по пути и ненадолго, что торопится к родным, но Дворкин зашумел:

– Не-ет! Так не отпуска! И не думай! Раз в сто лет заходишь, москвич чёртов! Сейчас Косте Репину позвоню и Лене Жуковой! Прибегут, как узнают, что ты у меня в гостях! Мы тебя часто вспоминаем!.. Многие из нашего класса куда-то исчезли, а с Костей, Леной и ещё некоторыми ребятами мы иногда встречаемся. Сегодня праздник! Грешно не посидеть вместе! А с родными успеешь свидеться!

Он подтолкнул товарища, завёл в хорошо обставленную большую комнату, и взялся за кнопочный телефон на полированной тумбочке.

– Что ты делаешь? – сказал Алексей. – Ребята придут, а мне надо уходить!

Пришла Лена Жукова, кинулась Чугунову на шею и расцеловалась с ним. Следом за Леной появились Костя Репин и длинноногая блондинка, в ней Чугунов узнал Викторию Балицкую, тоже из одного с ним класса. Репин принёс гитару. Он со школьных лет хорошо на ней играл и хорошо пел блатные, приблатнённые и общеизвестные хорошие песни. «Как выросли и изменились ребята! – думал Алексей. – Мужики видом погрубели, а женщины расцвели...»

Дворкин суетился среди однокашников, обнимался с каждым.

– У меня тут бывает весело! – говорил он Алексею. – Ты бы, Лёха, скинул свой пижонский сюртучок, не то запачкаешь! Видишь, как остальные демократично одеты?

– Костя Репин, по-моему, не очень демократично одет, –

сказал Алексей. – У него и галстук под шикарным пиджаком, и цветной платочек выглядывает из кармашка.

– Ну, Репин у нас бизнесмен! Респектабельный мужчина! Он в одежде подчёркивает это!..

Чугунов снял пиджак серебристого цвета и повесил на спинку стула. Репин тоже снял пиджак. Компания ушла в просторную кухню-столовую, и те, кого Дворкин вызвал по телефону, достали из сумок спиртное и закуски.

«Ладно, – сказал себе Чугунов, – выпью немного с друзьями и пойду. Надо позвонить домой, предупредить, что задерживаюсь, но скоро буду».

В столовую выходила дверь застеклённой лоджии. Дворкин распахнул её и показал Алексею красный флажок, выставленный в окно лоджии и закреплённый на раме.

– Да здравствует Первое мая! – крикнул он.

И гости подхватили:

– Да здравствует Первое мая!

– Это – завтра, – сказал Алексей, – а сегодня – тридцатое апреля.

– Стало быть, завтра опять крикнем и вздрогнем!..

В застолье мужчины вдруг повели разговор о современных российских живописцах. В школьные годы они вместе ходили в изостудию, тратили время и силы, изводили бумагу и краски. Каждый счёл себя тогда причастным к богеме, прочёл книгу Перрюшо о Ван Гогe, роман Ирвинга Стоуна «Жажда жизни» и надумал стать великим художником –

страдальцем. Это их объединило.

– Мне из современных нравятся Глазунов и Шилов, – сказал Алексей.

– Ну, старик, ты и ляпнул! Убил наповал! Живёшь в столице, видишь передовые направления искусства, а пропитан духом провинции и консерватизма! – Дворкин крутил ржавой головой, отведя в сторону руку с дымящейся меж пальцев сигаретой. – Глазунов и Шилов – это фуфло, мазила, сучки, зола, в лучшем случае – позавчерашний день русской живописи!..

– Ну, не скажи!..

– А мне они тоже нравятся, – поддержал товарища Костя Репин.

– Вы что, мужики? Не видели их картин? – заорал Дворкин, вытягивая шею и багровея, в упор глядя на одного и второго.

– Я бывал на их выставках, – ответил Алексей. – Мне в их работах нравится именно здоровый консерватизм, русская тематика и традиция. Не люблю мазню космополитов и дилетантов.

– А Шилова выставка к нам сюда приезжала, – сказал Репин, парень спокойный и немногословный.

– Был бы сам великим художником, – поддела хозяина дома Виктория. – А то никакой не художник, а знаменитостей ругаешь.

– Там теперь какой-то Никас объявился, – сказал Чугу-

нов. – Вот он Илье, наверно, больше всех по душе.

Дворкин посмотрел на него, пошевелил губами, но не придумал, что сказать. Лена Жукова весело захлопала в ладоши.

Компания попросила музыки. Илья пошёл к проигрывателю и включил «записи».

– Потанцуем? – спросил Алексей Викторию, сидевшую рядом.

– Потанцуем.

Он повёл её под музыку с рваными ритмами, под которую Дворкин и Лена уже прыгали друг перед другом. Репин сидел за столом и подстраивал семиструнную гитару, приблизив к ней ухо.

– Собрались три потенциально великих художника. Один даже Репин, – насмешливо сказала Виктория. – Но никто из трёх не стал художником. Ты – журналаго, Репин – благонамеренный буржуй, участвует в туристическом бизнесе, а Дворкин – непонятно кто: ведёт беспорядочную жизнь и упорядочить её, то есть жениться, не собирается, ездит с бригадой рыбных перекупщиков, но мечтает пойти куда-нибудь охранником. На худой конец, просто сторожем, как пенсионер, хотя молод и имеет высшее образование. Многие молодые способные мужики вдруг захотели стать сторожами. Ты не замечал?

– Замечал. Это синдром равнодушия ко всему на свете, желание замкнуться в себе и не участвовать в том, что вокруг

творится. У Леонида Андреева в одном из рассказов хорошо сказано: «Вы там себе деритесь, а я – засну». В перестройку такое явление возникло. Журналисты писали о нём... Ну, а вы, кто не был потенциальным художником, как устроились в жизни?

– Вполне заурядно. Мы с Леной женщины разведённые. У неё маленький сын, у меня дочь. Лена – училка. Она и мечтала быть училкой. Я работаю на механическом заводе, из цеха перешла в заводоуправление, взяли делопроизводителем. Жду, когда предприятие закроется или попадёт в частные руки. Сейчас всё закрывается или скупается. Ленка ласковая и восторженная – посмотри, как блестят у неё глаза, – а я разочарованная. Хочу опять выйти замуж и разбогатеть.

– Помню, какая ты была в школьные годы, – сказал Алексей. – Ходила как модель на подиуме, нравилась многим мальчишкам, но никого к себе не подпускала.

– Это было давно, – ответила Виктория.

– Значит, ты теперь не Балицкая?

– Нет, Комарова.

– У меня тоже дочка, – сказал он. – Живёт в Григорьевске с бабушкой и дедушкой.

– А почему не с отцом и матерью?

– Так сложились обстоятельства. Долго объяснять.

– Значит, ты из всех нас единственный состоишь в браке.

Ну, ещё Лена с Костей Репиным состоят в незаконном, нынче у нас принятом. Дай им Бог расписаться в загсе.

– Что, Лена с Костей дружат? А я по их поведению этого не заметил.

– Они оба скромные, сдержанные, – сказала Виктория. – Но посмотри, как Ленка с Дворкиным отплясывает! Костя не любит танцевать...

Плясовая музыка смолкла. Репин отодвинулся от стола, закинул ногу на ногу и заиграл на гитаре с особым шиком: приняв вид скучающего человека, равнодушного и к гитаре, и к своим виртуозно действующим пальцам, и к публике. У него было гладко бритое лицо, но удлинённые тёмные баки, на пальце правой руки перстень с камнем.

Пели хором «Подмосковные вечера», «Эх, дороги...», «По долинам и по взгорьям...», «Гибель «Варяга» и «В Кейптаунском порту», «Чайный домик», «Ванинский порт», «Мурку».

Потом Илья Дворкин сказал:

– А не закурить ли нам, братцы, травки по косячку? У меня есть.

– Я пас, – сказал Репин, подняв обе руки.

– А я не против, – ответил Чугунов.

– Вы что, мальчишки? – возмутилась Лена Жукова. – Оба уже пьяные!

– А я тоже закурю, – сказала Виктория.

Репин попрощался со всеми за руки, сходил в комнату надеть пиджак, и они с Леной ушли.

Остальные свернули сигарки с коноплёй и покурили.

Дворкин с Чугуновым ещё выпили. Алексей собрался пойти домой, привстал со стула и от сильного головокружения шлёпнулся на пол. Он тут же пустился в сонный полёт на полу, а проснулся на широком диване под лёгким покрывалом, улавливая аромат духов и ощущая близость женщины.

– С добрым утром, – сказала Виктория и погладила его по голове.

Они стали переговариваться по мобильному телефону. Несколько раз Алексей втайне от родных бывал в Григорьевске и встречался с Викторией у Дворкина. Однажды она привела его к себе домой и представила матери:

– Это мой школьный товарищ. Мы с ним встречаемся. Он живёт в Москве.

Алексей увидел, что, хоть Виктория и знакомит его со своей матерью, но за свои поступки перед ней не отчитывается.

– Маму зовут Асей Львовной, – сказала она возлюбленно-му.

– Очень приятно, – отозвался он.

– А вас как зовут? – спросила его Ася Львовна.

– Алексеем.

– Вы женат?

– Разве заметно? – Он пытался отшутиться, но чувствовал, как от стыда теплеют его щёки и уши.

– Я так подумала.

– Что ты накинулась на Алёшу? – сказала Виктория. – Не успел прийти, как засыпала его вопросами!

– Должна же я знать что-нибудь о человеке, который с тобой встречается и которого ты привела к нам?

– Да, я женат, – ответил Алексей.

– Ну, вы, наверно, человек разумный. Знаете, что делае-

те, – сказала Ася Львовна.

Она была небольшого роста, старая, но не дряхлая, худенькая и сухонькая женщина. Косицу из жидких волос мать Виктории закрутила на темени в плоскую спираль и приколотла железными шпильками. Над сморщенной её губой темнели усики; её слабые глаза шурились за толстыми стёклами очков в пластмассовой оправе. Она ещё с минуту постояла перед Алексеем и дочерью, скрестив на животе руки и приклонив голову, повернулась и ушла в другую комнату.

Пока взрослые разговаривали, за ними наблюдала со стороны белобрысая девочка одних с Настей лет – так прикинул Алексей. Когда Ася Львовна вышла, девчушка встала в дверях комнаты и помялась, прислонясь к дверному косяку.

– Он кто? – спросила она. – Мой папа?

– Нет. Это Алексей Андреевич, – ответила Виктория. – Зайди в комнату, не торчи в дверях.

– А зачем он пришёл, раз не папа?

– Потому что Алексей Андреевич мой друг. Он пришёл ко мне в гости. Ты неуважительно о нём говоришь. Мне это не нравится. Нехорошо спрашивать о госте, да ещё в его присутствии, зачем он пришёл.

– Иди ближе. Хочешь, тоже будем дружить? – позвал девочку Алексей и смутился от мысли, что пробует обласкать чужую безотцовщину, а не собственную. – Я познакомился с твоими мамой и бабушкой, давай с тобой знакомиться.

– Давай, если хочешь. Меня зовут Яной.

– Иди, я пожму тебе руку.

Девочка подошла, и он, пожимая ей руку, снова думал о Насе.

Поняв, что явился некстати, растревожил семью, Алексей поспешил уйти. Виктория пошла его проводить...

В следующий свой приход в дом подруги он услышал от Аси Львовны более, чем прежде, неприятный вопрос:

– Ваша жена, конечно, не знает, что вы ездите к другой женщине?

– Безусловно, – ответил он с некоторым вызовом.

– У вас серьёзные виды на Викторию, женщину с ребёнком? – спросила Ася Львовна.

– Да, серьёзные. Хочу развестись с теперешней женой и жениться на вашей дочери. Она согласна.

– А что, с теперешней уже нажились?

– Мама! – закричала Виктория. – Перестань! Ты задаёшь бестактные вопросы! Отношения Алексея с женой и наши с ним тебя не касаются! Мы взрослые люди!

Алексей ждал, что Ася Львовна тоже закричит, и она уже открыла рот для крика, но потом махнула рукой и ушла со словами:

– Делайте, что хотите!

Её решение больше не вмешиваться в дела дочери и Алексея, брошенное сгоряча, впоследствии воплощалось в дело. «Зачем мне это нужно? – думала мать Виктории. – Учить уму-разуму таких великовозрастных – себе дороже!»

Чуя измену, приглядываясь к мужу и изводя его расспросами, Ирина довела себя до приступа неврастения. Однажды она двинулась на Алексея с кулачками, побелевшими от судорожного сжатия, но возле него рухнулась на пол и забилась в истерику. В этом происшествии муж увидел повод для разрыва, сказал Ирине, что хочет с ней развестись, и она завизжала, хватаясь за голову.

– А что у вас могло выйти хорошего, – сказала Татьяна Ивановна, – если каждый только о себе печётся? Вон и ребёнок сбагрили куда подальше, чтобы не думать о нём!

Близи́лась зима, поздно светало, было ветрено, пасмурно, слякотно. Опять дед с внучкой рано утром шли знакомой окраинной улицей, и Андрей Иванович держал Настю за руку и нёс скрипку. Дворцы богатеев, заложенные тут год назад из белых, жёлтых, красных кирпичей, уже отстроились и встали за плотными высокими заборами, некоторые заборы хозяева отлакировали. Тесня бедные подворья, поднимались и новые расписные терема. Тихая уютная улица, похожая на деревенскую, всё более превращалась в спальный район толстосумов, местных и приезжих, светлолицых и тёмнолицых. Одни фонари на столбах вдоль дороги теперь совсем не горели, в других лампочки слабо накаливались, проливая на сырую землю тусклый сиреневый свет. Но озарялись дворцы, и лучи их огней достигали улицы. Проходя мимо двухэтажного особняка с остроконечной цинковой крышей и флюгером в виде ощеренного чёрного кота, со стрельчатыми зарешеченными окнами, угрюмого, как замок Дракулы, Андрей Иванович проворчал:

– Вот понастроили! Была такая милая улочка! Прежде идёшь по ней, и душа радуется! Взяли и испоганили кашеевыми домищами!

– Почему испоганили? – сказала Настя. – Ведь красиво.

– Что ты видишь в этих домищах красивого? Красиво

– когда успокаивает, радуется, когда просто и естественно, а здесь – всё наоборот! Посмотри на этих уродов! Что за стили? А никаких стилей нет! Просто выпендрёж, любимый богатыми дураками!

– А кто в этих домах живёт? – спросила Настя. – Дураки, да?

– Ну, и дураки тоже. А главное – воры! Бандиты! Мыслимо ли на честный заработок выстроить такие хоромы!

– Почему же этих воров и бандитов не забирают в милицию?

– Почему?.. В самом деле, почему? Не знаю и трясусь от злости. Время такое. Когда придёт другое время, их заберут и посадят в тюрьму, если они доживут до тех пор. Раньше воры прятались, а теперь вылезли из всех щелей, узнав, что ничего им за воровство не будет...

Андрей Иванович сразу пожалел, что завёл с внучкой недобрый разговор, отравляющий ей светлое мирозерцание. А Настя подумала, поморщилась от напряжения ума и рукой в варежке сдвинула со лба на затылок вязаную шапку. Она не всё поняла из того, что сказал дед, но не стала переспрашивать. Несмотря на его ворчание, пасмурную погоду и поздний рассвет, настроение у неё было хорошее. Снова она по пути гладила кошек и собак, и опять Андрей Иванович боялся, что какой-нибудь страшный пёс от движения ласкающей детской руки, кинется на ребёнка.

– Что хихикаешь? – спросил он.

– Представила, как ты пляшешь польку-бабочку! Ой, не могу! Такой большой, с усами, а машешь крылышками и прыгаешь в коротких штанишках!

– Опять ты про польку-бабочку... Где хоть слышала про неё? Верно, есть такой старинный бальный танец. Но ты откуда о нём знаешь?

– Бабушка мне рассказывала. Она говорила, что, когда была маленькая, то надевала крылышки и танцевала польку-бабочку. А потом вы с ней вместе танцевали.

– Да не очень уж и маленькая бабушка в то время была, в классе седьмом-восьмом училась. Тогда еды людям не хватало, война с немцами не так давно закончилась; но многие девчонки и мальчишки и в аэроклубах занимались, и в кружке бальных танцев, – заговорил дед с интересом к своим воспоминаниям. – Кроме польки-бабочки есть ещё простая полька, потом падекатр, падеспань, падепатинер, молдовеняска, венгерка, а среди них первое место занимает вальс. Сейчас, похоже, остался в обиходе только вальс. Ясное дело, его на дискотеках не исполняют – только на конкурсах и прекрасных вечерах, где собираются культурные люди. А в нашей с бабушкой молодости многие любили покружиться в вальсе. Я тоже кружился, и польку-бабочку отплясывал, правда, без крылышек и в длинных штанишках. И усы у меня тогда не росли. Я был подростком. Что ещё интересного бабушка тебе о своей молодости рассказывала?

– Ещё говорила про то, как вы с ней познакомились и по-

женились. Она была уточкой, а ты селезнем, и вы плавали по озеру. Ты её позвал: кря-кря, – подплыл и влюбился. Правда, что ли?

– Ах, она проказница, твоя бабушка! – сказал дед. – Раскрыла нашу глубокую тайну! Конечно, не совсем так было, как она тебе рассказывала, кое-что запомнила. Сперва я, возможно, плавал селезнем, хвост перед уточкой распускал, а дальше мы вместе обернулись людьми, довольно красивыми, и я приплыл к бабушке морем на большом пароходе. Тут-то и влюбился по-настоящему. И вот мы дожили вместе до старости...

С приближением к подъезду музыкальной школы, дед с внучкой замолкли и сосредоточились. Работа им предстояла серьёзная. Сегодня по расписанию девочка осваивала два инструмента, в первую очередь фортепьяно. На скрипке она играла охотно, а стучать по клавишам ей не нравилось. Андрей Иванович вёл дневник Настиных занятий. Так как внучка была скрипачкой, то он увлекался и проникался, главным образом, её скрипичными уроками. А позднее жалел, что мало написал в дневнике про уроки фортепьяно.

– Вон она! Вон она! – зашептала Настя деду. – Сейчас опять будет моими пальчиками по клавишам стучать!

Высокая чернявая женщина встала из-за фортепьяно и обняла себя за плечи, прикрытые шалью.

– Настя! – сказала она. – Я всё слышу! Не у тебя одной тонкий музыкальный слух! Когда я твоими пальцами стучала по клавишам? Ну-ка, выходи из-за дедушкиной спины! Проходите, пожалуйста, Андрей Иванович!

– Благодарю вас.

Класс был тесный, узкий. Чугунов боком прошёл между стеной и раскрытым фортепьяно, вынул из сумки ноты и отдал их Насте, положил скрипку и сумку на подоконник и сел в углу на стул.

– Так я стучала твоими пальцами о клавиши или не стучала? – спросила учительница Настю, вставшую перед ней с опущенной головой.

– Ну, стучала... Не стучала, что ли?

– Когда же? Вот твой дедушка всегда присутствует на уроках. Он всё видит. Спросим его. Скажите, Андрей Иванович, вы когда-нибудь видели, чтобы я вдруг схватила руку вашей внучки и пошла барабанить её пальцами о клавиши?

– Нет, не видел, Полина Рудольфовна. Этого не было.

– Выходит, Настя, ты меня сознательно оговариваешь?

– Она фантазирует, – сказал Чугунов. – Большая фантазёрка наша внучка.

– Нехорошо, Настя, – сказала пианистка. – Некрасиво. Если тебе не нравятся занятия со мной, ты можешь пойти к директору и попросить себе другого педагога. Мне будет обидно, но я пойму. Но зачем возводить на человека напраслину? А мне вот работать с тобой интересно, несмотря на твой причудливый характер. Мало того, я считаю тебя одарённое многих ребят твоего возраста. Ты всё легко схватываешь и быстро движешься вперёд...

– Говорите, легко схватываю, а сами исправляете и исправляете мои руки. Надоело.

– Подожди! Разве на уроках скрипичного мастерства тебе уже не делают замечаний по постановке рук? Ты там только играешь? Как же тогда звучит твоя скрипка? Представляю! Наверно, уши вянут!

– Делают мне там замечания, – ответила Настя, снизу одним глазом посматривая на педагога. – На каждом уроке мучают. Тоже надоело. Но скрипка – это будет моя специальность, и я изо всех сил терплю. Ни у кого уши не вянут, когда я играю на скрипке. У меня альтовое звучание. Приходите и послушайте.

– Приду непременно... Но и фортепьяно – твоя специальность! Твоя будущая специальность – музыка! Запомни: постановку рук при игре на любом инструменте педагоги будут с тобой оттачивать и в музыкальном училище, и в консерва-

тории. А ты как думала? Техника – труднейшее дело, особенно первоначальная: постановка рук. Садись скорее за фортепьяно! Сколько времени мы потратили на разговор! Перестань дуться! Постарайся быть дружелюбнее!

Настя подошла к инструменту и, посапывая, села перед ним. Сбоку к ней подсела пианистка. В классе было холодно, отопление запаздывало. Полина Рудольфовна сказала ученице:

– Ну-ка, поработай пальчиками, чтобы потеплели. Несколько раз сожми их и разожми.

– Я не озябла, – ответила Настя, но сделала, как просила учительница.

Она поставила руку пальцами на клавиши, и тут же учительница поставила рядом свою красивую узкую руку, а детскую взяла за запястье и поправила на ней изгиб пальцев. Потом она нажала Настиной пятернёй на клавиши, сказав:

– Вот в таком положении они должны готовиться к работе.

Ученица не преминула заворчать:

– А говорили, не хватаете мои пальчики и не стучите ими!

– Ну что ты за человек! – воскликнула Полина Рудольфовна. – Ладно, играй гаммы. Не забывай только мысленно считать и думай, что и как делаешь.

Настя играла одной рукой, потом двумя, медленно и быстрее, в ритме пешего движения, неторопливого бега и плавного полёта – так образно называла пианистка исполнение половинных нот, «четвертушек», «восьмушек» и «шестна-

дцатых». Ещё несколько раз Полина Рудольфовна исправляла ученице постановку рук. Она сделала ей замечание и по осанке и, взмахнув изящными кистями, сама проиграла те места звукоряда, где затруднялась работа пальцев при переходе с позиций в позиции, с клавиш на клавиши.

В классе горел электрический свет. В свете сиял полированной чёрный рояль, прекрасно густо звучащий. Настя училась музыке третий год, девочка подросла настолько, что её ноги, когда она сидела за роялем, уже становились на полную ступню, а не свисали со стула, лишь носками дотягиваясь до пола. Вслед за гаммами, как и на занятиях по скрипке, она играла арпеджио, этюды, а в заключение – пьесы из «Детского альбома» Чайковского, отрабатывая всякое задание настолько тщательно, насколько ей позволяли музыкальные способности и физические силы.

Взглянув на часы, Полина Рудольфовна минута в минуту окончила урок, и Настя, схватив ноты с подставки фортепьяно, бросилась запикивать их в дедову спортивную сумку, торопясь успеть ко времени на урок скрипичной игры. Пианистка встала, подтягивая на груди концы шали, и вмиг утратила строгий учительский вид, сделалась просто молодой красивой женщиной, утомлённой занятием с Настей.

– Понравилось вам, как мы сегодня работали? – спросила она Чугунова.

– Да, – ответил Андрей Иванович. – Мне интересно сидеть на музыкальных занятиях. Всё для меня в них необыч-

но. Каждый раз я попадаю в сказку. С детства люблю музыку, но прежде, главным образом, слушал, а теперь и образываюсь: узнаю имена композиторов и их замечательные произведения. Запоминаю термины. Среди немусыкантов могу уже блеснуть.

– Что ж, – сказала учительница, – желаю дедушке не уставать наслаждаться музыкой, а внучке любить фортепьяно не меньше, чем скрипку, и помнить, что этот инструмент, как никакой другой, согласуется со скрипкой.

– Привет! – сказала ей Настя, выходя из класса.

Лишь только Чугуновы перешли в скрипичный класс, педагог Корнилова сказала Насте:

– Доставай инструмент.

Девочка выложила на стол из футляра скрипку, смычок и канифоль в пластмассовой коробочке. Она потёрла волос смычка канифолью, взяла на фортепьяно ля первой октавы и подстроила скрипку – теперь ученица сама легко это выполняла.

Ей снова пришлось играть гаммы, упражнения, этюды, длинные, скучные, трудные, но обязательные для развития мастерства и слуха. Корнилова заходила Насте то с одного, то с другого бока, выискивая недостатки в работе её рук, в технике извлечения звука.

– Держи инструмент ровнее! – наставляла она ученицу в сотый раз. – Подними гриф на уровень плеча! Ты подбрасываешь над ним пальцы, этого нельзя делать! Пальцы должны удобно ложиться на гриф и свободно, естественно по нему скользить! Да отпусти ты смычок! Что стиснула его, как клещами? Жмёшь на струны и звук извлекаешь сдавленный, с хрипотцой! Легче надо работать!..

Настя старалась. От усилий, напрягавших её тело, нервы и психику, у юной скрипачки пересыхали губы, она их полизывала. Глаза её ловили выражение глаз педагога, лицо вдох-

новенно заострилось.

«Она посерьёзнела, — думал Чугунов, наблюдая с привычного ему места: из-за стола у стены. — Вот и куколок своих больше не приносит, удерживается от капризов и почти не жалуется на усталость, на боль в пальцах. Конечно, жалко внучку. И может быть, опасно подвергать её таким нагрузкам. А девочка ещё и в общеобразовательную школу стала ходить... Но ведь не только она: многие ребята и грамоте учатся, и занимаются искусством, наукой, спортом. Зато как радостно видеть облагороженных детей!»

— Стоп! Стоп! — скомандовала ученице Корнилова и хлопнула в ладоши. — Начни сначала! Води смычком плавнее, изящнее! Помни золотое правило скрипача: звук должен извлекаться не за счёт давления руки на струны, а за счёт веса смычка! Лишь тогда скрипка поёт чистым голосом, смеётся, как человек, и плачет, когда смычок непринуждённо скользит по струнам. Только при совершенном владении инструментом музыкант не думает о технике исполнения и может играть с глубоким чувством: инструмент перенимает состояние его души и раскрывает её слушателю. Иначе музыка выходит безжизненная, механическая... Ну, отдохни немного, — мягко сказала учительница. — Походи, помаши руками, глубоко подыши. Можешь выйти в коридор. А мы с твоим дедушкой побеседуем.

Она подсела к Чугунову.

— Вот о чём я хочу с вами поговорить.

– Слушаю вас, Лариса Владимировна.

– Пора покупать Насте скрипку побольше. Уже и «половинка» стала ей мала.

– Разве? – спросил он, разглядывая её лицо, на котором был косметический цвет лёгкого загара. – Мне казалось, Настя совсем ещё маленькая.

– Ну что вы! Она растёт! Вы не замечаете, а мне со стороны виднее! Ей будет удобнее играть на скрипке размером три четверти. Посмотрите, какие у неё длинные руки.

– Что ж, задача поставлена, – сказал Андрей Иванович. – Раз надо, значит, надо. Купим Насте скрипку «три четверти».

– Если хотите, я помогу, – сказала Корнилова. – Настину «половинку» продам кому-нибудь из своих учеников, а «три четверти» у них куплю. К вырученным деньгам, наверно, придётся немного добавить, но всё же это дешевле, чем купить новую скрипку. А зачем новая? Её нужно долго разыгрывать, чтобы звучала в полную силу. Инструменты, переходящие из рук в руки, уже разыграны.

– Конечно, – сказал Чугунов. – Мы с женой будем вам очень благодарны. И Насте интересно перейти на другую скрипку...

Лариса поднялась, выглянула в коридор и кликнула ученицу. Начиналась вторая половина их часового урока, посвящённая разбору художественных произведений. У Насти после короткого отдыха прибавилось сил, появился интерес

к работе. «Второе дыхание» высветило ей лицо. К третьему году учёбы она сыграла порядочно классической музыки. В её репертуаре были доступные ей пьесы Гайдна, Генделя, Моцарта, Сен-Санса, Чайковского, Свиридова, Шостаковича, Глиэра. Сегодня она знакомилась с заковыристой музыкой композитора Акколай и легко справлялась с первыми её тактами...

Когда урок закончился, Настя подступила к педагогу:

– А конкурс?

– Что – конкурс?

– Будем мы что-нибудь для конкурса разучивать или не будем? Света вон уже разучивает.

– Пусть разучивает, – ответила Лариса Владимировна. – Это их с Валерием Николаевичем забота. О конкурсах я тоже думаю. Мы с тобой выступим ещё не в одном. Но торопиться не будем. Конкурсы от нас не уйдут. Я хочу, чтобы ты выиграла серьёзное состязание. Для этого нужно всё как следует продумать, рассчитать силы, учесть опыт прошлого большого конкурса и хорошенько подготовиться. Побеждать, конечно, хорошо, похвально. Но гоняться за победой не стоит, она – не самоцель, я тебе уже говорила. Очень важен ход подготовки к конкурсу, усиленная работа, в течение которой ты укрепляешь навыки, восходишь, как скрипачка, на следующую ступеньку. Их, ступенек профессиональной подготовки и становления личности впереди у тебя будет много.

Андрей Иванович торопил внучку домой, ей надо было

поспеть во вторую смену в школу, но она не отступала от педагога:

– Вот и я хочу – на ступеньку выше. Свете, что ли, можно, а мне нельзя?

– Ты так сильно хочешь участвовать в конкурсе? – спросила Лариса, переглядываясь с Чугуновым.

– Да, сильно хочу.

– А не боишься? Не заплачешь опять, если проиграешь?

– Ещё чего! Я тогда маленькая была. А теперь они не увидят моих слёз.

– Кто они?

– А Светка с Валерием Николаевичем и эти, которые сидят в жюри. Если проиграю, то наоборот, рассмеюсь прямо на сцене. Пусть знают: мне смешно оттого, что они не могут понять, какая я способная. Но я, наверно, выиграю. Мне так кажется.

– Да, от скромности ты не умрёшь. – Корнилова с усмешкой поразглядывала девочку. – Хорошо. К следующему уроку я подберу тебе конкурсные произведения. Подготовимся, поучаствуем в городских и областных состязаниях, а в крупном – через год. Согласна? За год повыступаем в школах, в смешанных концертах юных музыкантов. Это отличная практика. На следующем региональном конкурсе надо сыграть без сучка, без задоринки.

В конце сентября Андрей Иванович вдруг оказался в Доме политпросвещения, органе ещё не совсем порушенной советской власти. Он узнал, что двадцать восьмого числа в Доме сойдутся «представители общественности области и Советов всех уровней» – так значилось в газете «Григорьевские ведомости», – и захотел поинтересоваться.

Собрались встревоженные люди по поводу мрачных событий в Москве. События отражали борьбу за власть, «дворцовые интриги»: первый президент России Ельцин, скинув с престола первого президента СССР Горбачёва, вступил в контры с Верховным Советом. Их противостояние усиливалось с каждым днём; и судя по журналистским сводкам, Ельцин готовился послать военных на штурм здания Верховного Совета, где в надежде отстранить его от власти засели депутаты.

В амфитеатре зрительного зала не видно было свободных кресел. Собрание Дома политпросвещения гудело. Его участники кричали с трибуны и с мест, кляня Ельцина, как врага России, организатора антигосударственного переворота. Отдельной кучкой сидели «демократы». Они отмалчивались, выжидали, вслушивались...

После горячих речей началась запись в «ополчение», готовое ехать в столицу на защиту Верховного Совета. «Непло-

хо было бы самому увидеть, что там происходит», – сказал себе Андрей Иванович, подошёл к столу на сцене и тоже записался у престарелого отставного полковника, явившегося на собрание в полной военной форме, при боевых орденах. Тут же за столом собирались пожертвования в пользу добровольцев. Чугунов получил «суточные» и «проездные». Дома он озадачил жену сообщением, что срочно уезжает по делам, а тридцатого сентября простился с близкими и после полудня отбыл с группой мужчин в Москву на электричке...

Путь «ополчения» Чугунов отметил в записной книжке, предполагая сделать очерк о походе григорьевских ребят на защиту Верховного Совета. Группа спустилась в метро и проехала до станции Баррикадная. Ею руководил мужчина с суровым лицом, в кожаной куртке и фетровой шляпе. Он был вчера в Москве, видел обстановку противостояния, знал, куда и как идти. Андрей Иванович запомнил фамилию старшего – Мамин. На Баррикадной при выходе из-под земли милиционеры по каким-то признакам выбирали людей из толпы и оттесняли от эскалатора. Мамин предупредил:

– Не оглядывайтесь. Сделайте вид, что каждый идёт сам по себе.

«Ополчение» благополучно прошло к эскалатору, и Андрей Иванович спросил Мамина, почему милиция выпускает из метро не всех. Старшой ответил:

– Задерживают тех, кто много раз тут ходил и примелькался. Примелькавшихся подозревают в поддержке депута-

тов, засевших в Совете. Опасаются митингов, восстания. Я не впервой тут иду, но не примелькался, потому что надеваю то плащ, то кожан, то кепку, то шляпу, то в очках хожу, то без очков.

Добровольцы вышли на поверхность и увидели сплошные милицейские заслоны. Солдаты в шлемах, шинелях и сапогах, с чёрными резиновыми дубинками и белыми пластиковыми щитами до земли, с нахмуренными лицами, стояли в две шеренги одна против другой, создавая от подъезда метро живой коридор. «Похожи на псов-рыцарей из памятного фильма Эйзенштейна», – подумал Чугунов.

Группа зашагала сквозь строй. Андрей Иванович ждал привычных окриков и топота кованых сапог, но здесь никого милиционеры не трогали. Пройдя между их шеренг, григоровчане наискось пересекли мостовую и углубились в мелкие улицы, а потом в проходные дворы. Дальше тоже кругом стояла милиция. Её боевые порядки перекрывали те улицы и проулки, дворы и скверы, по которым можно было приблизиться к Верховному Совету.

– Блокировали, гады, все входы и выходы! – басом ругался Мамин. – Мышь не проскользнёт! Идём не так, как удобнее, а как ведёт нас милиция расстановкой своих отрядов! А вчера было свободно!

Добровольцы лезли через заборы, срывались в какие-то ямы и карабкались наверх. Ждали, что где-нибудь отыщется проход к намеченной цели, маячившей совсем недалеко; но

окружение Дома Советов было продумано до мелочей.

Было холодно. Все в группе Мамина оделись потеплее. Андрей Иванович надел чистую синюю телогрейку, зимнюю шапку и обул кирзовые сапоги с вязаными носками. Тяжело гружённая сумка, висевшая на его плече, натирала ему бок рёбрами банок с рыбными и овощными консервами. Он высыпал в неё дома и полведра картошки – всё в пользу возможных защитников Верховного Совета. На лбу его и спине выступала испарина; дыхание его сбивалось, ноги тяжелели, поламывало поясницу.

Быстро темнело. «Ополчение» вышло на Красную Пресню, остановилось с краю тротуара, бросило к ногам сумки; курящие закурили. Толпы людей заполнили Пресню. Народ ходил по ней взад-вперёд, собирался кучками, обсуждал происходящее. Молодёжь бегала на середину мостовой, загромождала путь машинам и весело орала: «Ельцина на мыло!.. Под суд!..» За озорничавшей молодёжью тяжело и понапрасну гонялся милицейский отряд, тоже обеспеченный щитами и дубинками. На улице загорались жёлтые фонари. Зрело возбуждение толпы, и Чугунову казалось, что она может взорваться какими-то безоглядными действиями...

Старшой сказал, что вчера был в штабе Анпилова, одного из видных деятелей, руководивших сопротивлением Ельцину. В штабе регистрировались охотники защищать Верховный Совет, и там помогали иногородним устраиваться с ночлегом. Мамин хотел отвезти товарищей к Анпилову, но

передумал. Он предложил им попытаться достичь цели под покровом темноты, и Андрей Иванович удивился тому, что усталые голодные ребята согласились.

Опять ходили задворками вокруг Дома Советов, искали щель; но милицейские кордоны стояли плотно, и ночью под фонарями они выглядели страшнее, чем днём. «Ополченцы» посовещались: а не протаранить ли всем скопом цепь солдат? Мамин предупредил:

– Нельзя силой. Могут догнать и побить, а то и застрелить.

Пробовали договориться. Подошли к отряду, загородившему узкий проход меж старыми пятиэтажками; но офицер не захотел слушать ходоков и прогнал их. В другом месте на пути встало подразделение крупнее. За его спинами Чугунов увидел два бэтээра, выступавшие из-за дома, а перед ними горел костёр, стояло в пирамиде стрелковое оружие и двигались крепкие мужики в пятнистых одеждах – это уже были не просто милиционеры. Снова добровольцы просили пустить их к Дому Советов. Они убеждали, настаивали и горячились. Солдаты в шеренге хмуро молчали, а лейтенант вежливо отвечал одно и то же: «Не имею права. Не положено».

Вдруг несколько омовцев отошли от костра и скорым агрессивным шагом направились к милицейской цепи. Они разорвали цепь, и «ополченцы» поняли, что здоровяки идут к ним.

– Атас! Разбегаемся! – скомандовал Мамин.

Группа кинулась врассыпную.

Чугунов тоже побежал, прихрамывая. Тяжёлая сумка мешала ему. Он поднялся в горку, нырнул в лесок или заброшенный парк, но, потеряв силы, скоро остановился, сбросил сумку на землю. Присев на сумку возле тонкого дерева, Андрей Иванович тяжело дышал и прислушивался к удалявшимся звукам: треску сучьев под чьими-то грузными шагами и к возбуждённым мужским голосам. Отдышавшись, он встал, снова взял сумку на плечо; взгляделся в темень и, натываясь на деревья, запинаясь о сучья, напрасно искал товарищей, с которыми толком и не познакомился; звать их он опасался. В каком направлении следовало ему идти до выхода на улицу, Чугунов не знал, и теперь он думал лишь о ночлеге у Шитиковых; время было позднее, и уехать в Григорьевск он уже не мог.

Впереди, совсем близко мелькнул луч света, преломлявшийся меж деревьев. Сучья трещали близко, и грубый голос произнёс:

– Слияли! Перепугались!

Андрей Иванович увидел силуэт человека, державшего большой электрический фонарь, и его лицо, смутное в отсветах фонаря. Луч повернулся к Чугунова, ослепил его, и тот же голос сказал:

– А вон там кто-то идёт.

Чугунов шёл на омовцев, но повернул в обратную сторону и, собравшись с духом, выдержал неторопливый шаг.

– Стой! – крикнули ему.

Он продолжал идти.

– Стой, тебе говорят!

Андрей Иванович остановился.

К нему подошли двое могучих военных в пятнистых куртках с меховыми воротниками, в тёмных шлемах с подбородниками; у того и другого с кистей рук свисали резиновые дубки.

– Почему не останавливаешься по первому требованию? – спросил военный с грубым голосом.

– Не слышал, – ответил Чугунов. – Задумался.

– Кто такой?

– Приезжий. Житель Григорьевска. Литератор.

– Почему бродишь по лесу? Куда направляешься?

– Теперь иду на отдых. Ваши парни к Дому Советов не подпустили. Никак не выберусь из леса.

– А! Это ты вместе с приятелями рванул от нас?

– Я. Мы вас боимся. Читали, будто столичные омоновцы избивают всех подозрительных, в электрички и автобусы врываются, даже убили кого-то. Вы вот сразу взялись говорить со мной угрожающе, как с преступником, тыкаете незнакомому человеку, а я ведь много старше вас. Пожалуйста, опустите фонарь, не светите в глаза.

Военный опустил фонарь.

– Среди нас, конечно, встречаются всякие, – сказал он, помедлив. – Но и среди вашей пишущей братии есть настоя-

щие гады. Шастаете тут. Вынюхиваете, высматриваете; а потом, как возьмётесь писать, наврёте с три короба. Зачем вам Дом Советов?

– Думал поговорить с теми, кто успел собраться возле него. Слышал, мирные люди строят баррикады для его защиты. Нёс им продукты, хлеб у меня в сумке, консервы, картошка. Хочу увидеть антисоветский переворот. Возможно, когда-то напишу о нём личные впечатления. Обещаю: врать не буду.

– Не ввязывались бы в это дело, – сказал другой военный. – По-дружески говорим. Ни к чему вам, пожилому человеку, такая романтика. Мы вас понимаем, самим тошно... Могли бы даже провести вас через наш кордон, но дальше не пройдёте. На последнем капэпэ охрана ни за что не пропустит, а то и арестует для выяснения личности. Судя по всему, вы плохо знаете район возле Дома Советов и, если будете дальше тут ходить, можете случайно приблизиться к американскому посольству, а ихние снайперы стреляют без предупреждения по движущейся цели. Ехали бы домой. Всё равно ничего не выходите, а в беду можете угодить.

– Что, ожидается что-нибудь чрезвычайное? – спросил Андрей Иванович.

– Мы и так вам слишком много сказали, – ответил омоновец.

– Куда же мне теперь идти?

– Спуститесь вниз и идите вот в этом направлении. – Он

махнул рукой на которой висела дубинка. – Выберетесь на Арбат и дойдёте до метро. Спешите, уже за полночь.

Андрей Иванович едва успел в метро, на автобус, и за полночь добрался до дома Шитиковых. Он позвонил к ним, раз, другой, третий – никто не отозвался; позвонил ещё – снова гробовая тишина. «Умерли, что ли? Что делать? Ладно, посижу тут на лестнице, – подумал он. – Всё же теплее, чем на улице».

Андрей Иванович посидел на каменной ступеньке, привалясь боком к стене; зажмурил глаза и попробовал задремать, но не смог. Поднявшись на ноги, он опять стал звонить, а потом забарабанил в дверь кулаками и закричал:

– Это я, Чугунов! Мне негде переночевать! Пустите!

В квартире бывших сватов послышалось движение, повернулись запоры, дверь приоткрылась на длину цепочки, и заспанная лохматая хозяйка заворчала в узкую щель:

– Кто там? Что безобразничаете? Спать не даёте! Сейчас милицию вызову!

«Прекрасно поняла, что это я», – не усомнился Андрей Иванович и ответил:

– Неужели по голосу не узнали? Мне нужно переночевать! Так получилось, что я ночью оказался на улице! Простите за беспокойство!..

– Ну проходите. – Она пустила его в прихожую, замкнула дверь и подозрительно оглядела Чугунова, одетого в те-

логрейку, обутого в сапоги, с тяжёлой сумкой, висевшей на плече.

– Что это вы все затаились? – спросил Андрей Иванович. – Звонил, звонил! Стучал, стучал!.. У нас давно бы кто-нибудь выскочил за дверь и поругался! И темно в подъезде.

– Спят люди. А ещё боятся. Вон что в Москве творится, – отвечала она, завязывая пояс на халате. – Не шумите, пожалуйста, не то всех на ноги поднимете.

Раздевшись, Чугунов на цыпочках пошёл за Татьяной Ивановной в гостиную. Шитикова взялась застилать диван чистым бельём.

– Откуда вы? – спросила она.

– Оттуда. – Андрей Иванович мотнул головой. – От Дома Советов.

Шитикова посмотрела на него с беспокойством, недоверием и ушла из гостиной. Чугунов забрался под одеяло и уснул.

* * * Очнувшись, он огорчился, что проспал митинг на Смоленской площади. Митинг намечался на десять часов, а времени было около полудня.

К нему зашёл Шитиков.

– Проснулись? Вставайте! Я чаю подогрею!

– Мы одни? – спросил Чугунов, прислушиваясь. – А где остальные?

– На работе.

– Что, в Москве люди работают, несмотря на антисовет-

ский переворот и безработицу?

– У кого есть работа, работают, – сказал Шитиков, – а многие из тех, у кого её нет, митингуют. Вставайте! Охота пообщаться с понимающим человеком. Ну, вы и здоровы спать!

– Обычно я сплю часов семь-восемь. Но вчера крепко устал и наломался. Весь день ходил с тяжёлой сумкой, – ответил Андрей Иванович, потягиваясь и зевая. – До сих пор кости трещат.

– Где вас носило?

– А мы с группой ребят пытались пройти к Дому Советов.

– Мать честная! Ну, вы даёте! Что за ребята, с которыми вы ходили?

– Из нашей области, из районов. Я каждого и по имени не успел узнать. Они все молодые, вперёд шли, а я плёлся за ними. Знаю только, что безработные, предприятия их с перестройкой закрылись.

– Зачем вам это, Андрей Иванович, нужно? В ваши-то годы!

– Да захотелось, знаете ли, воочию увидеть, как происходят антигосударственные перевороты. А ребята шли на защиту Дома Советов. Многие для этого приехали из разных городов.

– Вон оно что! Не удалось вам, значит, пройти к Дому? Его теперь Белым домом зовут, по-американски.

– Не удалось. Милиция и омон сторожат подходы, никого не пропускают. Зря мотались, мёрзли и весь день были го-

лодные. Товарищей я растерял, когда мы бегали от омона. Едва хватило сил до вас добраться. Слышали, наверно, как я ночью давал о себе знать?

– Слышал. Открывать мы боялись. Район у нас отдалённый, бандиты ходят по квартирам, грабят и убивают. Вы уж извините.

– Но кто-то успел собраться у Дома Советов до того, как его блокировали, – в раздумье сказал Чугунов, поднимаясь с постели. – Их тоже крепко заперли. Слышал, пока ходил, что защитники строят баррикады на площади перед Домом.

– Защитники! – со смешком произнёс Шитиков. – Наверно, пацаны да старики, кому делать нечего! Ельцин, говорят, хочет штурмовать Белый дом. Тех идиотов, кто возле него собрался, как пить дать, перестреляют! У них, видно, и оружия нет!

– Ну, значит, и я идиот, – ответил Чугунов, – потому что мог оказаться среди защитников. Зря вы, Александр Васильевич, так неуважительно об этих людях отозвались. Думаю, они лучше многих. Совести у них больше, чем у других...

Он взял брюки со спинки стула и стоя натянул штаны на худые жилистые ноги; достал зубную щётку, короткое полотенце из бокового кармана сумки с продуктами и по поясу голый ушёл умываться. Надев рубашку и причесавшись, Андрей Иванович пошёл за Шитиковым в кухню. Вчера он очень хотел есть, но постеснялся сказать и лёг на пустой же-

лудок, а сегодня скверно себя чувствовал, еда не полезла ему в рот, и он ограничился чашкой кофе и бутербродом с маслом и сыром.

– Жаль, что проспал митинг на Смоленской площади! – сказал Андрей Иванович. – Надо было завести будильник, да неловко было ночью просить его у Татьяны Ивановны.

– Вы что, ещё и на митинг хотели идти?

– Да. Чему вы так удивились?

– Гляньте на себя в зеркало! Осунулись, глаза запали! Хорошо, что не пошли! Считайте, вам повезло! – отвечал Шитиков тревожной скороговоркой. – Там после митинга такое началось!.. Я смотрел телевизор! В последних известиях будут, наверно, повторять!..

– Посмотрим, – сказал Чугунов.

Ко времени передачи новостей он вместе с Шитиковым сел перед телевизором. О событиях на Смоленской «ящик» рассказывал долго и подробно. Толпа, на «голубом экране», вооружённая камнями, палками и железяками, кидалась под красными флагами на ряды милиции, а милиция через съёмные стальные загородки отражала атаки разъярённых граждан щитами и дубинками. Слышались проклятья, грохот ударов по пластиковым щитам. Нападавших сбивали с ног струями воды из водомётов.

– Что делается! Что делается! – повторял Шитиков, охая, ахая и ёрзая в кресле. – Озверели все! С ума посходили! Видите, Андрей Иванович, в какую заваруху вы попали бы, ес-

ли бы пошли? Там в толпе и раздавить могли, и дубинкой бы по голове огрели! Радуйтесь, что проспали!

– Да, я бы всего этого, пожалуй, не выдержал, – сказал Чугунов. – Сил бы не хватило. Но мне не радостно, что проспал. Выть хочется.

Он торопился домой; но Шитиков убедил его дожждаться Татьяну Ивановну: хозяйка просила мужа передать Чугунову, что хочет с ним поговорить. Андрей Иванович сказал Шитикову, что, раз не уезжает, то должен побыть один, подумать о вчерашнем походе и кое-что записать, пока не забыл. Александр Васильевич оставил его...

Вернулась с работы Татьяна Ивановна, следом явилась Ирина. Мать Насти, увидев Андрея Ивановича, встала к нему боком, через силу произнесла: «Здрассте», – и неестественно прямо, со слабой застылой улыбкой ушла к себе в комнату.

Татьяна Ивановна загремела в кухне посудой. Чугунов пришёл к ней.

– Я понимаю, что не дал вам ночью спать, – произнёс он. – Ещё раз извините. Вы хотели со мной поговорить?

– Хотела. – Она включила электрическую зажигалку и поднесла к конфорке газовой плиты. Зажигалка потрескала. Газ вспыхнул.

– Но вы за что-то на меня сердитесь?

– А вы думаете, нам не за что на вас сердиться? Лучше сказать: злиться. И не только на вас лично. Зачем вы с Верой Валерьяновной Ирку травили? Она с её мнительностью и самолюбием до сих пор бесится. Нам с отцом скандалы за-

катывает, зло на родителях срываает.

– Когда же мы её травили?

Андрей Иванович догадался, о чём речь.

– Когда оформляли опекунство над внучкой, вот когда! – через плечо отчитала его Татьяна Ивановна. – Устроили всё тихой сапой и сообщили Ирке на работу, что она бросила дочь!

– Тут вы, Андрей Иванович, конечно, не подумали! – сказал Шитиков, зашедший в кухню и расположившийся курить. – Сообщать на работу – это ни к чему!

Он сел на край изогнутого диванчика, приставленного у стены к обеденному столу, подвинул к себе пепельницу и задымил, положив ногу на ногу, играя шлёпанцем на пальцах голой ступни.

– Ступай чадить и подьелдыкивать на лестницу! – прикрикнула на него Татьяна Ивановна. – Иди отсюда!

Александр Васильевич скривился, ушёл и хлопнул наружной дверью.

– Было всё не так, как вы себе, Татьяна Ивановна, вообразили, – сказал Чугунов. – Постараюсь объяснить. Послушайте, пожалуйста.

– Слушаю.

– Помните, как мы с Верой Валерьяновной предлагали Вам взять Настю к себе? Вы отказались из-за нашего условия продолжать учить девочку музыке. В этом году мы повели её в общеобразовательную школу, и с нас потребовали справ-

ку об опеке. Мы обратились в опекунский совет. Там сказали: необходимо согласие родителей Насти на то, чтобы дед с бабушкой сделались законными опекунами ребёнка. Отец после недолгих уговоров согласился. У него другая семья, и Настей ему заниматься некогда. А мать на наши письма не ответила. Тогда ей стали писать из опекунского совета, сперва – безуспешно – домой, потом на работу, обращались к начальству Ирины. Чиновники, между прочим, долго искали, где мать Насти работает... В результате комиссия без согласия Ирины установила нашу опеку над её ребёнком. Нам советовали подать в суд и лишить мать Насти материнства. Конечно, мы на это не пошли. Пусть девочка помнит, что у неё есть мать, пусть страдает, но любит...

– Могли бы с нами посоветоваться, – сказала Татьяна Ивановна, замедляя кухонные дела.

– Так ведь уже советовались! Дальше, наверно, получилось бы так: мы с Верой Валерьяновной настаиваем на своём, а вы с Александром Васильевичем смягчаете перед нами неблагоприятное поведение дочери, выгораживаете Ирину. Почему вы не требуете от неё исполнения материнского долга и, вообще, по-моему, оберегаете от забот?.. Позовите её сюда. Пусть подтвердит, что и мы, и официальные лица не раз писали ей вполне вежливо. Неужели она вам об этом не рассказывала?

– Не надо звать. И говорите тише, – сказала Шитикова, встав к Андрею Ивановичу лицом. – Она нервная. Может

раскричаться на весь дом. Чего доброго, соседи позвонят в «кащенко», приедет машина.

– Что, бывает такое?

Татьяна Ивановна, показалось Чугунову, глянула испуганно, точно спохватившись, что наговорила лишнего. Ему сделалось неловко.

– Я сейчас поеду домой, – сказал Андрей Иванович. – О Насте вы не хотите спросить?

– Хочу. Как она там?

– Живёт неплохо. Шлёт вам привет. Ходит в две школы и везде учится достойно, правда, ей устный счёт даётся с трудом. Умная девочка, на редкость способная, трудолюбивая, добрая и мужественная. Вот сколько эпитетов можно к ней справедливо отнести.

– Далеко пойдёт. В кого она такая? – сказал Шитиков, вернувшийся в кухню. От него пахло куревом. Он опять сел с краю диванчика, закинул ногу на ногу и заиграл шлёпанцем.

– Только болезненно впечатлительна наша внучка, – добавил Андрей Иванович. – Это нас с Верой Валерьяновной беспокоит. Очень скучает по родителям. Нередко капризничает.

– А отец её как живёт? – спросила Татьяна Ивановна.

– Я уже оговорился, что у Алексея другая семья. Он живёт отдельно от нас. Занимается мелким предпринимательством. У его новой жены есть ребёнок от первого брака, девочка одного с Настей возраста. Кажется, вкратце я всё об

Алексее рассказал.

– Быстро он. Не успел развестись, как опять женился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.